

3
2
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мавинг РСФСР

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЮНОШЕСКОГО
ПРОЛЕТАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Составил Вл. Мирошевский

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1924

mm

RECEIVED

22

di

X

2

RECEIVED

06
10

Збр.м.з.

ХРЕСТОМАТИЯ

по истории

57334

международного юношеского
пролетарского движения

(26)

Составил Вл. Мирошевский

~~45273~~

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Св. сп. 22 с.р.р. 1973, т. II

Бібліотека
НАУК. ЦЕНТРА ІМ. ШЕВЧЕНКА

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1 9 2 4

945(0)

Напечатано в тип. ЦМВССР
„Красный Строитель“, ул.
Огарева, 9, в количестве 15000
экземпл. Главлит 23568.

~~3654.~~

Львівська державна
наукова бібліотека

№

3939

От издательства

В настоящее время в распоряжении комсомольского читателя имеется целый ряд брошюр, сборников и журнальных статей, посвященных истории международного движения пролетарской молодежи. К сожалению, пользование всей этой литературой в учебно-воспитательных целях чрезвычайно затрудняется ее распыленностью, раздробленностью; кроме того, некоторые работы, в основной своей части представляющие большую ценность, нуждаются в различных дополнениях и частичном редакционном пересмотре.

Это обстоятельство побудило нас подготовить и выпустить в свет настоящую „Хрестоматию“, составленную из материалов и документов, дающих в целом отчетливое представление о развитии всемирного юношеского пролетарского движения. Часть этих отрывков и документов заимствована из упомянутых выше самостоятельных исторических работ и сборников; другая часть еще не была опубликована на русском языке и сейчас впервые станет доступной нашему читателю.

Мы надеемся, что предлагаемая „Хрестоматия“ избавит читателя от необходимости производить продолжительные и зачастую неудачные поиски нужных ему материалов в нашей книжной и журнальной литературе.

У ИСТОКОВ

Возникновение юношеского пролетарского движения.
Штуттгартский конгресс 1907 г.

Документы и материалы:

1. Маркс о детском труде.
2. Значение детского и юношеского труда.
3. Разрушение семьи — предпосылка юношеского пролет. движения.
4. Положение малолетних рабочих в ремеслах и на фабриках.
5. Вытеснение взрослых рабочих из производства.
6. Австрийская рабочая молодежь в 1848 году.
7. Юношеская организация антимилитаристского типа (Бельгийская „Молодая гвардия“).
8. Воззвание бельгийской „Молодой гвардии“ против милитаризма.
9. Юношеские организации экономического и просветительного типа в Австрии.
10. Идейные расхождения между юношескими организациями и соц.-дем. партиями.
11. Влияние русской революции 1905 г. на движение молодежи.
12. Резолюция Штуттгартского конгресса о социалистическом воспитании молодежи.
13. Резолюция Штуттгартского конгресса об экономической борьбе.

Возникновение юношеского пролетарского движения.

„Рабочее движение—это грозное, бушующее море, систематически штурмующее твердыни капитала. Как и настоящее море, оно сливается из рек, речек и ручейков, образующих собою могучий поток. Роль ручейков играют отдельные пролетарские организации. Одной из отраслей рабочего движения, одной из рек, составляющих это могучее море, является движение рабочей молодежи“. (А. Леонтьев).

Движение рабоч. молодежи, как ветвь общепролетарск. движения.

Те самые причины, которые способствовали развитию общепролетарского движения, вызвали и зарождение организаций рабочей молодежи. „Основной фактор, приведший к возникновению юношеского пролетарского движения, есть капиталистический строй“. (Клара Цеткин). Капиталистические предприниматели, испытывая потребность в дешевых и покорных рабочих, неизбежно должны были применить массовое вовлечение детей и подростков в производство. Такое вовлечение было вполне осуществимо, поскольку развитие промышленной техники (введение машин) сделало возможным использование рабочих без большой мускульной силы и без значительной профессиональной выучки. Дети и подростки, наравне со своими отцами и матерями, изымаются из семьи (а иногда и попросту из „приютов для бездомных“) и становятся на работу у заводских станков. Тем самым юные пролетарии приобретают экономическую независимость (от взрослых членов семьи) и становятся равноправными товарищами взрослых рабочих. Нога в ногу с последними они выходят на широкую арену политической и экономической борьбы. Таким образом, развитие капиталистической промышленности вызвало разрушение старой семьи и вовлекло молодежь в сложный механизм общественного процесса производства. Призвав к станку огромную армию малолетних, капитализм тем самым подго-

Появление молодежи на общественной арене при капитализме.

товил условия для их объединения и самоорганизации в целях борьбы с существующим общественным укладом. Иными словами, капитализм создал материальные предпосылки для развития юношеского пролетарского движения. (См. в конце главы. Материалы и документы, №№ 1, 2 и 3).

**Экономическое
угнетение рабочей
молодежи.**

Итак, основным фактором возникновения юношеского пролетарского движения является капитализм. Но капиталистическое угнетение сказывается одновременно в целом ряде областей жизни молодого рабочего. Оно сказывается и на экономическом, и на культурном, и на политическом положении юных пролетариев. Само собой разумеется, что наибольшее значение в смысле создания почвы для юношеского движения имело массовое распространение труда молодежи и жесточайшая эксплуатация малолетних на капиталистических фабриках и ремесленных мастерских. Детский труд, благодаря своей дешевизне, вытеснял труд взрослых рабочих, и эксплуатация его не знала границ. В Англии в середине XIX ст. отмечались случаи, когда в шахтах работали 4-летние дети. Между тем, взрослые рабочие не всегда были склонны вступать в серьезную борьбу за интересы пролетарской молодежи. Последняя вынуждена была строить свои особые, самостоятельные, чисто-юношеские организации, отстаивающие ее насущные, повседневные, непосредственные нужды и интересы. Таким образом, необходимость противопоставить себя капиталистическим эксплуататорам в качестве мощной коллективной силы явилась ближайшей причиной, приведшей к возникновению движения рабочей молодежи, как особой ветви обще-пролетарского движения. (Материалы и документы, №№ 4 и 5). В тесной связи с экономическим угнетением рабочей молодежи стоит и ее „культурная нищета“. Так, в революционном 1848 году создались в Вене и некоторых других городах Австрии „организации ремесленного юношества, которые прежде всего выступили с требованиями профессионального характера, имевшими целью ослабить гнет эксплуатации и притеснений и дать им возможность позаботиться о своем общечеловеческом и профессиональном развитии“. (Чичерин).

Рядом с указанной причиной (экономическое угнетение и культурная отсталость), на возникновение юношеского движения действовал еще фактор другого характера, также тесно связанный со всей системой капиталистического угнетения рабочей молодежи. Мы имеем в виду необходимость борьбы с буржуазным милитаризмом, ясно вырисовавшуюся перед рабочей молодежью тотчас же вслед за ее первым выступлением на общественную

арену. Для того, чтобы успешно бороться за свои экономические и культурные нужды, рабочий класс и его молодежь должны обезопасить себя от того мощного аппарата принуждения, каким располагают правящие классы. Солдаты зачастую играют во время рабочих стачек, демонстраций и т. д. роль палачей и усмирителей. Это обстоятельство внушило мысль, что для успешной борьбы за раскрепощение пролетариата необходимо развитие среди молодежи (как главного поставщика „новобранцев“ в войска) антимилитаристского движения. Таким образом, необходимость борьбы против влияния военной идеологии на молодые умы, необходимость подготовки молодежи к отпору в случае участия войск в гражданской войне (равным образом, и в войне международной)—была второй непосредственной причиной зарождения юношеского пролетарского движения.

„Движение рабочей молодежи, имеющее целью ее организацию для борьбы на классовой почве, появляется на свет во время революции 1848 года в Австрии“. (Чичерин).

У истоков юношеского пролетарского движения.

Созданные в этот период в Вене и некоторых других городах Австрии организации объединяли, главным образом, молодых ремесленных учеников и подмастерьев; фабричной молодежи в то время в отсталой Австрии почти не было. Организации эти были сейчас же вовлечены в общий поток революционной борьбы; они распались вскоре после поражения революции 1848 года. (Мат. и док., № 6).

Возникновение первых более или менее прочных организаций рабочей молодежи относится к 80-ым и к началу 90-ых г. г. прошлого столетия. В 1885 г. возникают организации в Голландии (в Антверпене, Громингене и др.), в 1886 г. в Бельгии (в Генте), в 1894 г. в Австрии (в Вене) и т. д. В зависимости от двух вышеуказанных ближайших причин зарождения юношеского пролетарского движения, т. е. экономического угнетения и необходимости борьбы с буржуазным милитаризмом, намечаются и два типа этих организаций. Некоторые из них (напр., в немецкой Австрии или в северной Германии) уделяют свое внимание, главным образом, мирным задачам экономического и культурно-просветительного характера; другие (напр., в Бельгии, Италии и др.) ведут энергичную борьбу против буржуазного милитаризма и проявляют значительную политическую активность, которая уже в то „мирное“, спокойное время выдвигает их на роль авангарда мирового революционного движения. (Мат. и док., №№ 7, 8 и 9). Почему в одних странах возникали антимилитаристские организации молодежи, а в других — экономические? Это вызывалось особыми усло-

Два типа юношеских пролетарских организаций.

виями каждой отдельной страны. В странах, где пролетариат жил под особенно сильным игом полицейских преследований, его молодняку неизбежно приходилось на первых порах довольствоваться более или менее „мирной“, чисто экономической борьбой.

Штуттгартский конгресс 1907 года.

Юношеское движение к 1907 г. Как было указано, отдельные юношеские пролетарские организации стали возникать уже в 80-ых г.г. XIX ст. В первые годы существования юношеского пролетарского движения оно характеризовалось следующими основными особенностями:

1. Организационная распыленность, раздробленность движения. Не существовало интернационального объединения; международные связи, благодаря отсутствию их организационного оформления, были крайне слабы. Больше того. Даже в каждой отдельной стране не существовало единого союза молодежи; небольшие „союзики“, объединявшие рабочую молодежь какого-нибудь одного города, существовали раздельно друг от друга. Национальные (общегосударственные) объединения стали складываться только в начале 900-ых г.г.; международное же объединение (Интернационал молодежи) образовался только в 1907 году.

2. Организационная раздробленность движения, равно как и различие общественных условий в отдельных странах приводили к большому разнообразию типов юношеских пролетарских организаций и их программы. Некоторые организации (Бельгия и др.) ставили во главу угла политическую деятельность (антимилитаризм); другие ограничивались борьбой за улучшение экономического положения молодежи (Австрия) или даже чисто культурнической (просветительной) работой.

3. Организационная независимость большинства юношеских организаций от соц.-дем. партий, объединявших взрослых рабочих, являвшаяся результатом выжидательного или даже враждебного отношения большинства партийцев к юношескому движению. Эта организационная независимость юношеских организаций имела свои плюсы и минусы, свои хорошие и плохие стороны. Благоприятный результат организационной самостоятельности юношеского движения заключался в том, что союзов молодежи в то время почти не коснулось разлагающее влияние реформизма (сглашательства), ко-

торым было заражено движение взрослых рабочих. Юношеские организации были революционны, они готовили не мещанских чиновников партийной и профсоюзной бюрократии, а горящих энтузиазмом пролетарских бойцов. Минус организационной самостоятельности юношеских организаций заключался в том, что отсутствовало систематическое идейное руководство со стороны взрослых революционеров - марксистов, благодаря чему в некоторых юношеских организациях (напр., в Швеции, Голландии и др.) пользовались преобладающим влиянием анархисты и синдикалисты. В общем и целом, юношеское движение в конце XIX ст. и в первые годы XX ст. носило более ярко выраженный революционный отпечаток, чем движение взрослых рабочих (Второй Интернационал), но оно еще недостаточно пропиталось марксистским, научно-социалистическим духом; в нем господствовал стихийный революционаризм и большая теоретическая путаница. (Док. и мат., №№ 10 и 11).

Мы отметили выше организационную распыленность юношеского движения на первой стадии его развития. Само собой разумеется, что весь вред этой распыленности и раздробленности в конце концов должны были ясно ощутить и понять как руководящие слои союзов молодежи, так и массы рядовых членов. В начале 900-ых г.г. Карл Либкнехт, Людвиг Франк (Германия) и Де-Ман (Бельгия) пытались установить связь между отдельными социалистическими организациями молодежи. Их попытки привели к созыву в 1907 г. в германском городе Штуттгарте международного конгресса социалистической молодежи, состоявшегося непосредственно после Штуттгартского конгресса соц.-дем. Интернационала взрослых рабочих. На конгрессе были представлены организации Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Испании, Англии, Голландии, Швеции и Австралии. Все представленные организации насчитывали еще очень небольшое число членов (наиболее сильные из них—Швеция около 17 т. членов и Бельгия около 8 тыс.). Председателями конгресса были избраны К. Либкнехт (Германия) и Бадер (Швейцария), секретарем Ремеле. На всех постановлениях конгресса лежал революционный отпечаток.

**Штуттгартский
конгресс 1907 г.**

Основой всех дебатов были вопросы просвещения, экономической и антимилитаристской борьбы. В резолюции о социалистическом воспитании, предложенной Генриеттой Роланд-Хольст и принятой конгрессом, отмечалась необходимость постановки политико-просветительной работы внутри союзов пролетарской молодежи, при чем залогом успешности и необходимым дополнением этой работы должно служить вовлечение

**Решения Штутт-
гартского кон-
гресса.**

молодежи в общественную (экономич. и политич.) борьбу и пробуждение самостоятельности молодежи; для последнего необходима организационная самостоятельность союзов молодежи. Таким образом, в резолюции Штуттгартского конгресса мы находим уже все основные мысли, лежащие и сейчас в основе нашей программы коммунистического воспитания молодежи. (Док. и мат., № 12). В резолюции об экономической борьбе подчеркивалась необходимость постоянного и точного контакта молодежи с профсоюзами, и намечались основные экономические требования. Из этих требований впоследствии исходили все социалистические организации молодежи; большинство из них не осуществлено в капиталистических странах до сих пор. (Док. и мат., № 13). По вопросу об антимиитаризме докладчиком на Штуттгартском конгрессе был Карл Либкнехт; он изобразил картину развития милитаризма и отметил двойственность его задач (борьба с „внешним“ врагом и подавление „внутреннего врага“, т.-е. революционного пролетариата); далее Либкнехт обосновал необходимость борьбы с милитаризмом и высокое значение той роли, какую в этой игре должна играть рабочая молодежь.

Все решения Штуттгартского конгресса были приняты под влиянием радикальных, революционных групп международной соц.-демократии. Во всех прениях звучала мощная мелодия русской революции 1905 года.

Основание Интернационала молодежи.

Конгресс проделал также большую работу в организационной области. Было создано Международное Бюро Социалистического Интернационала Молодежи с местопребыванием в Вене. Секретарем Бюро был избран видный деятель австрийского движения молодежи Роберт Даннеберг. Однако, при намечении организационных основ юношеского Интернационала были допущены крупные ошибки, не замедлившие вскоре принести свои губительные результаты. Сношения Международного Бюро с организациями отдельных стран должны были происходить исключительно через официальные верхи соц.-дем. партии каждой страны; таким образом, в каждой стране юношеское движение было целиком оставлено на произвол партийных чиновников, и юношеское Международное Бюро могло играть роль лишь информационную, т.-е. довольно ничтожную. Юношеский Интернационал 1907 г. существовал, в сущности, только на бумаге; на деле в каждой отдельной стране всем стали заправлять партийные бюрократы. Характерно, что даже в этом куцум Интернационале германская социал-демократия не разрешила своей молодежи официально участвовать.

Документы и материалы.

1. К. Маркс о детском труде.

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Таким образом, мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи, без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных правами пределах, для нормы самой семьи.

(К. Маркс, „Капитал“).

2. Значение детского и юношеского труда.

Труд подростков находит себе применение в самом начале капитализма лишь в виде единичных случаев. Но очень скоро массовое приложение детского труда становится вполне обыденным явлением. Уже в 1833 г. в Англии применялся труд детей от 5 до 9 лет, причем их заставляли работать 14—16 часов в сутки.

По мере развития техники труд становится все более простым, разделяясь на ряд весьма несложных функций. На этой основе становится возможным массовая эксплуатация труда женщин и детей. Капиталист предпочитает детский труд, как наиболее дешевый. Родители-рабочие и разоряющиеся мелкие собственники принуждаются „костлявой рукой голода“ бросать своих детей в объятия бесчеловечной эксплуатации.

В конце XIX и начале XX века детский и юношеский труд стал применяться особенно широко. Во всех странах

число рабочей молодежи начинает составлять весьма внушительную цифру по отношению к пролетариату вообще. Так, в Германии по переписи 1907 г. оказалось три миллиона малолетних рабочих в возрасте от 14 до 18 лет. В Швейцарии в 1912 году на 405.000 рабочих вообще приходится 92.000 молодых рабочих, что составляет около $22\frac{1}{2}\%$ или более $\frac{1}{5}\%$.

При этом труд молодежи эксплуатируется по двум основным направлениям: 1) в капиталистической промышленности; 2) в ремесленном производстве. Если капиталисты предпочитают детские рабочие руки, как самые дешевые, то мелкие производители (ремесленники) видят в безграничной эксплуатации труда молодежи единственное средство, дающее им возможность продержаться при конкуренции крупного производства. „Ученики и их работа спасают мелкую промышленность“—пишет В. Мюнценберг в одной статье.

Но какой ценой достается это „спасение“! Ценой жизни тысяч и тысяч молодых существ, не знающих „золотой поры детства“, исполняющих изнурительную непосильную работу, рано стареющих и безвременно погибающих.

Количество молодежи, занятой в мелком ремесленном производстве и находящейся в крайне тяжелом положении, в некоторых странах очень значительно. В Швейцарии (страна с преобладанием мелкой промышленности) из 92.000 молодых рабочих в 1912 г. было около 30.000 (т.-е. около одной трети) учеников, занятых в ремесле. В более же развитой отрасли швейцарской промышленности—текстильной, в которой преобладают крупные предприятия, учеников было всего 1.500 из общего числа рабочей молодежи 22.300, что составляет одну пятнадцатую (данные 1905 года).

Массы рабочих, стонавших под бременем невыносимой эксплуатации и гнета, составили ту основу, на которой могло возникнуть и развиваться широкое рабочее движение. Массы юного пролетариата, находящегося в тяжелых до невозможности условиях, послужили фундаментом для социалистического юношеского движения. Экономическая основа юношеского движения—это трудящаяся и эксплуатируемая молодежь.

(А. Леонтьев, „Пролет. юнош. движение“)

3. Разрушение семьи—предпосылка юношеского пролет. движения.

Основной фактор, поведший к возникновению юношеского социалистического движения, есть капиталистический строй. Он именно вырывает мальчика и девочку из семьи и бросает их на рабочий рынок, делает их с отроческих лет предметом выдавливания сверхприбыли в пользу господствующего класса.

Но, вместе с тем, эксплуатирующий молодежь капитал совершает глубочайший переворот в отношении ее к семье и во всем ее сознании. Экономически молодежь, вступившая в армию наемного труда, стоит уже на собственных ногах, семья перестает быть для нее местом покровительства и воспитания. Старые семейные отношения были построены на абсолютном праве приказания со стороны родителей, экономически содержащих семью, и на абсолютном обязательстве повиновения детей, экономически содержимых родителями. Вместе с приобретением молодежью экономической независимости это отношение грубой силы между родителями и детьми революционизируется. На место беспрекословного повеления с одной стороны и слепого повиновения — с другой, должны стать товарищество и дружба. Необходимость заботиться о собственном пропитании ведет к быстрому созреванию молодежи и пробуждает в ней сознание собственной независимости. Будучи вовлечены в механизм сложной современной социальной жизни, молодые люди рано приучаются самостоятельно решать и действовать. Сделавшись составными частями общественного процесса производства, молодые люди признают свое социальное значение, как рабочих. Они начинают требовать, чтобы не только родители, но и все взрослые вообще видели в них равноправных товарищей, вместе с ними имеющих право голоса во всех вопросах, касающихся их жизни. Одним словом, стук паровых молотов и скрип колес капиталистических предприятий пробуждают в молодых пролетариях сознание того, что они — человеческие личности с собственными правами и собственными обязанностями. Однако, это сознание не ведет в рабочей молодежи к тому настроению крайнего индивидуализма, который господствует в буржуазном юношестве. Для пролетарской молодежи индивидуализм не является принципом личного развития и общественной деятельности. Она руководствуется другим принципом. Среди механизма капиталистического производства молодой пролетарий рано начинает видеть, что, будучи предоставлен собственным силам, он не что иное, как листок, носимый по воле ветра и бурь окружающего экономического и социального мира. Он чувствует, что, будучи один, он будет побежден в борьбе с враждебными силами жизни. Сами факты внушают ему убеждение, что силу для победы он может черпать лишь из солидарности и общности воли и действий со всеми теми, чьи страдания являются его страданиями, чьи желания являются его желаниями. Молодой пролетарий рано начинает сознавать, что он есть член своего класса. К тому же ведет его потребность в здоровом и полном развитии всех заложенных в нем сил и способностей. Молодым пролетарием овладевает горячая жажда того, чтобы все заложенные в нем силы расцвели в полном блеске, и между тем тысячи голосов кричат ему отовсюду:

эти возможности развития тебе не даны. Молодой пролетарий сознает, что из него могло бы выйти всесторонне и гармонически развитое существо, он видит, что заложенным в нем силам и красоте его человеческой личности не дано расцвести пышным цветом, и он видит также, что то именно, что препятствует ему в этом, есть то самое, что препятствует в этом и всем его сотоварищам по возрасту и по классу, — классовое положение пролетариата. Сама жизнь заставляет его понять, что источник всех его бедствий есть классовое положение его и всех ему подобных, и что единственный выход для него и для них, единственная возможность и для него и для них завоевать себе лучшее будущее — общая борьба в рядах рабочего класса против существующего строя и за его преобразование. Молодые пролетарии научаются видеть в классовой борьбе ту силу, которая должна открыть свободный путь для их развития. Они проникаются сознанием того, что и для их расцветающей человеческой личности единственный великий освободитель есть социализм. Им становится ясно, что их будущее неразрывно связано с историческими жизненными интересами всего пролетариата в целом.

(Из речи тов. Клары Цеткин на женском соц.-дем. съезде в 1908 г.).

4. Положение малолетних рабочих в ремеслах и на фабриках.

„В ремесленных производствах и на фабриках положение было следующее:

1. Встречаются случаи, когда дети начинают работать уже в возрасте трех и четырех лет и нередко в возрасте пяти, шести и семи лет, тогда как в общем они обыкновенно начинают работать в семь или восемь лет. Большинство детей начинает работать, следовательно, с девятого года жизни, хотя и существуют немногие производства, в которых дети начинают работать с десяти, даже с двенадцати лет и даже еще позднее.

2. Во всех тех случаях, когда работают совсем маленькие дети, родители всегда приспособляют их к какому-либо занятию у себя на дому и под личным своим наблюдением; но, начиная с пятилетнего возраста и старше, дети уже массами работают в мелких или крупных мануфактурных заведениях.

3. Значительное количество всех лиц, занятых в ремеслах и на фабриках, состоит из подростков, не достигших еще тринадцатилетнего возраста, и еще большее число состоит из лиц 13—18 лет, хотя в отдельных случаях число лиц, не достигших

13-летнего возраста, равняется количеству лиц в возрасте между 13—18 годам, иногда даже превышает последнее, как это доказывают отдельные случаи...

5. В некоторых отделах весьма распространенных производств, например, при плетении кружев, при плетении из соломы и при расческе шерсти, занято большинство самых маленьких детей, не считая тех, которые работают у себя на дому под надзором своих родителей или хозяек в так называемых школах, которые в действительности являются скорее мастерскими...

13. Некоторые работодатели этих округов имеют обыкновение нанимать на работу детей по простым письменным условиям. При нарушении последних виновный может подвергаться заключению, что часто и случается, несмотря на его возраст.

14. В этих округах существует обычай, что родители занимают деньги у работодателей и обязываются особыми условиями возвращать долг из заработка детей; то же самое замечается в Бирмингеме и Варрингтоне, тогда как в большинстве других мест нет указаний на существование этой системы...

20. Почти повсюду дети работают столько же, сколько взрослые, иногда 16, даже 18 часов, без перерыва...

29. Хотя в некоторых немногочисленных производствах и мануфактурах употребляются опасные машины и иногда происходят очень серьезные несчастные случаи, но дети в общем редко поставлены в такие условия, что подвергаются такого рода опасностям, хотя вообще несчастные случаи, как, например, раздробления рук, отрезанные или скомканные между зубьями шестерен и вальцовыми валами пальцы и попавшие в приводные ремни и измятые руки—в некоторых производствах и не являются исключительными происшествиями. Иногда ремней, колес и т. д. такое множество, и многие из них помещены на таких открытых местах, что рабочие всегда находятся в опасности и принуждены быть на чеку, чтобы избежать несчастия; можно бы избежать многих несчастных случаев, если бы обращено было строгое внимание, чтобы машины поставлены были правильно и устроены были предохранительные аппараты.

30. Во многих из этих производств и во многих мануфактурных, особенно в булавочном производстве, в гвоздарнях, в кружевном производстве, а также на чулочно-вязальных фабриках, в ситцепечатнях, в гончарных заведениях и на табачных фабриках,—дети не только не получают хорошей и достаточной пищи, но даже теплого и приличного платья; на многие предложенные им вопросы они отвечают, что имеют редко, или даже никогда не имеют в достаточном количестве пищи и что многие из них одеты в лохмотья. Общая жалоба заключается в том, что вследствие неимения подходящей одежды они не могут посещать воскресных школ или церкви.

В большинстве случаев физическое развитие детей очень серьезно пострадало под совокупным вредным влиянием подобной преждевременной работы, длины рабочего дня и недостаточного количества питания и одежды; в большинстве они кажутся удрученными, хрупкими, имеют бледный цвет лица и болезненный вид, малорослы и производят впечатление поколени с ослабленными физическими силами...

32. Болезни, главным образом встречающиеся среди них и к которым они более восприимчивы, чем дети того же возраста и сословия, но которые не вынуждены работать, — следующие: болезненные явления органов питания, искривления и вывихи позвоночника, изуродования членов и болезни легких, кончающиеся истощением и чахоткой“...

(Из парламентской анкеты в Англии в 30-ых г.г. XIX в.).

5. Вытеснение взрослых рабочих из производства.

(Письмо английского рабочего).

„У меня имеется под руками письмо английского рабочего Роберта Пундера, живущего в Лидсе (даю его точный адрес специально для буржуазии, пусть она его разыскивает), адресованное Сотлеру. Письмо это чрезвычайно наивно, но орфографию его и иоркширский диалект невозможно передать ни на каком другом языке. Автор его рассказывает, как один из его знакомых, также рабочий, разыскивая работу, попал в Сент-Гелен в Ланкашире и там отыскал своего старого друга: „Он нашел его, и когда пришел к его жилищу, представьте себе, что он увидел низкий, сырой подвал“. Затем следует описание мебели: „два старых стула, круглый стол о трех ногах, ящик; постели не было, но в углу лежала куча старой соломы, покрытая грязными простынями. Возле камина лежали два полена. Когда мой бедный друг вошел, он увидел, что несчастный Джек сидит на поленьях у огня и, что бы вы думали, он делал? Он штопал толстой иглой чулки своей жены. Когда он увидел своего друга в дверях, он хотел спрятать чулки, но Джо,—так называется мой знакомый,—уже увидел их и сказал: „Что за чорт, Джек, что ты делаешь? Где твоя жена? Разве это работа для тебя?“ — Бедный Джек был очень смущен и сказал: „Я знаю, что это работа не для меня, но моя бедная жена на фабрике. Она должна уходить в 5½ часов утра и работает до 8 часов вечера. Вечером же, когда она возвращается домой, она так утомлена, что ничего не может делать, и я должен все, что могу, делать вместо нее, потому что у меня теперь нет работы, и я не имел ее уже три года и, должно быть, никогда больше не буду иметь“. И он заплакал горькими слезами. „Нет, Джо,—сказал он,—в этой местности есть достаточно работы для женщин и детей, но для мужчин ее нет.

Легче найти на улице сто фунтов, чем получить здесь работу. Однако, я не надеялся, что ты или кто-либо другой увидит, что я штопаю моей жене чулки. Это очень скверная работа, но жена моя едва держится теперь на ногах; я боюсь, что она совсем расхворается и не знаю, что с нами тогда будет. Она уже давно у нас глава в доме, и я заменяю жену. Плохи дела, Джо. А ведь не всегда так было со мною".—И он горько плакал. „Да, Джек,—сказала Джо,—но как же ты мог жить, не имея все это время работы?"—„Я тебе скажу, Джо, я старался, как мог, но дела шли плохо. Ты знаешь, когда женился, у меня было довольно много работы и я не был ленив".—Это верно.—„У нас было хорошо меблированное жилище, и Мери не нужно было работать: я мог заработать на нас двоих. Но теперь весь мир перевернулся наизнанку. Мери должна работать, а мне приходится сидеть дома, нянчить детей, мести полы, стирать, стряпать и штопать, ибо, когда бедная жена вечером приходит домой, она бывает очень усталой и обессиленной. Знаешь, Джо, это ужасно для того, кто привык к иной жизни".—Да, парень, это тяжело,—сказал Джо, и Джек снова начал плакать. Он говорил, что было бы лучше, если бы он не женился вовсе, было бы лучше, если бы он и на свет не родился; но что он не думал, когда женился на Мери, что ему придется так плохо. „Сколько я ревел над этим",—сказал Джек. И вот, когда Джо все это услышал, он стал проклинать фабрики, фабрикантов и правительство всеми проклятиями, каким он научился с малых лет на фабрике".

(Цит. у Фридриха Энгельса. „Положение рабочего класса в Англии").

6. Австрийская рабочая молодежь в 1848 году.

Движение рабочей молодежи, имеющее целью ее организацию для борьбы на классовой почве, появляется на свет во время революции 1848 года в Австрии. Находившиеся в особо тяжелых условиях существования ремесленные ученики в момент „весны народов" в Австрии впервые произвели попытку объединиться, организовать, совместными силами бороться за улучшение собственного положения и участвовать в общей борьбе рабочего класса за лучшее будущее. Создавшиеся в тот момент в Вене организации ремесленного ученичества прежде всего выступили с требованиями профессионального характера, имевшими целью ослабить гнет эксплуатации и притеснений и дать ему возможность позаботиться о своем общечеловеческом и профессиональном развитии. Но в это бурное время для них не оказалось возможным много заниматься своими профессиональными вопросами. Эти молодые организации были сейчас же вовлечены в общий поток

революционной борьбы. Их члены принимали деятельное участие в уличных боях на баррикадах Вены, при чем они специально занимались тем, что готовили и приносили на баррикады аммуницию для своих старших соратников. Члены юношеских организаций, занимавшиеся изготовлением аммуниции и проникавшие в самые опасные места уличных боев для снабжения сражающихся на баррикадах народных героев необходимыми военными материалами,—эти картины остались в памяти австрийского рабочего класса, как незабвенное воспоминание из периода его первых революционных выступлений. Когда восторжествовала грубая сила солдатчины, и кровавые репрессии захлестнули Вену, юношеские организации точно так же были в числе пострадавших и насчитывали в своих рядах большое количество мучеников за дело революции. Те из их членов, которые не были расстреляны в момент торжества контр-революции или так или иначе не успели скрыться, были на много лет заперты в те мрачные австрийские крепости, где отбывали наказание борцы революции, жизнь которых была пощажена. В крепостях они подвергались самому суровому режиму, и их употребляли для наиболее тяжелых и неприятных работ. Образ члена юношеской организации, подвергающегося в стенах мрачной крепости всевозможным суровым карам и исполняющего тяжелые работы, также остался в памяти австрийского рабочего класса, как одно из воспоминаний периода наиболее тяжелых испытаний.

Прошло почти полстолетия, пока юношеское рабочее движение воскресло снова уже в связи с грандиозным ростом Второго рабочего Интернационала.

(Г. Чичерин, „Очерки из истории юношеского Интернационала“).

7. Юношеская организация антимилитаристского типа (Бельгийская „Молодая гвардия“).

Незаметно назревавшее почти повсеместно юношеское движение впервые вступает и принимает конкретные организационные формы в Бельгии в лице так называемой „Молодой гвардии“. Средине восьмидесятых годов в Бельгии была временем грандиозных народных движений, громадных стачек, диких репрессий и направленных против принявшего бурные формы рабочего движения массовых кровопусканий. Было объявлено военное положение, и происходили постоянные расстрелы рабочих собраний или манифестаций. Роль палачей, которую при этом играли вышедшие из рабочего класса солдаты и беспрекословное повиновение последних своему начальству впервые внушили мысль о том, что для успешной борьбы против государственного аппарата принуждения необходимо развитие

среди молодежи антимилитаристского движения. Почти одновременно возникли именно с этой целью организации молодежи во Фламандской части, Бельгии, главным образом в Антверпене и Генте, в Валлонской части, главным образом, в центрах тяжелой металлургии, и в государственном центре Бельгии— в Брабанте с его главным городом, столицей Бельгии, Брюсселем. При сильно развитой в Бельгии локальной*) жизни ее провинций и больших городов, при недостаточной слитости в одно целое ее различных национальных частей, движение молодежи приняло характер параллельных течений, лишь несовершенен между собой соединенных и не слившихся в одно целое. Это деление бельгийского юношеского движения на отдельные местные движения служило все время для него тормазом и заставляло разбрасывать силы там, где задачи движения требовали их объединения. Во всех трех частях Бельгии организованная рабочая молодежь одинаково стала называться „Молодой гвардией“ и ставила перед собой одинаковые задачи. Органы „Молодой гвардии“, носившие различные названия, выходили параллельно на французском и фламандском языках в различных городах, при чем, вследствие недостатка сил и средств, они периодически то появлялись, то снова исчезали. Главным агитационным средством „Молодой гвардии“ были внушительные манифестации, направленные против милитаризма и, главным образом, приурочивавшиеся к моменту призыва новобранцев. В виду того, что в Бельгии существовал крайне несовершенный закон о воинской повинности, позволявший занимать вместо себя заместителя и тем самым дававший возможность богатой молодежи откупаться от военной службы, выставляя вместо себя бедняка, демонстрации „Молодой гвардии“ были направлены не только против милитаризма вообще, но и, в частности, против дефектов бельгийского закона о воинской повинности, в особенности против системы заместительства. В Бельгии одновременно с армией существовала так называемая гражданская гвардия, состоявшая из представителей зажиточных классов и употреблявшаяся для борьбы против внутреннего врага, ибо в этих случаях на общенародную армию правительство не считало возможным полагаться. Демонстрации „Молодой гвардии“ были поэтому часто направлены и против существования и реакционных поползновений гражданской гвардии. В день призыва новобранцев манифестации „Молодой

*) Т.-е. в различных частях страны, имеющей свои определенно отличающиеся одна от другой формы, как-то: свои обычаи, нравы, свой язык, свои занятия и т. д.

гвардии" принимали грандиозный характер, по всему городу проходили шествия с красными знаменами, с пением революционных песен, при чем участники одевались в траурное платье и надевали на платье креп. Первый из членов „Молодой гвардии“, которому нужно было вытаскивать жребий, вместо этого произносил зажигательную речь и отказывался тянуть жребий, так что вместо этого подвергался зачислению в армию насильственно. Точно также и другие члены „Молодой гвардии“ следовали его примеру и отказывались участвовать в церемонии вытаскивания жребия. За молодыми людьми, участвовавшими в этих демонстрациях, следовали в большом количестве члены их семейств и их знакомые, так что такие демонстрации принимали, действительно, широкий характер, охватывая большие массы народа.

Борьба против несовершенства военного закона продолжалась в Бельгии много лет, но, наконец, закончилась реформой армии и уничтожением системы заместительства. После введения в Бельгии улучшенного закона о воинской повинности исчез один из прежних стимулов для движения „Молодой гвардии“ и устраиваемых ею демонстраций. После этого в течение нескольких лет юношеское движение в Бельгии несколько ослабело, так как оно перед этим питалось в большой мере негодованием, вызывавшемся системой заместительства и другими особо яркими несовершенствами прежнего военного закона.

Этим, конечно, даже в тот первый период развития бельгийского юношеского движения, его содержание не исчерпывалось. Менее бросалась в глаза другая его сторона, а именно его культурно-просветительная работа. В первый период развития бельгийского юношеского движения к нему, как это, впрочем, имело место и повсюду, относились с крайним недоверием старшие поколения. На членов „Молодой гвардии“ смотрели, как на нахалов и выскочек, не признававших никаких авторитетов, анархически настроенных, стремившихся к внешним шумным демонстрациям, а не к серьезной работе. В действительности производившаяся юношеским движением культурно-просветительная работа постепенно заставила противников „Молодой гвардии“ отказаться от враждебного к ней отношения. Через „Молодую гвардию“ прошло большинство деятелей бельгийского рабочего движения, сыгравших вслед за этим видную роль в рабочей партии и политической жизни Бельгии. Когда несколько лет тому назад торжественно праздновался двадцатипятилетний юбилей существования „Молодой гвардии“, на торжественном банкете участвовали многие виднейшие члены бельгийской рабочей партии, первый период деятельности которых в свое время протекал в рядах „Молодой гвардии“.

Отношение к старшим поколениям и права юношеских организаций в рядах рабочей партии, бывшие в других странах

предметом самой ожесточенной борьбы и нередко приводившие к жестоким преследованиям юношеских организаций со стороны официальной партии, в Бельгии никогда острого характера не принимали. Этому способствовало отсутствие централизации в бельгийской рабочей партии, представляющей до сих пор конгломерат самых разнообразных групп, организаций и союзов. Местные политические группы, преследующие больше всего избирательные цели, местные группы профессиональных союзов, местные кооперативы, всевозможные культурно-просветительные организации, вплоть до певческих хоров и рабочих оркестров,—все вместе составляют рабочую партию. Когда в числе других разношерстных организаций появились в рядах рабочей партии „молодые гвардейцы“, их появление могло совершиться вполне безболезненно. При этом руководители рабочей партии заботились о том, чтобы в центральных инстанциях партии „Молодая гвардия“ могла принять также некоторое участие.

На общих конгрессах рабочей партии обыкновенно устраивалось так, что в центральных учреждениях рабочей партии бывали некоторые члены и из состава „Молодой гвардии“. Собственно, борьба из-за положения юношеских организаций в официальной партии, повсеместно принявшая острый характер в течение последнего десятилетия, в самой Бельгии обострилась уже перед самой войной, и на этой почве происходила борьба внутри бельгийской рабочей партии в 1914 году в связи с попыткой выделения политических организаций рабочего движения в особое целое, при чем противники полноправного юношеского движения не желали включить его в состав политических организаций. Возможно, что, если бы не вспыхнула война, на этой почве, в виду существовавшего сильного движения против полноправности юношеских организаций, возникли бы самые острые конфликты. Вместе с развитием министерализма и крайнего оппортунизма в верхах рабочей партии „Молодая гвардия“ в Бельгии, как и в других странах, часто примыкала к оппозиции против партийных верхов, и в ее рядах насчитывались некоторые из наиболее энергичных представителей революционного течения, вызывающего со стороны вершителей судеб официальной партии крайне враждебное отношение. В Бельгии, впрочем, этот антагонизм не принял такого острого характера, как во Франции и в Германии.

(Г. Чичерин, „Очерки из истории юношеского Интернационала“).

8. Воззвание бельгийской „Молодой гвардии“ против милитаризма *).

„Новобранец!

Завтра ты сделаешься солдатом!

Но сегодня ты еще рабочий, и мы, молодые рабочие, можем говорить с тобою свободно. Вместе с нашим братским приветом мы даем тебе последний совет—прежде, чем ты вступишь в казарму.

Когда го слепой случайности ты вытянул дурной номер, ты проклял позорный кровавый закон, который отрывает тебя от твоей семьи, от твоей возлюбленной, твоей работы.

Твой дух возмущается против несправедливого закона, который заставляет тебя провести лучшие твои годы в казармах, в то время как сынки богачей откупаются несколькими золотыми, отчеканенными твоим потом, от того, что они называют „священным долгом“.

Ты знаешь, что отправляешься в казармы, чтобы стать человеком, который по приказу начальства без размышления и ропота убивает своих братьев, чтобы стать сторожевым псом правительства и предпринимателя, который обогащается на твой счет и на счет работы твоих братьев. В случае войны, забастовки или восстания, тебе могут дать приказ стрелять в рабочих, таких же рабочих, как ты, чьи интересы и воля—твои интересы и твоя воля. Для этого ты идешь в казармы.

Когда ты туда попадешь, старайся исполнять возможно лучше твою службу. Ты этим много выиграешь и ничего не потеряешь. Веди себя хорошо, будь скромн и доброжелателен к товарищам; если ты выразишь себя достойным и сознательным человеком, ты даже вызовешь уважение со стороны твоего начальства.

Не упускай при этом никакого случая раз'яснить твоим братьям, для чего они находятся в казарме, чему служит армия, и что от них требуют.

Тогда твоя ненависть против милитаризма не останется бессильной, ибо внутри, как и вне казармы, рабочие составляют большинство, и как только они это поймут, то сделаются величайшей силой.

Никогда не забывай, что войско неимущих в солдатской форме не должно никогда выступать против неимущих в рабочей блузе.

Никогда не забывай, когда ты будешь стоять во время забастовки или восстания в рядах против твоих братьев (рабо-

*) Воззвание издано в 1905 году.

чих, когда за твоей спиной будут револьверы офицеров, что рабочие всех стран имеют одно только знамя, одно только отечество и единственный лозунг: „Да здравствует социализм“!

Фламандская федерация социалистической молодой гвардии.

9. Юношеские организации экономического и просветительного типа в Австрии.

Совершенно другой характер, чем в Бельгии, приняло с самого начала юношеское движение в Австрии.

В эту мещанско-крестьянскую страну мелкого производства, городского ремесла, глубоко проникших в народные массы католических традиций, вторглось современное крупное производство, разрушая старые хозяйственные формы и традиционный быт, возводя недалеко от кемощенных улиц и одноэтажных лачужек великолепные громадные здания и проникая в горные долины с базальтовыми скалами, шумящими водопадами и живописными избушками, приютом нищенствующей домашней промышленности в виде прозаических заводов, нарушающих первобытную ценность картин природы и вносящих в нее шум и движение современности. С одной стороны, разоряемое конкуренцией могучего соперника, мелкое городское ремесло прибегало к безграничной эксплуатации попадающих в его лапы наиболее беззащитных детских рабочих сил, превращая ремесленное ученичество в самую варварскую форму дикой эксплуатации со стороны прижатой к стене отсталой формы производства, находя союзников в старых католических традициях, поддерживающих принципы смирения, кротости, подчинения старшим, власти и авторитета мастера и хозяина, и пользуясь, разумеется, всяческой поддержкой со стороны полуабсолютистского государственного аппарата габсбургской монархии. С другой стороны, крупное производство, вторгшееся в отсталую страну, в погоне за дешевыми рабочими руками и беззащитными и безответственными наемными рабами, создавало для последних донельзя тяжелые условия труда, в особенности хищническим образом распоряжаясь попадавшими в его власть юношескими рабочими силами.

Допотопное ремесленное ученичество, доведенное до крайней степени варварского быта, с начинавшими открываться перед его глазами безграничными перспективами современного хозяйства, с создаваемым им новым идейным миром, и, с другой стороны, молодые рабочие, пробуждающиеся из наемных рабов к новой жизни и новым стремлениям современного производства,—в этой двойной среде незаметно стихийно стало зарождаться австрийское юношеское движение.

В бедных отдаленных предместьях Вены, где улицы еще в двадцатом столетии оставались небогатыми, в ветхих и грязных старых домах гибнущий ремесленный быт подвергал свой источник рабочей силы—ремесленных учеников самым варварским условиям жизни, бесконечным рабочим дням, голоду, варварским истязаниям и самой нездоровой обстановке работы и жизни. В тех же невзрачных предместьях жили и молодые рабочие, рабы нового тирана—могучей безжалостной машины. Угнетенная, но уже протестующая молодежь сходилась, рассуждала, предчувствовала новый мир человеческих отношений, стремилась читать, развиваться, спланировать свои силы для борьбы за улучшение своего положения.

В начале девяностых годов незаметный процесс возникновения юношеского движения начинает принимать осязательные формы. В рабочих кварталах Вены—Оттакринг и Гернальс—наиболее передовые квалифицированные молодые рабочие, главным образом, молодые металлисты, стали создавать кружки, занимаясь самообразованием и обсуждая вопрос о том, как наилучшим образом защищать общие интересы безгранично угнетенного трудящегося молодого поколения. Они были в оппозиции ко всему, что их окружало, и кружки их стали называться „Братьями-Скорпионами“.

В 1893 году это движение настолько выросло, что могло вылиться в окончательные организационные формы. В течение 1893 и 1894 гг. создается союз рабочей молодежи в Вене и почти одновременно с ним, независимо от него, другие союзы в отсталых южных провинциях Австрии.

В грязных задних комнатах венских народных кабачков, где в изобилии распивается пильзенское пиво, сходились члены первых юношеских организаций, пока, наконец, они не нашли возможным, поскольку полицейские условия это допускали, созывать общие собрания, выступать открыто и заявлять о себе в печати. Появление юношеских организаций на общественной арене было встречено градом ругательств и неумолкающими насмешками. Мальчишка, подвергшийся побоям хозяев и мастеров, выступающий в виде председателя собрания, деятеля союза или автора статьи, казался отсталому австрийскому обывателю чем-то неизмеримо смешным, заслуживающим всевозможных насмешек и издевательств и в то же время самых суровых наказаний и гонений. Этот первый, самый трудный период развития юношеских организаций был, однако, пройден, благодаря непоколебимой стойкости и безграничному воодушевлению молодых начинателей нового движения. Безчисленны незаметные жертвы, принесенные участниками последнего, и даже хроника австрийского союза рабочей молодежи не сохранила безвестных имен тех подростков, которые под-

вергались репрессиям, изгонялись из мастерских и, не встречая ничего, кроме враждебного отношения в собственной семье, бесконечными лишениями пробивали себе дорогу и в то же время пробивали дорогу юношеской организации, будущему орудию улучшения судьбы молодого рабочего поколения.

В течение целого десятилетия юношеские организации в Вене и южных провинциях владели тяжелым существованием, постепенно перерастая первоначальные местные рамки, пока, наконец, их существование было признано и им удалось слиться в виде единого союза австрийской рабочей молодежи.

Две основных задачи поглощали силы этого союза: борьба за улучшение положения ремесленных учеников и молодых рабочих и культурно-просветительная деятельность, классовое саморазвитие молодого трудящегося поколения. Третья задача, занимавшая вообще юношеское движение данного периода—антимилитаристская*) агитация, в виду особенно тяжелых полицейских условий отсталой Австрии, была по необходимости на заднем плане. Конечно, занимаясь саморазвитием, австрийский юношеский союз боролся против идеологии солдатчины и против габсбургского „черножелтого“ патриотизма, но специальной широкой агитации против военщины, как в Бельгии или в скандинавских странах, австрийский юношеский союз развить не мог. Зато в отношении борьбы за улучшение положения трудящегося юношества работу австрийского союза рабочей молодежи надо признать образцовой, и с этой стороны он служил примером для молодежи и других стран.

В виду того, что полицейские условия Австрии не допускали создания политического союза молодежи, юношеские организации номинально приняли форму профессионального союза, и официальная социал-демократическая партия вместе с официальными профессиональными союзами пошла им навстречу для облегчения их борьбы за свое легальное существование. В Австрии, как и повсюду, юношеские организации сначала натолкнулись на противодействие старших поколений, но свойственное австрийскому рабочему движению постоянное стремление приспособляться к обстоятельствам момента привело к тому, что, как только юношеское движение стало само укрепляться и доказывать свою жизнеспособность, официальные партийные верхушки пошли с ним на соглашение, примирились с его существованием и стали вскоре оказывать ему полное содействие. Таким образом, в Австрии юношескому движению пришлось преодолевать со стороны официальных партийных инстанций значительно меньшее противодействие, чем во многих других странах. Юношеский союз был признан

*) Противовоенная.

профессиональным союзом и в этом смысле легально зарегистрирован. Но на самом деле социал-демократическая партия относилась к нему, как к организации фактически социал-демократической, политической, и на местах группы социал-демократической партии считались с основными ячейками юношеского союза, местными группами, как с организациями, в сущности, политическими, во многих местах допуская всех их членов в свой состав. Как центральный комитет социал-демократической партии, так и центральное бюро профессиональных союзов субсидировали союз молодежи, и такие же субсидии получали обыкновенно его местные группы от местных партийных и профессиональных организаций. Низшим предельным возрастом его членства было признано 14 лет.

Самая широкая деятельность в области борьбы за улучшение положения рабочей молодежи развивается юношеским союзом уже в первом десятилетии двадцатого столетия, когда им стала вестись в общеавстрийском масштабе широкая агитация за улучшение законодательства по вопросу о положении рабочей молодежи, за создание действительного послешкольного образования, за улучшение гигиенических условий существования ремесленных учеников и молодых рабочих. Громадную роль сыграл созданный юношеским союзом секретариат для юридической помощи работающей молодежи с его провинциальными отделами. Там находили себе помощь все подвергавшиеся преследованиям или варварскому гнету ремесленные ученики и молодые рабочие. Секретариат использовал все имевшиеся в его распоряжении законные инстанции для оказания им помощи и выступал в печати, заставляя таким путем ставить преграды наиболее варварским формам эксплуатации детского и юношеского труда.

Надо отметить блестящую издательскую деятельность юношеского союза, орган которого „Молодой Рабочий“ стал, наконец, во всех отношениях одним из наиболее образцовых среди всех издававшихся где бы то ни было юношеских органов.

Культурно-просветительная работа союза при помощи старших товарищей принимает все более и более разнообразные формы и ко второму десятилетию двадцатого столетия является одной из наиболее широких и развитых во всем мире.

Стоя формально вне рамок социал-демократической партии, австрийский юношеский союз находился целиком в руках самой молодежи и управлялся ее собственными съездами и избираемым ими центром. Австрийское юношеское движение представляло тип отдельной юношеской организации, самоуправляющейся, без прав в официальной партии, но и независимой от нее.

Среди деятелей австрийского юношеского движения из рядов старого поколения нельзя не отметить покойного товарища Леопольда Винарского, одного из наиболее симпатичных и отзывчивых из числа руководящих товарищей австрийского социал-демократического движения, который особенно много оказал помощи юношеской организации, особенно много помог юношескому движению стать на ноги, согревая его теплотой своей глубоко симпатичной отзывчивой личности и поддерживая подъем духа молодых товарищей своим блестящим красноречием и своим широким социалистическим кругозором. Из числа руководителей юношеского движения отметим товарища Антона Иеншика, наилучшего администратора юношеского союза.

Неудивительно, что именно из рядов австрийского движения молодежи вышел первый интернациональный секретарь международного союза молодежи, доктор Даннеберг, в тот момент, когда в 1907 году юношеское движение разных стран впервые слилось в единую организацию молодого Интернационала. Об этом новом переходе юношеского движения мы поговорим впоследствии.

Австрийское юношеское движение, само собою разумеется, наиболее развилось в главных промышленных центрах, где вошло в тесный контакт с левым последовательно-марксистским крылом с.-д. партии. К нему близко стоят и по большей части через его ряды прошли все наилучшие силы левого крыла австрийского рабочего движения. В главном городе немецкой Богемии, наиболее промышленной части Австро-Венгрии, Рейхенберге, особенно близко стоял к юношеской организации самый видный представитель левого последовательно-марксистского крыла австрийской социал-демократии, тов. Иосиф Штрассер. Юношеская организация Рейхенберга, действительно, сыграла роль носительницы новых идей и настроений местного рабочего движения.

Я сам еще застал в Рейхенберге старое поколение социал-демократических деятелей, занимавших все видные места в партийной организации в первые годы двадцатого столетия. Это были все люди тяжеловесного полумещанского типа, с медленными движениями и медленной речью, склонные к осторожной тактике, старавшиеся удерживать движение от резкостей и от слишком быстрого хода вперед и особенно интересовавшиеся так называемым „свободомыслием“, т.-е. заменой религиозной идеологии светской в тесном союзе с буржуазным мещанским движением против церкви.

Несколько лет спустя, когда я снова посетил Рейхенберг, партия была неузнаваема. Новые люди выступали на собраниях, новые люди занимали все видные партийные должности. Это была молодежь, прошедшая через юношескую организацию и представлявшая собой не только новый период движения, но и

совершенно новых людей, с новыми чувствами и новыми формами мышления. Быстрые движения, быстрая речь, энергия, энтузиазм, смелость, настоящее революционное настроение, развитое классовое сознание,—все отличало их от их недавних предшественников, почти внезапно ими отстраненных, и все в них дышало настоящей современной пролетарской классовой борьбой.

Смещенные ими старики были сданы в архив, в так называемое „Общество Свободомыслия“, где они со своей прежней медлительной речью спокойно занимались спорами о религиозной и светской философии и об отношении к буржуазному антиклерикализму. Все рабочее движение Рейхенберга приняло новый темп и новый облик. Я ходил неоднократно на собрания юношеской организации, и интеллигентные, полные жизни лица ее членов показывали, что перед нами была действительно новая жизнь, носительница будущего развития человечества. Товарищ Штрассер, сам окончивший университет, говорил с восторгом о том, какая глубокая разница между членами юношеской рабочей организации, этой рабочей молодежью, проникнутой интересом ко всему, жадной к знанию, к борьбе, к строительству новой жизни, и их полной противоположностью, типичной картиной упадка и разложения—студентами университетов с их апатией, разочарованностью, отсутствием интереса к жизни, стремлением к карьере, к пустым наслаждениям, к изысканной внешности жизни, с их преждевременной старостью и отсутствием настоящей молодости. На устраиваемых рейхенбергской юношеской рабочей организацией праздниках действительно жизнь кипела во всю. В них бился пульс могучего нарождающегося человеческого будущего.

(Г. Чичерин, „Очерки из истории юношеского Интернационала“).

10. Идейные расхождения между юношескими организациями и соц.-дем. партиями.

До мировой войны идейные расхождения между юношескими пролетарскими организациями, свободными от „опеки“ соглашательских вождей соц.-дем. партий и профсоюзов, и организациями взрослых рабочих выявлялись в виде многочисленных конфликтов, глазным образом, по вопросам об антимилитаризме и об антирелигиозной, безбожнической пропаганде. Чрезвычайно знаменательно, что разногласия между молодыми и взрослыми социалистами первоначально обнаружились в связи именно с этими двумя вопросами. Самая общественная роль „рабочей аристократии“, заправлявшей соц.-дем. партиями и профсоюзами, располагала ее к „непринятию“ антимилитаристской и антирелигиозной пропаганды. В

самом деле, вооруженные кадры и армия попов составляют те две основы, на которых держится капиталистический строй. Всякая политика примиренчества с капитализмом (именно этой политики и придерживалась „рабочая аристократия“) должна была проявляться, в первую очередь, в практическом уклонении от борьбы с солдатчиной и поповщиной. С другой стороны, революционно-авангардная роль юношеского пролетарского движения неизбежно должна была обнаружиться как раз в борьбе против милитаризма и религиозного мракобесия.

Не только правое крыло, но и так называемый „марксистский центр“ Второго Интернационала решительно высказывались против какой-либо борьбы с религиозными предрассудками. „Религия есть частное дело“,—таков был лозунг „рабочей аристократии“. Совсем иначе относилась к „религиозному вопросу“ рабочая молодежь. Приведем несколько примеров. Съезд шведского союза молодежи, состоявшийся в Стокгольме в мае 1907 г., высказался не только за постановку лозунга „отделение церкви от государства“ (это требование входило и в программу шведской социал-демократии), но, кроме того, потребовал от всех шведских рабочих, которые не придерживаются религиозных предрассудков, чтобы они обходились при вступлении в брак без венчания, не крестили детей и побуждали последних уклоняться от уроков „закона божия“. Ясно, что это требование, обращенное „ко всем вообще изжившим религиозные предрассудки рабочим“, было направлено, прежде всего к партийным рабочим... Другой пример. Норвежский союз молодежи на своем съезде в Мюлене в мае того же 1907 года постановил — „бороться всеми средствами против религиозного суеверия во всех его видах и стремиться к устранению государственно-церковного влияния и опеки священников, а равно и к тому, чтобы религия была исключена из числа школьных предметов, и церковь отделена от государства“.

Таким образом, в вопросе о религии союзы рабочей молодежи были, в сущности, единственной пролетарской организацией, сохранившей верность заветам воинствующего материализма Маркса-Энгельса.

В вопросе о милитаризме дело обстояло подобным же образом.

(Мирошевский, „К вопросу об авангардной роли“).

11. Влияние русской революции 1905 г. на движение молодежи.

Громадное влияние оказала на организации молодежи русская революция 1905 г. Вести о геройской борьбе русской молодежи на баррикадах в Ленинграде и Москве, о переезде крупных воинских частей на сторону революционеров,

участии флота в революционной борьбе, железнодорожной забастовке,—все эти вести зажгли легко воспламеняющиеся сердца молодежи и породили стремление к борьбе.

Революционная борьба русского пролетариата снова пробудила в рабочих массах всех стран веру в собственную революционную силу, подорванную разгромом Парижской Коммуны 1871 года. Парламентская трибуна уже не являлась после 1905 года единственной надеждой на выход из бедственного положения. Активные действия широких масс обещали привести скорее к цели, чем компромиссы с противником в буржуазных парламентах. Успех борьбы стал определяться не дипломатической ловкостью вождей, а гораздо более революционными действиями масс.

Для достижения победы в такой борьбе нужны были не столько избирательные листки, сколько люди с глубоким социалистическим образованием и революционной выправкой, люди, воодушевленные святостью своего дела. Таких борцов могла дать в первую очередь пролетарская молодежь. Слишком юная для подачи голосов, она достаточно созрела для борьбы на баррикадах и для умирания в революционной борьбе.

(В. Мюнценберг, „Организации молодежи до и во время войны“).

12. Резолюция Штуттгартского конгресса о социалистическом воспитании молодежи.

1.

Среди подрастающего поколения рабочего класса заметно сильное стремление к социалистическому образованию. Молодые рабочие ощущают потребность подготовиться к классовой борьбе, приобретая те знания и укрепляя те нравственные качества, которые дадут им возможность вести эту борьбу с большей силой.

Под социалистическим воспитанием мы понимаем приобретение указанных знаний и моральных качеств.

Социалистическое воспитание рабочей молодежи достигается наилучшим и наиболее целесообразным способом в собственных организациях. Вследствие этого, на обязанности социалистической партии лежит—взять в свои руки основание организаций молодежи и, где таковые уже существуют, оказывать им наибольшую поддержку.

Задачи этих организаций следующие:

а) Распространение знаний, в первую очередь тех знаний, которые необходимы пролетариату для того, чтобы энергично вести классовую борьбу, т.-е. общественных наук.

На первом плане образования пролетарской молодежи должна стоять наука о народном хозяйстве, изучение всеобщей истории, а также истории рабочего движения в духе марксистского исторического понимания и изучение государственных учреждений и законодательной защиты рабочих.

На втором плане стоят естественные науки, социальная гигиена, включая раз'яснения по половому вопросу и алкоголизму. При этом важно также раз'яснение сущности и происхождения религии и церкви; вопрос этот следует освещать в духе исторического материализма.

б) Воспитание и укрепление нравственных качеств, как-то: солидарность, демократическое мышление, дисциплина, сознание собственного достоинства, самопожертвование, мужество и осмотрительность; пролетариату нужны эти качества для выполнения его исторической задачи.

Особенно важное значение имеет при этом совместная работа обоих полов в организациях молодежи. Совместная работа и совместная борьба за великое дело—лучшее средство установить взаимное уважение и товарищеские отношения между полами; в этом основа половой нравственности социализма.

в) Укрепление международной солидарности распространением сведений о молодежи и о рабочем движении, а также содействием улучшению личных отношений между социалистической рабочей молодежью всех стран.

г) Занятия о физическом развитии рабочей молодежи посредством гимнастики и игр.

д) Содействие развитию эстетического духа пролетариата.

3.

Социалистическое воспитание молодежи лучше всего проводится в собственных организациях.

Однако, где возможно, должна существовать органическая связь, а где это невозможно, по крайней мере, духовное единение между организациями и классово-сознательным рабочим движением.

4.

Социалистическое воспитание молодежи проводится лишь отчасти посредством печати, образовательных курсов и т. д. Его нужно восполнять действием и борьбой уже потому, что невозможно определить, когда приобретенные молодыми рабо-

чими знания дают и достаточную почву для вступления в борьбу; борьба, напротив того, часто является сама по себе поучительнейшим методом просвещения. Нужно, однако, иметь в виду, что в партийных организациях и профессиональных союзах борьба стоит на первом плане, что в движении молодежи, напротив того, главное внимание должно быть обращено на стремление к образованию; оно является важнейшей задачей организаций молодежи.

5.

Пункты, на которых организации рабочей молодежи должны преимущественно сосредоточить свою работу, определяются особым положением молодого пролетариата в капиталистическом обществе. Эти пункты следующие:

а) Борьба за выработку законодательной защиты рабочих действия, направленные к лучшему выполнению законодательных постановлений о защите рабочей молодежи, равно как и о защите от эксплуатации вообще.

б) Борьба против алкоголизма.

в) Борьба против милитаризма.

Средства, которыми рабочая молодежь может пользоваться среди других для выполнения своей задачи,—следующие:

а) Устройство докладов и образовательных курсов.

б) Издание и распространение газет и печатных произведений.

в) Образование союзных и передвижных библиотек.

г) Экскурсии.

д) Физические упражнения и подвижные игры.

е) Участие в протестах и демонстрациях.

ж) Образование научных кружков.

з) Устройство художественных и литературных вечеров.

Далее, задачи молодежи заключаются в том, чтобы возможно больше заинтересовать партию в образовательных стремлениях молодых рабочих.

13. Резолюция Штуттгартского конгресса об экономической борьбе.

Капиталистический способ производства ведет к эксплуатации рабочей молодежи в двояком направлении.

В противоположность прежним временам, усовершенствование машин делает излишним пользование физической силой в большом размере в процессе производства и дает тем самым возможность привлекать в чрезвычайно широких размерах молодые рабочие силы, начиная от самого детского возраста.

Капиталисты предпочитают молодые рабочие силы, так как содержание их обходится значительно меньше, чем содер-

жание взрослых рабочих. Самое существо капитализма заключается в том, чтобы по возможности использовать до конца имеющуюся в его распоряжении рабочую силу; эта эксплуатация усиливается в высокой степени в виду отсутствия сопротивления со стороны молодых рабочих. Ради устранения гнусного явления этой эксплуатации, вследствие которой жертвы ее даже не могли участвовать в борьбе против теперешнего экономического строя, конференция требует:

а) Чтобы организации молодежи, учреждение которых необходимо в интересах экономической защиты молодых рабочих, создали комиссии для защиты молодых рабочих; задачей этих комиссий должно быть наблюдение за точным исполнением предписаний, касающихся защиты молодой рабочей силы; кроме того, комиссии должны взять в свои руки регулирование зачетов выполненной работы.

б) Чтобы социалистические фракции в законодательных учреждениях стояли за следующие требования:

1) Воспрещение работы до 16-летнего возраста с одновременным введением обязательного школьного обучения до этого возраста.

2) Максимальный шестичасовой рабочий день для всех рабочих, в том числе и работниц, ниже 18-летнего возраста.

3) Воспрещение ночной работы для всех рабочих ниже 18-летнего возраста.

4) 36-часовой непрерывный воскресный отдых для всех рабочих ниже 18 лет.

5) Воспрещение принудительного довольствия помещением и содержанием для того же возраста. Все соглашения в этом отношении недействительны.

6) Введение обязательного обучения для всех рабочих до 18 лет, занятых в торговле, промышленности и сельском хозяйстве и так называемых свободных профессий.

7) Обязательное введение дневного обучения в рабочие дни для всех образовательных, специальных и профессиональных подготовительных школ.

8) Лишение хозяев права отеческой опеки*) учеников и, в особенности, права телесного наказания.

9) Учреждение особых инспекторов для рабочей молодежи.

*) Законодательство большинства капиталистических стран представляло хозяевам право „отеческой опеки“, т. е. право следить за поведением своих учеников, давать им „отеческие наставления“, подвергать порке, и т. д.

10) Распространение фабричной инспекции на ремесленные заведения и кустарную промышленность.

11) Учебное время не должно превышать двух лет, включая в этот срок и пробное время.

12) Воспрещение пользоваться учениками для выполнения домашних, а также и всяких других работ, не установленных в договоре.

13) Устранение всех постановлений, которые затрудняют выход из ученичества. Соглашения о таких постановлениях не действительны.

14) Серьезные наказания для тех работодателей, мастеров и т. д., которые нарушают какие-либо из приведенных постановлений.

в) Чтобы профессиональные союзы при предъявлении своих требований и заключении коллективных договоров имели в виду приведенные под литерой „б“ пункты.

НАКАНУНЕ **МИРОВОЙ** **БОЙНИ**

Борьба против самостоятельности юношеских организаций.

Юношеские организации под бюрократической опекой.

Документы и материалы.

14. Ликвидация самостоятельных союзов молодежи в Германии.
15. Резолюция Гамбургского с'езда германских профсоюзов о работе среди молодежи.
16. Резолюция Нюрнбергского с'езда германской с.-д. партии о работе среди молодежи.
17. Проект резолюции Карла Либкнехта о юношеском движении.
18. Речь Клары Цеткин в защиту самостоятельных юношеских организаций.
19. Германская рабочая молодежь после 1908 года.
20. Понижение самостоятельности молодежи и рост оппозиции.
21. Внешний расцвет юношеских организаций накануне войны.
22. Рабочая молодежь и полиция.
23. Леопольд Винарский.
24. Революция Копенгагенского конгресса о взаимоотношениях с профсоюзами и партий.

Борьба против самостоятельности юношеских организаций.

Разлагающее влияние реформизма (соглашательства, т.-е. борьбы за реформы вместо революционной борьбы), укрепившегося после 1907 г. и охватившего все западно-европейское рабочее движение, не могло не проявиться и в области юношеского движения. Почему укрепился в этот период реформизм в общепролетарском движении? Это произошло в связи с тем, что капитализм как раз тогда переживал период своего величайшего расцвета; жесточайшая эксплуатация колоний позволяла капиталистам бросать отдельные уступки своим рабочим, несколько улучшая их материальное положение. На этой почве неизбежен был расцвет в пролетарской среде „мирных настроений“, на этой же почве развился реформизм. Партийная и профсоюзная бюрократия, насквозь проникнутая реформистским духом, испугалась революционной идеологии самостоятельных юношеских организаций и выдвинула принцип: „молодежь не должна заниматься политикой“. В то же время была начата бешеная травля против самостоятельности юношеских организаций. Между тем, отмеченные в предыдущей главе особенности организационного устройства юношеского Интернационала приводили к тому, что отдельные юношеские организации были лишены возможности совместно бороться за улучшение своего положения по отношению к официальным партиям или внутри их. Каждая отдельная организация была целиком предоставлена на произвол партийных чиновников данной страны.

Расцвет реформизма.

В Германии в 1907 г. рейхстаг (парламент) принял закон, который запрещал всей германской молодежи ниже 18-летнего возраста вступать в какой-либо политический союз или посещать политические собрания. Этот закон был направлен исключительно против пролетарского юношеского движения. „Патристические“ юношеские клубы имели возможность попрежнему беспрепятственно и даже при

Ликвидация самостоятельных юношеских организаций в Германии.

поддержке правительства воспитывать из своих питомцев злейших врагов социализма. Как же откликнулись на закон 1907 г. официальные вожди германской социал-демократии? Вместо того, чтобы развернуть энергичную кампанию протеста, они воспользовались этим реакционным законом, чтобы удушить самостоятельное движение рабочей молодежи. Вскоре после принятия буржуазными партиями рейхстага закона о союзах состоялся в Гамбурге всегерманский съезд профсоюзов (22—27 июня 1908 г.), а еще через несколько месяцев—всегерманский съезд соц.-дем. партии в Нюрнберге (13—19 сентября 1908 г.). Оба съезда под влиянием партийно-профсоюзной бюрократии высказались за ликвидацию самостоятельного юношеского движения. Взамен ликвидируемых независимых организаций партия и профсоюзы должны были создать особые „комиссии по работе среди молодежи“, причем эти комиссии, являясь частью партийно-профсоюзного бюрократического аппарата, должны быть „подведомственны“ высшим соц.-демократическим чиновникам. Революционные элементы германской социал-демократии, группировавшиеся вокруг К. Либкнехта, Клары Цеткин, Дункера и др., выдвинули на Нюрнбергском съезде свою резолюцию, защищавшую организационную независимость союзов молодежи, но эта резолюция собрала небольшое число голосов. Таким образом, самостоятельное юношеское пролетарское движение в Германии было ликвидировано совместными усилиями реакционного правительства Вильгельма II и партийно-профсоюзных соглашательских вождей. (Док. и мат., №№ 14, 15, 16, 17 и 18).

Положение в юношеском Интернационале после 1908 года.

Германскому примеру последовали в 1911 г. голландские, а несколько позже французские реформистские партийные группы. Более или менее успешные попытки к насаждению „опеки“ над юношеским пролетарским движением были предприняты и в других странах. „Международное объединение социалистических организаций молодежи“ (юношеский Интернационал) со своей стороны не предприняло ничего, чтобы приостановить распад юношеского движения и отстоять его от посягательств партийно-профсоюзных „опекунов“; напротив, шли даже переговоры о превращении юношеского Международного Бюро в нечто вроде под’отдела II Интернационала. Только в немногих странах (в Италии, Швеции, Норвегии) молодежи удалось целиком или почти целиком сократить свою организационную независимость, что дало ей возможность вести энергичную и зачастую весьма успешную борьбу со все возрастающими соглашательскими, меньшевистскими настроениями в обще-рабочем движении.

Юношеские организации под бюрократической опекой.

Разлагающее влияние реформистских, соглашательских, меньшевистских, оппортунистических настроений привело в тех странах, где юношеское пролетарское движение попало под руководство партийно-профсоюзных чиновников, к фактическому уничтожению всего революционного значения Штуттгартских резолюций 1907 года. Эти резолюции остались только клочком бумаги, практически не играющим почти никакой роли в жизни рабочей молодежи. Новые „комитеты по работе среди юношества“ в Германии и других странах основательно взялись за изгнание политики из голов молодежи и превратили юношеское движение в сплошную „культурку“ с очень слабым социалистическим налетом.

Превращение юношеских пролетарских организаций в мирные „культурки“.

Самодетельность молодежи замерла. Даже обещания нюрнбергского и гамбургского съездов о том, что в „комиссии по работе среди молодежи“ должны в значительном количестве вводиться представители молодежи,—даже эти весьма умеренные, курые обещания остались в большинстве случаев на бумаге. В Германии нередко случалось, что все руководство работой среди молодежи лежало целиком на культурно-просветительных отделах партийных комитетов, где совсем не имелось молодых членов. В 1913—14 г. работу среди германской молодежи вело 837 комитетов. Из них 112—культурно-просветительные отделы парткомов на правах „юношеских комиссий“; 104—„юношеские комиссии“ исключительно со взрослыми членами; 37—„юношеские комиссии“ с менее, чем $\frac{1}{3}$ молодых членов, 117—комиссии из $\frac{2}{3}$ взрослых и $\frac{1}{3}$ молодых членов; 32—комиссии с $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ молодых членов; 38—комиссии из $\frac{1}{2}$ молодых членов и $\frac{1}{2}$ взрослых; 3—комиссии исключительно из молодых членов. Эти цифры показывают, что самостоятельность молодежи была чрезвычайно низка, почти равна нулю.

Упадок самостоятельности молодежи.

Нужно в то же время отметить, что период с 1908 г. до начала мировой войны характеризуется внешним расцветом организаций по работе среди молодежи. Наиболее ярко сказался этот расцвет в Германии. Число молодых рабочих, обслуживаемых организациями, достигло в Германии в 1913 г. ста тысяч. Были основаны многочисленные юношеские клубы, устраивались курсы и лекции и т. д. Велась энергичная просветительная работа, устраивались прогулки, спортивные состязания и т. д. Партия и профсоюзы отпускали на работу среди молодежи довольно значительные денежные средства.

Внешний расцвет юношеских организаций.

**Оппозиционные
слои молодежи.**

Даже в наиболее захваченных волной „ликвидаторских“ настроений странах (Германия, Франция) кое-где удержались отдельные, разобщенные группы оппозиционной молодежи; эти группы были недовольны соглашательской, меньшевистской политикой руководящих партийно-профсоюзных слоев и исподволь подготовляли молодежь к борьбе с оппортунизмом в рабочем движении. В Германии эти оппозиционные круги молодежи группировались вокруг таких радикально-настроенных партийных лидеров, как Р. Люксембург, К. Либкнехт, К. Цеткин, Франц Меринг и др. С другой стороны, и эти партийные вожди-революционеры уже тогда видели в самостоятельных организациях молодежи залог будущего революционного обновления всего рабочего движения. Само собой разумеется, что реакционные власти и полиция внимательно следили за организациями рабочей молодежи и при случае не скупились на репрессии. (О работе юнош. пролет. организаций в период с 1908—1914 г. г., см. Док. и мат., №№ 19, 20, 21, 22 и 23).

Конгресс в Копенгагене (1910 г.).

Ликвидация самостоятельного юношеского движения в целом ряде стран, как мы видели, открыла собой период измельчания и идейного замирания движения. Мирная „культурническая“ работа, лишенная революционно-марксистской подоплеки, отодвинула на задний план вопросы политической и экономической борьбы. Это сказалось и на 2-ом конгрессе юношеского Интернационала, созванном в 1910 году в Копенгагене (Дания). Конгресс в общем был бледный и незаметный. Приехали делегаты от Бельгии, Австрии, Норвегии, Финляндии, Болгарии, Швеции, Дании, Голландии и Швейцарии. Отсутствовали делегаты Германии, так как по настоянию соц.-дем. „опекунов“ германские организации молодежи уклонились от вхождения в Интернационал. Конгресс подтвердил штуттгартские резолюции Либкнехта об антимиитаризме и Роланд-Хольст о социалистическом воспитании молодежи. Но вместо провозглашения борьбы за самостоятельность юношеских организаций по отношению к оппортунистической социал-демократии была вынесена (по предложению Роберта Даннеберга) жалкая резолюция о „совместной работе социалистических союзов молодежи с социалистическими партиями и профсоюзами“. Это было мало, чрезвычайно мало для организаций молодежи, ведущих в Германии, Швейцарии и др. странах тяжелую борьбу за свою самостоятельность. Организациям молодежи вменялось в обязанность воспитывать своих членов для классовой борьбы в единении с партиями и профсоюзами, но не разъяснялось, что надо молодежи делать в случае уклонения партии и профсоюзов от классовой борьбы. „Копенгагенская резолюция,—пишет

тов. Мюнценберг,—была выражением низкопоклоннической преданности идеям ревизионистов (меньшевиков), этих заклятых врагов организаций молодежи“. (См. Док. и мат., № 24).

3-й конгресс Интернационала Молодежи собрался в 1912 г. в Базеле (Швейцария). **Конгресс в Базеле (1912 г.).** На нем обсуждался лишь вопрос о поведении юношеских пролетарских организаций в случае войны. Конгресс ограничился присоединением к резолюции заседавшего незадолго перед тем конгресса взрослых социалистов, протестовавшего против военной опасности и призывавшего пролетариат всех стран бороться против войны. Эта резолюция, как обнаружилось в 1914 году, не имела никакого практического значения, она не помешала большинству социалистов изменить знамени интернационализма.

Значение Базельского конгресса в истории юношеского пролетарского движения ничтожно.

Документы и материалы.

14. Ликвидация самостоятельных союзов молодежи в Германии.

1906 год был моментом перелома в истории старой германской социал-демократии. В начале столетия, в первые годы борьбы против ревизионизма, в ней еще были отчасти живы революционные традиции прежнего времени, завершившиеся заметным революционным подъемом в 1905 г. После поражения первой русской революции в германской социал-демократии внезапно наступил резкий перелом, проявившийся на партийном съезде в Мангейме в 1906 г. Прежние революционные традиции в это время превращаются в условные фразы, плохо прикрывающие мелочный шаблон политиканствующего крохоборства и окостенения партийной жизни в механическом воспроизведении всех тех же старых тактических методов и в мертвящем господстве партийной бюрократии. Мертвым бременем начинает тяготеть в это время на германской социал-демократии непомерно усилившееся и насквозь проникнутое самым злостным оппортунизмом и ненавистью ко всему, сколько-нибудь отзывающемуся революционностью, грандиозное германское профессиональное движение. В 1907 и 1908 г.г. наблюдается уже форменное засилье профессиональных союзов, постоянная уступчивость партии по отношению к ним в наиболее важных вопросах дня. Когда потребовалось задуть юношеское движение, именно профессиональные союзы выступили на сцену, как наиболее откровенные и наглые проводники реакционной политики по отношению к юношеству, и социал-демократическая партия в этом вопросе просто играла перед ними унижительную роль и явно плясала под их дудку. Дело началось с закрытого собрания лидеров профессиональных союзов, совещавшихся о мерах борьбы против молодежи, причем об этом секретном совещании стало известно в более революционно настроенных кругах германского рабочего класса, и в результате этим было вызвано сильное негодование, так что на нюрнбергском партийном съезде представителю партий-

ного правления пришлось даже оправдывать профессиональные союзы от упрека в устройстве каких-то тайных заговоров против молодежи. За этими первыми совещаниями последовали совместные собрания генеральной комиссии профессиональных союзов и партийного правления, на которых последнее просто исполняло волю первой. Решения этих собраний являются типичными образцами самых заскоружлых мешанских реакционных взглядов на отношение к молодежи. Было признано, что буржуазия предупредила социал-демократию и ранее последней всеми силами начала развивать буржуазное юношеское движение и буржуазные организации молодежи. „В виду создавшейся, таким образом, опасности, — постановило совещание, — надо заинтересовать политически и профессионально организованных родителей в вопросе о развитии молодежи. При участии представителей молодежи партийные и профессиональные организации должны в отдельных местах устраивать все необходимое для развития молодежи. Все устраиваемое ими должно предоставляться пользованию молодежи безвозмездно, и создание юношеской организации для осуществления этой цели излишне“.

Итак, молодежь, по мнению г.г. мешан из партийного правления и генеральной комиссии, должна быть лишь пассивным объектом, которым по своей воле распоряжаются старшие, и для которой все нужное делается старшими. Раз такова была исходная точка зрения г.г. официальных вершителей судеб германского рабочего движения, легко было предвидеть, что, кроме удушения юношеского движения, ничего от этой клики нельзя было ожидать.

Сейчас же вслед за принятием буржуазными партиями рейхстага нового закона о союзах с запрещением юношам моложе 18 лет участвовать в политических собраниях и союзах состоялся гамбургский съезд германских профессиональных союзов. Хотя официальные юношеские учреждения следующих лет были созданы на основе решений нюрнбергского партийного съезда, но в действительности вдохновителями всей систематически проводившейся партийными инстанциями линии по отношению к молодежи были верхи профессиональных союзов, точка зрения которых изложена в резолюции по юношескому вопросу, принятой гамбургским съездом.

Революционные элементы движения, группировавшиеся вокруг Либкнехта, Дункера и в юношеских организациях, отлично понимали, что никакие полицейские рогадки и буржуазные законы не могли служить действительным препятствием для развития революционных юношеских организаций, если бы само организованное рабочее движение не захотело последних уничтожить. Два пути представлялись революционным элементам целесообразными: мог сохраниться союз юношеских организаций формально не-политического характера, как те, которые

уже существовали в Северной Германии, и, кроме того, можно было создать политические организации из юношей старше 18 лет, которые служили бы легальным прикрытием для действительных юношеских организаций, включающих и молодежь ниже этого возраста. Оба эти пути решено было испробовать; только для этого требовалось, чтобы официальные партийные организации не поставили себе определенной целью задушение самостоятельного юношеского движения.

Между тем, сейчас же после резолюции гамбургского съезда партийное правление и генеральная комиссия начали действовать весьма энергично именно в таком направлении. Был создан, наспех, без предупреждения некоторых организаций и многих членов, съезд южно-германских „молодых гвардий“ в Дармштадте. Революционные элементы юношеского движения настаивали на том, чтобы южно-германский союз молодежи не уступил своей позиции без боя и сделал, во всяком случае, все возможное для продления своего существования. Именно для того, чтобы этому помешать, партийное правление и генеральная комиссия поспешили поставить их перед совершившимся фактом, устроив им сюрприз неожиданно состоявшимся дармштадтским съездом. В Дармштадт поехал от партийного правления только что вступивший в последнее новый партийный секретарь, типичнейший представитель молодой, насквозь проникнутой узким мещанским духом заскорузлой партийной бюрократии—Герман Мюллер. Генеральная комиссия делегировала самого злостного оппортуниста и врага молодежи Роберта Шмидта. Под непосредственным давлением обоих представителей высших инстанций движения дармштадтский съезд южно-германских молодых гвардий, несмотря на крайне неполный свой состав, просто объявил союз распущенным. Согласившись, однако, на полное упразднение союза молодых гвардий, дармштадтский съезд принял постановление о проведении как раз той программы создания легальных прикрытий из групп старшей молодежи, которая, по мнению революционных элементов, могла бы повести к действительному продлению существования настоящего самостоятельного юношеского движения. Дармштадтский съезд решил, что юноши старше 18 лет должны составить агитационные комитеты и продолжать распространять орган „Молодую Гвардию“. Центральный комитет „молодых гвардий“ должен был продолжать существовать и вместе с агитационными комитетами заботиться об издании „Молодой Гвардии“. К сожалению, тут же было прибавлено, что центральный комитет мог по своему усмотрению передать „Молодую Гвардию“ и денежные средства союза партийному правлению германской социал-демократии. Было также решено, что местные организации „молодых гвардий“ везде, где это только было возможно, должны были продолжать существовать, как не-политические,

образовательные фереины. Эта резолюция представляет, таким образом, смешение некоторых пунктов из программы революционных поборников дальнейшего существования самостоятельного движения молодежи и некоторых других весьма опасных пунктов, помогших реакционным верхам социал-демократии провести на нюрнбергском съезде желаемую ими систему удушения молодежи.

Партийное правление и генеральная комиссия выработали для представления нюрнбергскому партийному съезду проект резолюции об юношеской организации, заключавший в себе, само себе разумеется, обычный словесного типа протест против принятого рейхстагом реакционного закона, и вслед затем почти буквальное повторение резолюции гамбургского съезда профессиональных союзов.

С этой резолюцией интересно сопоставить другую, представленную нюрнбергскому съезду Либкнехтом или, точнее, его организацией Потсдам—Шпандау. Хотя по тактическим соображениям эта резолюция была составлена в крайне осторожных выражениях, тем не менее ее текст составлял яркий контраст с мещански-ограниченной реакционной точкой зрения бюрократических душителей молодежи из партийного правления и генеральной комиссии.

Хотя в момент нюрнбергского съезда Либкнехт уже находился в крепости, однако, авторитет его и его друзей из левого крыла партии был настолько велик, и среди массовиков-делегатов левое течение находило такой отклик, что бюрократическим интригам из партийного правления нужно было придумать хитрую стратагему для того, чтобы провести на съезде свой план уничтожения самостоятельного юношеского движения. Уже в своем докладе съезду Герман Мюллер, докладчик партийного правления, подчеркивал, ссылаясь на газетную полемику последнего времени, что партийное правление вовсе не имеет в виду „сломоть шею“ юношеской организации и что об удушении юношеского движения не может быть и речи. Для выработки резолюции была избрана комиссия, в которую было введено, рядом с неизменными Германом Мюллером и Робертом Шмидтом, несколько представителей крайнего левого крыла, и в том числе дипломат левой части съезда Гаазе, постоянный соглашатель между левыми и бюрократическими верхами партии.

Из резолюции партийного правления комиссией было выброшено слишком откровенное одиозное выражение, неосторожно раскрывавшее план партийных верхов: „Для того, чтобы эти цели были осуществлены без существования особых юношеских организаций, должны в отдельных местах быть создаваемы комиссии для работы среди молодежи“. Официозная версия партийного правления заключалась в том, что никакого

удушения якобы не предполагается, и поэтому откровенное выражение плана удушения в резолюции было выброшено.

Стратегема, пущенная в ход представителем бюрократических верхов партии Германом Мюллером, заключалась в том, чтобы убедить левых членов комиссии и левые элементы съезда, что рядом с намеченными агитационными комиссиями для молодежи предполагается дальнейшее существование, только в более осторожной форме, юношеской организации. Герман Мюллер предложил комиссии выступить одновременно с резолюцией с декларацией о том, что организации для юношей старше 18 лет будут существовать попрежнему. Надо было убедить левые элементы в том, будто бы партийное правление принимает их план фактического продолжения существования юношеских организаций под легальным прикрытием групп юношей старше 18 лет. Герман Мюллер заявил, что для того, чтобы не напугать правительство и чтобы надуть полицию, нужно упомянуть в декларации исключительно о местных организациях юношей и умолчать о централизованном союзе. Было выпущено и упоминание о 18-летнем возрасте участников. В результате получилась следующая декларация, предложенная комиссией съезду вместе с резолюцией: „Резолюция должна быть понята в том смысле, что нет никаких препятствий для деятельности местных юношеских организаций не-политического характера, самоуправляющихся при содействии взрослых“. Как передавали своим единомышленникам левые участники комиссии, Герман Мюллер от имени партийного правления дал категорическое обещание, что умолчание о юношеском ЦК нисколько не означает намерения партийного правления его уничтожить, и что фактически партийное правление признает дальнейшее существование этого ЦК.

Судьба дипломата из левых Гаазе состояла всегда в том, чтобы быть обманутым беззастенчивыми партийными верхами и, в конце концов, служить прикрытием для их политики. Так было и на этот раз. Для того, чтобы умиротворить оппозицию, партийное правление выпустило в качестве докладчика от комиссии никого иного, как самого Гаазе. Последний выступил с целым рядом восторженных похвальных отзывов по адресу юношеских организаций и для того, чтобы, с одной стороны, дать понять единомышленникам, что юношеский центр не будет уничтожен, а, с другой стороны, остаться верным политике осторожности по отношению к правительству, объяснил, что не предполагается уничтожение центрального связующего звена предусмотренных декларацией юношеских организаций, но что это центральное место должно носить информационный характер. В то же время Гаазе в самых привлекательных красках расписал планы партийного правления, которые оно предполагало осуществить для широкого развития юношеского движе-

ния, и, в частности, поэтически изобразил те дома молодежи, которые вскоре покроют собой всю Германию, и где рабочая молодежь будет находить отдых, развлечение и поучение. Что касается слов резолюции о том, что решение политических и экономических вопросов остается исключительной монополией партии и профессиональных союзов, Гаазе и тут выступил с весьма гладким дипломатическим объяснением в том смысле, что вовсе не предполагается положить конец деятельности молодежи в борьбе за улучшение своего положения и что, наоборот, этой деятельности будет открыт широкий простор.

В результате официальных объяснений Гаазе и еще более в результате закулисных обещаний партийного правления, резолюции и декларации комиссии были приняты съездом единогласно, и акт надувательства, необходимый бюрократическим верхам для проведения их плана, был благополучно совершен.

Я встретил после этого тов. Макса Петерса на нюрнбергском железно-дорожном вокзале в момент отъезда в Берлин. Он был совершенно разбит и ясно видел, что его дело надолго погребено, что плоды всей работы истекших лет в области юношеского движения потеряны и что движению предстоит на долгие годы заглохнуть. Я спрашивал его о том, нет ли возможности продолжать борьбу вопреки деспотической партийной бюрократии, но он сказал, что в германских условиях возможность эта исключена, и что положение для юношеского движения безнадежно.

(Г. Чичерин, „Очерки из истории юношеского Интернационала“).

15. Резолюция Гамбургского съезда германских профсоюзов о работе среди молодежи.

„Съезд считает, что развитие стремлений молодых рабочих и работниц к образованию и, в особенности, введение их в политическую и профессиональную деятельность есть важная задача освободительной борьбы рабочего класса. Эта задача выполняется устройством хороших лекций, приуроченных к уровню понимания молодежи,—прежде всего в области естественных наук, гигиены, литературы, искусств, техники, юридических наук, политической экономии, истории, политики и деятельности профессиональных союзов. Рядом с этим путем устройства культурно-просветительных начинаний серьезного характера, а также развлечений следует развивать общественную жизнь молодежи, а также заботиться об организации ее спорта и игр в таких границах, чтобы это не превращалось в одностороннее развлечение. Для этих целей создание специальной юношеской организации является

излишним; наоборот, профессиональные союзы будут сами в специальных секциях для своих молодых членов и для принадлежащей к их профессии молодежи заботиться о развитии и воспитании последней в духе этой программы. Участие в лекциях и, по возможности, во всех остальных организуемых начинаниях должно быть для молодых рабочих и работниц безвозмездным. Устройство всего этого в каждом отдельном месте должно быть поручено комиссии, образованной местным советом профессиональных союзов и местной партийной организацией при участии нескольких представителей молодых рабочих и работниц. Заботы об экономических интересах и принятие решений о политических партийных вопросах остаются попрежнему исключительной задачей профессиональных и политических организаций“.

16. Резолюция Нюрнбергского с'езда германской с.-д. партии о работе среди молодежи.

„Поощрение стремлений молодых рабочих и работниц к образованию — чрезвычайно важная задача в освободительной борьбе рабочего класса.

Партийный с'езд обязывает организации заботиться о том, чтобы рабочая молодежь воспитывалась в духе пролетарского мировоззрения.

Для достижения этой цели надлежит устраивать доклады, доступные пониманию молодежи.

Наряду с этим следует устраивать собрания серьезного характера так же, как и развлечения, а также содействовать общению и приятному времяпровождению посредством игр и спорта.

Для этой цели следует образовать на местах особые комиссии из представителей местных партийных организаций и профессиональных союзов, привлекая в эти комиссии уполномоченных от молодых рабочих и работниц. В комиссию должна входить по крайней мере одна женщина.

Комиссии должны заботиться о том, чтобы профессиональные союзы выступали в защиту учеников.

Партийный с'езд предлагает правлению партии издавать орган для просвещения молодых рабочих и работниц.

РАЗЪЯСНЕНИЕ.

Эту резолюцию надо понимать в том смысле, что деятельности местных организаций молодежи, не имеющих политического характера, которые с согласия взрослых имеют собственное самоуправление, не должно ставить никаких препятствий.

17. Проект резолюции Карла Либкнехта о юношеском движении.

(Резолюция отвергнута большинством голосов на Нюрнбергском с'езде с.-д. партии в 1908 году).

„Успехи, достигнутые до сих пор юношескими организациями, при жестоких преследованиях, которым они подвергались, и при незначительной поддержке, которой в большинстве случаев они пользовались, следует признать удовлетворительными. Если со всех сторон будут доброжелательно способствовать их развитию,—между прочим, и со стороны профессиональных союзов, к чему следует стремиться,—успехи этих организаций могут быть несравненно более значительными. Вопрос о форме и задачах юношеских организаций был до сих пор для партии решенным вопросом, притом в смысле самостоятельности их, что не имеет ничего общего с распылением сил, и где это было возможно, в смысле их политического характера. Издание нового закона о союзах снова поставило на очередь вопрос, но лишь вопрос о том, какие изменения должны быть введены в результате нового правового положения, в частности, возможны ли еще в будущем самостоятельные юношеские организации, но никоим образом не вопрос о том, необходимы ли такие организации в тех случаях, где они возможны, что уже было решено в утвердительном смысле на вполне достаточных основаниях постановлениями международных конгрессов 1900 и 1907 г.г. и резолюцией мангеймского партийного с'езда 1906 г. Так как для Северной Германии, в особенности для Пруссии и Саксонии, в правовом положении не наступило существенных перемен, то из этого следует тот вывод, что нет никакого основания для разрушения северо-германских организаций или для пересмотра отношения к ним со стороны партии. Следует рекомендовать распространить северо-германские организационные формы на всю Германию. Эта организационная форма нисколько не мешает ни профессиональным организациям молодежи, ни созданию особых комиссий для политической пропаганды среди молодежи, но, наоборот, открывает возможность этого. Если со всех сторон будет иметься налицо добрая воля, разделение труда будет само собой достигаться. Самостоятельные юношеские организации и в будущем, как и до сих пор, не могут и сами не пожелают обходиться без некоторого контроля и надзора со стороны опытных старших лиц, но этот контроль и это руководство должны проводиться с тактом. Безусловно должны быть соблюдаемы два принципа: 1) дальнейшее допущение самостоятельных юношеских организаций в указанном смысле, 2) удовлетворительное для обоих

сторон соглашение с существующими, до сих пор допущенными и даже поддерживавшимися партией организациями о каких бы то ни было изменениях в их положении; не должно быть никакого насильственного навязывания изменений вопреки их воле. Обсуждение вопроса о юношеской организации на партийном съезде по тактическим соображениям нежелательно. Обсуждение мер, желательных по вышеизложенным соображениям, и достижение соглашения между всеми заинтересованными сторонами (между прочим, и по вопросу об издании печатного органа) поручаются партийному правлению совместно с генеральной комиссией и культурно-просветительной комиссией партии“.

18. Речь Клары Цеткин в защиту самостоятельных юношеских организаций.

(Речь на женском соц.-дем. съезде в 1908 году).

Социалистическое юношеское движение есть часть пролетарской борьбы за собственные интересы и за собственное освобождение, к которой пролетариат толкается своим классовым положением. Стоящие перед молодежью задачи должны быть ею выполняемы ее собственными силами. Точно так же как пролетарское движение призывает женщину, как равного товарища, в свои собственные ряды, точно так же и пролетарское юношество должно путем саморазвития и самостоятельности двигаться вперед, улучшая свое положение и завоевать себе лучшее будущее. Основной принцип самого социализма есть принцип самостоятельности, как и само освобождение рабочего класса. Первым актом в этой борьбе должно быть пробуждение воли к собственному самостоятельному действию. Развить эту волю в молодой пролетарии, укрепить ее и направить на единую великую классовую цель—вот, что должно сделать социалистическое юношеское движение. Но сама об'ективная действительность толкает юношу к тому, чтобы в целях саморазвития, улучшения своего положения и завоевания себе подобным лучшего будущего об'единиться со своими сверстниками для совместного выполнения этих задач. Культурно-просветительная и агитационная работа среди молодежи и среди взрослых не может вестись одинаково. Природа молодежи другая, ее положение в обществе другое, на ней лежит гнет не только существующего строя, но и старших товарищей и семьи. Лишь в своей собственной организации, в среде своих сверстников молодой рабочий чувствует себя вполне свободно, как у себя дома, и может вполне пло-

дотворно заняться работой коллективного саморазвития. Первый, основной, главнейший принцип всякой революционной педагогики есть обращение к самостоятельности воспитывающихся. Только на почве самостоятельности, только в организациях, где молодежь пользуется самоуправлением, может успешно совершаться работа ее коллективного революционного саморазвития. Здоровое развитие сильной революционной личности может быть результатом лишь собственных коллективных усилий. Достаточно посмотреть на то, с каким жаром, с каким восторгом юноша отдастся работе, связанной с его собственной юношеской организацией, чтобы понять, что мы имеем тут дело с самой могучей потребностью, с величайшей творческой силой, которой обойти нельзя. Дело взрослых—помогать молодежи советами, приходить им на помощь своими знаниями и своим опытом, к которым молодежь всегда охотно прибегает, когда на ее самостоятельность нет посягательства, притом необходимость контроля организованного пролетарского движения в целом над его частью—юношеским движением этим не отрицается. Но задачи юношеских организаций заключаются не только в приобретении теоретических знаний, но, прежде всего, в развитии всего человека, как пролетарского борца, проникнутого классовыми идеалами и способного к ведению борьбы, а для этого нужно не только приобретение знаний, для этого нужно живое развитие в процессе живого дела, в реальной борьбе. Перед юношескими организациями стоит не только задача культурно-просветительной работы, но прежде всего задача борьбы за улучшение положения молодежи. И в этом отношении взрослые пролетарские борцы должны приходить молодежи на помощь. Борьба за улучшение экономического и юридического положения молодежи есть, конечно, задача всего пролетарского движения в целом, но задача юношеских организаций—специально посвящать себя этой борьбе, вести среди молодежи для вовлечения ее в эту борьбу ту агитацию, которую только юноша может и умеет вести среди своих сверстников, обращать внимание движения в целом на все то, что другой, кроме самого заинтересованного лица, легко может упустить, создавать всевозможные органы содействия своим обездоленным сверстникам—и в этой живой работе, в этой реальной борьбе на деле вырабатываются сильные пролетарские борцы, из самой жизни они черпают целиком проникающее их революционно социалистическое сознание. Но этого мало. Если юношеские организации имеют своей специальной задачей культурно-просветительную работу среди молодежи и борьбу за улучшение положения молодежи, то кроме того, молодому рабочему необходимо также участвовать во всей полноте в классовой борьбе, которую ведет его класс в целом. Плодотворное развитие может проис-

ходить только в живой действительности, а не у кабинетного стола. Только действительность, только борьба создает сильного борца и проникает его всецело и органически классовыми идеалами. Юноша должен не только работать в своей юношеской организации, но одновременно он должен иметь возможность, наравне со своими взрослыми собратьями по классу, участвовать во всей той борьбе, которую ведут последние. Итак, недостаточно создание особых юношеских организаций, надо кроме того широко открыть пред их членами двери партийных организаций. И одно необходимо, и другое. Юношеские организации нужны молодежи, без них она обойтись не может, но ей нужно и другое, ей нужно также беспрепятственное участие во всей жизни и во всей борьбе социал-демократической партии, как целого. И последняя со своей стороны нуждается в молодежи. Революционное рабочее движение не может обойтись без полного участия в нем его молодых сочленов. Молодежь есть наиболее отзывчивая часть класса, наиболее восторженная, наиболее открытая далеким идеалам и новым требованиям, которые приносит с собою каждая новая историческая минута. Молодой ум еще не впал в шаблонность, всякий новый призыв истории до него доходит прежде всего. Молодежь дает революционному рабочему движению размах, энтузиазм, пламя, которые без нее будут в нем налицо лишь в недостаточной степени. Если молодежь нуждается в нас, социал-демократической партии, то и мы, социал-демократическая партия, нуждаемся в молодежи. Итак, два главных принципа должны быть положены в основу организации молодежи: последняя должна иметь свои особые юношеские организации для культурно-просветительной работы и для борьбы за улучшение положения молодежи, и, кроме того, она должна иметь право вхождения на равном основании в организации взрослых для совместного с ними участия во всей их борьбе. Основной принцип, с которым социал-демократия должна подходить к молодежи, есть принцип ее самостоятельности и самоуправления. Если мы говорим, что дело освобождения рабочего класса должно быть делом его собственных рук, то и к молодежи мы должны обратиться с призывом, чтобы борьба за улучшение ее положения и за ее развитие была делом ее собственных рук. Основной принцип революционного социалистического движения заключается в том, что освобождение не может быть даруемо сверху, а может быть лишь результатом собственных усилий освобождающихся. Этот основной принцип должен точно так же применяться и к рабочей молодежи.

19. Германская рабочая молодежь после 1908 года.

„Молодежь настроена критически“.

...Партийный секретарь строго сух и официален. Ведем беседы стоя.

— Мы признательны, что вы согласились поработать в нашем округе. Имейте, однако, в виду: за последнее время довольно сильно ощущается увлечение анархизмом, особенно среди молодой публики; попрошу вас поэтому обратить особенное внимание на этот вопрос и остановиться на нем подробнее в ваших речах.

— Постараюсь. В какой форме сказывается у вас анархизм? Есть организации?

— Пфф! Организации... Нет, так далеко дело, разумеется, не зашло, мы бы не допустили, но молодежь настроена критически, осуждает „улиточный шаг“ нашего движения, склонна к бестолковым стачкам, не санкционированным союзами, критикует о бессмысленности работы в коммунальном самоуправлении... Одним словом, много крику, шуму и „критицизма“...

У выходных дверей нас окружает толпа еще совсем юной, зеленой молодежи лет 17—18.

— Это — члены нашей местной организации молодежи, — поясняет секретарь.

Славные, юные лица, задорный огонек в глазах, наивная восторженность, безграничная вера... Россия... „Революционные бури“... Это полно поэзии, героизма... И они почтительно робко окружают меня.

— „В ваших тюрьмах совсем нет окон?“

— „А правда, что революционеры устраивали склады бомб в дворцах?“

— „Верно ли что казаки могут застрелить любого прохожего на улице и за это не отвечают перед законом?“

— „А вы участвовали в процессии попа Гапона?“

— „И женщин у вас вешали?“

— „И мальчиков 15 лет?“

Глаза расширяются, полные страха, недоверия, любопытства..

Юный табачник.

По окончании реферата в красном Оффенбахе, ковыляя на костылях, подходит ко мне бледнолицый юноша и, протягивая мне худую руку со странно плоскими пальцами, извиняется: — Хотя я очень молод, — мне нет еще 21 года, — но все же я надеюсь — вы согласитесь исполнить мою просьбу и проведете у нас на табачной фабрике собрание. Все, что вы говорили сего-

дня, именно то, что нам надо. На фабрике 600 чел., большинство женщин...

— Если только мое время позволит, я не откажусь провести собрание.

— Назначьте любой день, хоть завтра... Когда вам удобнее... А уж мы все устроим. Конечно, я знаю, я еще молод, но вы все же останетесь нами довольны.

Какой странный юноша: какое мне дело до его возраста?

Иду к председательскому столу, где восседает комитет местной группы. Передаю предложение юноши и выражаю готовность остаться здесь лишнее время.

— Кто вас приглашал? Как! Этот мальчишка, которому нет еще 21 года, которого пустили в организацию только после нового закона?... Этот молокосос... Это неслыханно. Товарищ Ленч! Подите-ка сюда!

И почтенные старцы все сразу накидываются на юнца. Он слегка взволнованно защищается, стойко и упорно стоит на своем. „Старцы“ пожимают в негодовании плечами, отчитывают его, но, повидимому, сдаются...

Ничего не понимаю! В чем преступление? Отчего такое негодование?

Через день „ключ“ к инциденту дает мне сам храбрый маленький табачник, „которому еще нет 21 года“. Он является ко мне в номер.

— Ну, товарищ, победа, кажется, за нами,—торжествующий возглас вместо приветствия.—Отстояли. Будет ваше собрание.

— Но в чем же дело? Расскажите. Почему комитет был против собрания?

Оказывается, негодование комитета вызвано „совокупностью преступлений“ пылкого юнца. Он, как неофициальное, никем не уполномоченное лицо, не имел никакого права приглашать меня. Раз он уже уцепился за эту идею, то он должен был по всей форме внести свое предложение на обсуждение местной подгруппы, оттуда решение должно было перейти во вторую инстанцию комитета и только после этого могло последовать мое приглашение.

До акта 1908 года в партию не могли входить несовершеннолетние, и на „зеленую молодежь“, потянувшуюся после падения закона в политические организации, все еще косо и недоверчиво посматривают. К ним относятся, как к детям, которым позволили сидеть за столом „больших“, но которым все время повторяют: „руки под стол“ и „молчи, когда говоришь взрослые“!

А юнцы горят желанием инициативы. Горячие, наивные сердца, думаю, им в атмосфере формальностей и бюрократизма, неизбежных в каждом разрастающемся до внушительных размеров движении...

„Зеленый стол“.

Порядок дня партийного собрания в Дрездене: мой реферат и текущие дела.

Реферат кончился. Первый, поставленный в текущих делах вопрос, дает ключ к поведению „Зеленого стола“, стола, где сидела группа молодежи, не имевшей еще по 21 году.

Это „о продаже спиртных напитков в партийном доме“.

Происходят прения, в которых взрослые доказывают „ребяческую абсурдность“ этого требования.

Выступает „лидер“ молодежи и горячо доказывает принципиальную недопустимость продажи спиртных напитков в партийном доме.

Вопрос решается отрицательно для молодежи, но юнцы все-таки, получив много голосов, торжествуют, веря в свою победу в ближайшем будущем.

Митинг молодежи.

В зале необычайная суета. Митинг организован „социалистическим союзом молодежи“. Распорядители, все юноши 17—18 лет, еще детские рожицы, с напускной серьезностью и деловитостью. Очень много „волнения“, суеты, шептания... И среди всей деловитой важности, на-скоро, в углу, полу-дружеская, полу-серьезная потасовка двух распорядителей со значками...

И снова деловая беготня. Молодые ноги нетерпеливо носятся по залу, но гладкий паркет вводит „во искушение“, и ноги сами собой начинают выделять танцевальные „па“... А выражение лица у их владельца попрежнему „серьезное“, „важное“... Публика в зале тоже все больше зеленая: юноши, девушки, почти подростки. Только в первых рядах, на почетном месте восседает солидная публика: старики, опирающиеся на палочки и зонтики, старушки в косынках и шالях... Это даже не отцы, а „дедушки“ и „бабушки“; полуснисходительно и добродушно, полунедоверчиво пришли они сюда посмотреть, что могут сделать „эти цыплята“? Не потому ли так старается милая „зелень“, чтоб митинг вышел, как „у всех“, чтоб не ударить лицом в грязь перед скептическим дедушкой.

Нас сегодня всего два оратора: голландец П. и я. Остальные все отказались, не желая опоздать на прощальный вечер конгрессистов в городской ратуше...

— „Может быть, вы сегодня не откажетесь говорить первым“, — прошу я у голландца, — „у меня сегодня что-то нет настроения и я хочу почерпнуть его в вашей речи“. — „Это меня хорошо устраивает, так как я спешу в ратушу“.

Милая „зелень“ топчется возле нас, усиленно предлагает кофе, лимонаду... В углу — шептанье, и из рук в руки передается

букет с красной лентой... В другом углу звенит детский беспричинный смех, от которого давятся, захлебываются и снова прыскают... Дедушки и бабушки снисходительно улыбаются и качают головами: „Ну, какой же это политический митинг? Так, одна забава!“

Председатель—один из старых членов партии, учитель по профессии и большой друг молодежи. Он говорит длинную, наставительную речь, рисует серьезные обязанности вступающего в жизнь юноши перед классом и перед своей совестью... Его слушают с благоговением, приоткрыв рты, как желторотые воробьи. За ним—голландец. Его тема—польза кооперации. Бывают же и среди социалистических задач такие, от которых веет мертвящей скукой. Чувствую, что нападёт прямо неприличная зевота. А я-то еще надеялась „почерпнуть настроение“ в речи голландца!

Бедная, милая „зелень“! Они мужественно стараются сохранить „благоговейное настроение“, но речь голландца развивается, бесконечные бухгалтерские соображения, подсчитывается „дебет“ и „кредит“, вычисляются проценты...

Чисто урок арифметики в школе! Желторотый клювик раскрывается для огроленного зевка, а в последних рядах два участника политического митинга пытаются и стараются столкнуть друг друга со стульев... но аплодисменты после речи голландца шумные, дружные, может быть, рады, что урок арифметики пришел к концу?

Теперь моя очередь. Но я уже знаю, что надо сказать им, этим маленьким, романтическим, живущим в области героических грез и мечтающим о рыцарских шпорах на поприще социальной борьбы... о России, о трудностях конспиративной работы, о тайных собраниях, об участии молодежи в движении, о самоотверженной преданности делу таких же юнцов, как вот эта милая зелень, о трагической судьбе сотен и сотен... и о возвышающих душу идеалах, об узах солидарности, об „очистительных“ жертвах самоотвержения для целого класса. И не надо быть трезвой сегодня, не надо „пессимизма“ — пусть диктует сердце, не разум. Так мы лучше пойдем друг друга.

Когда я собираюсь уже сходить с эстрады, председатель мягким движением руки меня останавливает: — „Одну минуту, товарищ“,—и, обращаясь к публике, в дружеских словах выражает мне благодарность от лица датских товарищей за эту „работу“, которую я несла в Копенгагене в течение конгресса. Работу? Эти выступления на народных собраниях, эти речи, подсказанные ими же самими, воодушевляющей, симпатично вдумчивой аудиторией, разве это „работа“? Это слияние с датскими товарищами, наоборот, дало мне самой новый источник веры и бодрость в неразрывность нашей общей задачи... Но мой ответ не дослушивают. Они нетерпеливы, эти юнцы! И

предо мною красные, смущенные лица „депутации“, подталкивающие друг друга и протягивающие мне слегка увядший от чрезвычайного „любования“ букет...

Меня провожают гурьбой, конечно, без шапок, в бессвязной болтовне. Усаживают в автомобиль... слышу извинения распорядителей: „Проводили бы охотно до ратуши, но сейчас „наш хор“ (с гордостью) исполнит революционные песни“...

Где уж тут проводить до ратуши!

(А. Коллонтай, „По рабочей Европе“).

20. Понижение самостоятельности молодежи и рост оппозиции.

Вся Германия была покрыта сетью домов молодежи, и в них устраивались для молодежи лекции и развлечения, молодежь отчасти привлекалась к участию и в управлении этими домами, но все это происходило под постоянным руководством и строжайшей опекой взрослых, и настоящего юношеского движения не было. Партийное правление стало издавать для молодежи орган „Рабочая Молодежь“, но этот орган носил самый невыносимый педагогический характер, был органом поучения молодежи, а не живым выразителем ее собственной борьбы. Количество подписчиков на этот орган тем не менее возрастало, и в момент копенгагенского международного конгресса в 1910 году германская социал-демократия могла доложить конгрессу о существовании 65.000 подписчиков на „Рабочую Молодежь“. В этом партийное правление усматривало признак развития юношеского движения. В действительности пассивная подписка на орган означала только то, что молодежь нуждалась в интересном чтении, но никакого проявления движения и борьбы в этом усмотреть нельзя было.

В отдельных местах все же существовали организации юношей старше 18 лет, и там, где им удавалось спастись от всевозможных преследований, они и в последующие годы были средоточиями левого революционного течения германского рабочего движения. В особенности успешным было их функционирование в тех местах, где существовало сильное лево-марксистское движение, как, например, в Штуттгарте, где, опираясь на содействие гг. Дункера и Клара Цеткиной, чрезвычайно успешно развилось и проявило самую широкую плодотворную деятельность юношеское движение, проникнутое ярким революционным настроением и давшее из своей среды нескольких из наиболее видных представителей революционной социал-демократии последующих лет, превратившейся, наконец, в революционный коммунизм.

После выхода из крепости в 1910 году Карл Либкнехт снова делается средоточием левых революционных элементов германского рабочего движения, все определеннее спланивав-

шихся в борьбе против господствующей мертвящей бюрократии, чуждавшейся организационных новшеств и всеми силами боровшейся против вступления на новый революционный путь. Старые марксистские фразы окончательно выродились у господствующих верхов партии в бессодержательную фразеологию, служившую прикрытием для фактически реакционной политики. В этот период снова в борьбе между группировавшимися вокруг Либкнехта революционными элементами и бюрократическими верхами видное место занимает вопрос о юношеском движении, о продолжавшейся по отношению к нему политике удушения, о никуда негодном по своему исключительно педагогическому характеру органе для молодежи и о необходимости признать, наконец, законность стремления молодежи к созданию собственного движения и собственной организации. Там, где существовали юношеские организации, они существовали именно благодаря непрерывно ведущейся революционными элементами партии борьбе за права молодежи внутри рабочего движения. И по вопросу о создании действительно централизованного юношеского Интернационала именно германское партийное правление продолжало быть главным препятствием для реального объединения между собой юношеских организаций отдельных стран. На партийных съездах не раз выплывал на сцену все тот же больной вопрос, при чем реакционные элементы партии возлагали на Либкнехта всю вину за существование внутри партии этого болезненного нарыва. Так продолжалось до начала войны. Вплоть до самого момента возникновения (уже во время войны) в Германии нового революционного подъема, видную роль в котором стала играть молодежь, партийному правлению удалось продолжать по отношению к ней свою мертвящую политику и удерживать юношеское движение в рамках безнадежно удушавшей его нюрнбергской программы.

(Чичерин, „Очерки из истории юнош. Интернационала“).

21. Внешний расцвет юношеских организаций накануне войны.

... Развитие социалистического юношеского движения в Германии представляет сплошной ряд изумительно быстрых успехов. Число юношеских организаций осенью 1913 г. достигало 655, число их членов приблизительно 100.000 человек, тираж „Arbeiter-Jugend“ („Рабочая Молодежь“—журнал союза)—свыше 100.000 экземпляров. Для правильной оценки этой последней цифры нужно принять еще во внимание, что некоторые социал-демократические органы ввели у себя особые приложения, предназначенные специально для юношества. В целом ряде городов имеются десятки юношеских домов, устраиваются курсы и лекции по различным отраслям знания, организуются комиссии для защиты учеников от эксплуатации пред-

принимателей, ведется энергичная борьба с алкоголизмом и распространением порнографической литературы, устраиваются игры, прогулки, гимнастические упражнения, посещения музеев и пр. В самое последнее время в Берлине, Дрездене, Мюнхене и некоторых других центрах сделаны очень успешные попытки создать юношеские отделения также при отдельных профессиональных союзах (металлистов, по дереву и др.).

За время моей жизни в Германии мне неоднократно приходилось сталкиваться с движением социалистической молодежи, и всегда из этих столкновений я выносил самое светлое, самое бодрящее впечатление... Сами члены, в подавляющем большинстве юноши и девушки в возрасте от 14 до 20 лет, вершат судьбы своих небольших ферейнов (союзных групп), сами созывают собрания, сами собирают членские взносы, сами обсуждают и решают различные вопросы, сами ведут агитацию, наконец, сами же нередко читают лекции и рефераты.

Заинтересованный той упорной борьбой, которую прусская полиция ведет против движения социалистической молодежи, я попросил одного знакомого члена юношеской организации свести меня как-нибудь на собрание последней. Мое желание было исполнено, и несколько времени спустя я получил приглашение пожаловать в определенный день и час на реферат, устраиваемый юношеским союзом для своих членов. К указанному времени я был на месте. Когда я вошел в зал, где должно было происходить собрание, стулья и скамьи были густо заняты молодежью обоего пола. Присутствовало 100—120 человек, все больше в возрасте 16—18 лет, представлявших собою чуть ли не полную гамму всех профессий и отраслей современного промышленного труда. За председательским столом восседал юноша лет 17 с умным и выразительным лицом, как я узнал впоследствии,—столярный подмастерье, и о чем-то озабоченно беседовал с несколькими такими же безусыми, как он, руководителями организации.

Тема реферата гласила: „Америка, ее жизнь и нравы“. Референт,—довольно известный в городе с.-д., муниципальный советник,—в ярких живых образах нарисовал перед слушателями картину социально политических и бытовых отношений, господствующих в заатлантической республике. Реферат выслушан был с затаенным дыханием, и когда докладчик смолк, зал огласился шумными рукоплесканиями. За рефератом последовала продолжительная дискуссия, принявшая характер оживленной беседы между референтом и толпой его молодых слушателей.

В 10 ч. дебаты были прекращены, и в руках у всех присутствовавших появились небольшие книжечки—сборник социалистических песен.

„Точно молитвенники в церкви“,—мелькнуло у меня в голове. Еще момент, и по знаку председателя зал огласился зна-

комыми звуками рабочего „Интернационала“. Пели все, пели весело и громко, не очень стройно, зато с большим чувством и одушевлением. Затем собрание было объявлено закрытым, и публика мало-помалу стала расходиться.

Недели две спустя мне пришлось присутствовать на празднестве социалистического юношества, устроенном организацией того города, в котором я тогда находился. На празднество это должны были съехаться представители юношеских союзов из близ лежащих промышленных центров—всего что-то около 600—700 человек—и сообща с местными товарищами принять деятельное участие во всех развлечениях и удовольствиях редкого торжества. В назначенный день в двух специальных поездах желанные гости действительно прибыли и, встреченные на вокзале официальными представителями местной организации, стройной толпой по четыре человека в ряд прошли через весь город к „Юношескому Дому“. Было воскресенье, ярко светило солнце, и многочисленная публика, гулявшая по улицам, с любопытством и изумлением смотрела на эту странную процессию, такую молодую и веселую, все участники которой были украшены красными гвоздиками в петлицах пиджаков или на шляпах.

В „Юношеском Доме“ гостей ожидали члены местной организации,—тоже не меньше 600—700 человек. Здесь гости и хозяева соединились и под звуки музыки небольшого оркестра, состоявшего почти исключительно из представителей молодежи, двинулись густыми рядами по направлению к большому подгородному парку, где, собственно, и должно было состояться самое торжество.

Там, на большой поляне, окруженной огромными буками и дубами, стояла невысокая ораторская трибуна, был устроен небольшой, закрытый занавесом помост и расставлены длинные деревянные столы, исчезавшие под горами фруктов, сладостей, неизменных сосисок и бесчисленных бутылок различных свободных от алкоголя напитков.

Когда растянувшийся цуг, наконец, заполнил живописную поляну, на трибуну взошел один из членов местной юношеской организации и в краткой речи приветствовал приехавших гостей, высказывая убеждение, что сегодняшний праздник послужит делу сближения социалистической молодежи всего окрестного района. От имени гостей отвечал председатель юношеского союза ближайшего крупного города.

Затем приступлено было к выполнению программы: пелись песни; говорились стихотворения, играл кружок юношей-цитристов, ставились живые картины и т. д.—все при деятельном участии самих членов организации. Когда же официальная часть празднества закончилась, собравшиеся были предоставлены самим себе. Над поляной зазвенел веселый юношеский

смех, начались шумные игры, пение и танцы, затянувшиеся до глубокого вечера. Домой возвращались уже с наступлением ночи (при свете звезд и уличных фонарей). Возбужденные так весело и необычно проведенным днем, радостные и довольные, эти хмурые дети большого города крепко пожимали на прощание друг другу руки и обменивались последними дружескими приветствиями:

— До свидания, товарищи!

— До свидания! Приезжайте еще раз к нам!

(В. Майский, „Политическая Германия“).

22. Рабочая молодежь и полиция.

При конфискации политических документов в ноябре 1918 в руки кельнского*) совета раб. и солд. депутатов попали секретные документы, касающиеся юношеского движения. О том, насколько это движение казалось важным господу начальнику кельнской полиции, мы можем судить по тому факту, что начиная с 1907 г., накопилось целых четыре увесистых папки бумаг, посвященных исключительно движению молодежи. Здесь мы в строго хронологическом порядке находим решительно все, что касается нашей организации: все, что когда-либо говорилось или предполагалось, переписка между высшими союзными инстанциями, газетные вырезки, всякий относящийся к движению молодежи лоскуток печатной бумаги, какой только полицейским удавалось раздобыть... Нам ничего не остается, как искреннейшим образом поблагодарить господ полицейских за их солидный труд: сами мы никогда не смогли бы уделить собиранию этого материала достаточного количества времени...

Когда в 1907 г. впервые было положено основание нашему движению под именем „Кельнской свободной организации молодежи“ с 29 членами, и когда состоялось первое собрание, полиция поспешила прислать на это собрание своего официального представителя. Несмотря на то, что в разосланных воззваниях было определенно сказано, что „Общество не преследует никаких политических целей“, начальник полиции тем не менее издал следующий приказ:

„Особенно внимательно надлежит наблюдать за Обществом с целью установления, не преследует ли оно каких-либо политических целей. Необходимы подробные донесения“.

Но полицейские представители, неуклонно каждое воскресенье посещавшие собрания, не могли добиться желательных им результатов. И это несмотря на то, что надзору подвергались даже союзные экскурсии самого невинного характера...

*) Кельн—крупный город в Зап. Германии.

Так шло целых пять месяцев, по истечении которых начальник полиции издал следующий приказ:

„Господину полицейскому комиссару В. на заключение.

Сообщите, действительно ли обсуждались чисто политические вопросы, или же речь шла только об общественных событиях?“

В одном из собраний, где наблюдение снова было поручено господину В., был сделан литературный доклад. После отчета об этом заседании, из которого видно, что докладчик касался и поэзии рабочего класса, В. пишет следующее:

„Из вышеприведенных выдержек из доклада видно, что на собрании обсуждались и политические темы; согласно определению Судебной Палаты от 12 января 1893 г., „обсуждать— значит передавать что-либо своими словами, при чем вовсе не требуется, чтобы докладчик или собрание высказывали свое мнение по затронутому вопросу (см. также постановление Верховного трибунала от 23 октября 1863 г.). Если вышеозначенный союз, являющийся, повидимому, только преддверием к школе социализма, будет продолжать свою деятельность с такими же результатами, то он подпадает под действие параграфа 8 „закона о союзах“, согласно которому союз подлежит закрытию. Обсуждались не чисто политические вопросы; самый доклад носил литературный характер, но тем не менее в этом докладе было несколько мест, заслуживающих, на мой взгляд, названия „политических“. Согласно постановлению от 10 ноября 1887 года, под именем „политических“ мы подразумеваем все, что касается государственного устройства, управления, законодательства, прав подданных и взаимоотношений между отдельными государствами“.

Чего бы не дал господин В. за то, чтобы добиться роспуска союза. Но ему не суждено было испытать эту радость: начальник полиции, повидимому, был несколько благоразумнее и под донесением своего помощника написал: „Не нахожу достаточных оснований для каких-либо активных действий против союза и его членов. Повидимому, дело касается только общественных событий“.

Итак, не было найдено никакой достаточно веской причины для роспуска. А в апреле 1908 г., после вступления в силу нового „закона о союзах“, полиция совершенно прекратила гласное наблюдение за деятельностью союза. И только г. инспектор тайной полиции получил приказание „не выпускать из виду эту организацию“... О том, какими путями проводилось в жизнь это постановление, история умалчивает...

Таким образом, воз некоторое время двигался вперед без особых столкновений. Но уже 14 декабря 1910 года в газетах появилось известие о роспуске аналогичной организации в Берлине. Само собой разумеется, что кельнские власти не могли

отставать от берлинских. Спешно производится дознание, имеющее целью установить, нельзя ли и здесь покончить с организацией. У власти все-таки существовали на сей счет кое-какие опасения, как видно из следующих строк.

„По имеющимся сведениям, роспуск юношеской организации в Берлине был санкционирован в судебном порядке. Во избежание недоразумений рекомендуется прежде всего учесть берлинский опыт“ (т. е. выяснить, согласится ли кельнский суд одобрить полицейское распоряжение о роспуске Кельнского Союза Молодежи).

Как видно, „теплая компания“ из полицейского управления не жалела трудов, лишь бы добиться уничтожения опасной для государства организации. Правда, ей пришлось потратить не менее года на то, чтобы решиться прихлопнуть нашу организацию. Это наше утверждение отнюдь не является голословным; мы документально можем проследить, как, начиная с 14 января 1910 года (роспуск берлинской организации) вплоть до 9 февраля 1911 г. (роспуск кельнской организации) власти в буквальном смысле слова „искали“ поводов, достаточных для того, чтобы можно было распустить союз. Благодаря „знаменитому“ распоряжению министра внутренних дел от 23 ноября 1910 года, дело пошло ускоренным темпом.

Когда вслед за этим распоряжением было созвано собрание пролетарской молодежи, высказавшее свой протест, начальник полиции не на шутку струхнул. Он обратился ко всем без исключения полицейским инспекторам с указанием на необходимость всячески противодействовать возможному уличным манифестациям. Власти пробились с нами около полугода—и все с таким же полным отсутствием каких-либо результатов... Под наше движение никак нельзя было подкопаться, как в этом смущенно сознался один из опытных в таких делах полицейских:

„Повидимому, можно считать несомненным, что в дальнейшем социал-демократическое движение молодежи будет прилагать все усилия к тому, чтобы полиция не имела никаких оснований вмешиваться в это движение“...

Эти слова можно считать полным признанием полицией своего поражения.

Несмотря на всякие „ропуски“, она не могла не видеть, что движение среди рабочей молодежи не только живо, но что оно ширится и пускает все новые и новые ростки. После этого признания своего бессилия в борьбе с движением молодежи вся деятельность полиции свелась почти исключительно к собиранию материалов. Только изредка мы находим более подробные донесения. Так было по поводу одной речи Юргена Бранда по поводу мартовских празднеств социал-демократической партии (по мнению полиции, в этих праздни-

ствах принимало участие слишком много молодежи), по поводу школьных каникул и т. д.

Нам хочется здесь коснуться одной забавной истории, имевшей место весной 1914 года, следовательно, незадолго до начала войны. Один полицейский чин в своем донесении пишет:

„В устроенной местной рабочей молодежью экскурсии принимало участие 150 человек: 130 юношей и 20 девушек. Все участники сошлись утром, около половины шестого, на вокзале и с поездом в 6 ч. 42 м. уехали в Дюрен.

Полицейское правление Дюрена было по телефону уведомлено об отъезде экскурсии с просьбой таким же образом известить нас относительно возможного времени возвращения экскурсантов, но такого сообщения нами получено не было. Согласно имеющимся у нас сведениям, все участники экскурсии вернулись в Кельн на следующий день и непосредственно с вокзала разошлись по домам. Никаких других подробностей относительно этой прогулки не имеется“.

Трудно уяснить себе, чем именно был вызван столь живой интерес к невинной прогулке молодежи. Может быть, всю компанию считали шайкой разбойников? Или боялись, что кто-нибудь из участников по дороге потеряется и не попадет домой?

Отчеты, дававшиеся отдельными представителями полицейской власти, говорят о том, как схематично велась ими вся работа. Один из полицейских чинов пишет о движении молодежи просто на просто: „Отчет о состоявшемся тогда-то собрании социал-демократии“. Другой, характеризуя оратора на одном из собраний, называет его „социалистическим агитатором“, а относительно товарищей, составлявших секретариат собрания, в скобках помечает: „социалисты“.

Внимательное изучение посвященных нашему движению документов с неоспоримой ясностью устанавливает, что дело не обошлось без участия шпииков. Начальнику уголовной полиции всегда заблаговременно было известно о сроках выборов комитетов, он знаком с нашими программами и циркулярами, хотя все это—бумаги, предназначавшиеся для сведения только некоторых избранных лиц. Когда начальник полиции пожелал иметь сборник песен молодежи, начальник уголовного отдела пишет ему:

„Достать книгу песен молодежи незаметным образом довольно трудно; но я постараюсь в ближайшие дни исполнить ваше желание и доставить вам один экземпляр“.

Но этот экземпляр он достал только через две недели и немедленно переслал его „секретным“ пакетом начальнику полиции.

В другой раз полиции стали известны выборы одной из наших сотрудниц в „комиссию детских приютов“, между тем, как эти выборы происходили в весьма узком собрании.

Эти факты с несомненной ясностью говорят нам о том, что представители полиции работали в нашей среде, потому что никаким другим путем вышеприведенные сведения не могли стать достоянием полиции.

(Из статьи Э. Фульфса в журнале „Рабочая Молодежь“).

23. Леопольд Винарский *).

Имя и деятельность Леопольда Винарского навсегда связаны с историей движения рабочей молодежи в Австрии; многим обязан ему и Интернационал молодежи.

Как известно, австрийское юношеское движение (наряду с бельгийским) является самым старым. Еще в 1894 году, вскоре после отмены в Австрии „исключительного закона против социалистов“, в Вене возникла организация ремесленных учеников и рабочей молодежи. Происходили многочисленные собрания, на которых ораторами выступали как взрослые товарищи, так и молодежь. Предприниматели всячески старались помешать основанию союза. Все те рабочие, принадлежность которых к движению могла быть доказана, подвергались суровым наказаниям. К тому же, даже многие члены партии с очень смешанными чувствами смотрели на движение молодежи. Но это движение преодолело все препятствия, и в ноябре 1894 года был основан союз. На учредительном собрании союза доклад о задачах нового союза был сделан молодым 21-летним подмастерьем-обойщиком: этот молодой рабочий и до того времени всячески содействовал движению. Это и был Леопольд Винарский. Его красноречие победило всех сомневавшихся и колебавшихся. Союз разрастался, открывая все новые отделения. Спустя десять лет из него образовался общевстрийский союз.

Винарский не остался без последователей. Его исключительные способности давали ему возможность в самое непро-

*) Автором настоящей статьи, написанной еще в 1915 году, является бывший секретарь Международного Бюро социалистических юношеских организаций Роберт Даннеберг. Во время войны он, после некоторых колебаний, занял позицию, весьма далекую от подлинно-революционного интернационализма. Постепенно Даннеберг скатился в болото мелкобуржуазного социал-соглашательства, всецело подпав под влияние австрийской партийной (соц.-дем.) и профсоюзной бюрократии. Именно это обстоятельство и побуждает его слишком туманно и неопределенно высказываться о том явно враждебном отношении, какое в 90-х годах (да и позже!) встречало юношеское пролетарское движение в рядах партии и профсоюзов. Партийно-профсоюзная бюрократия не только „с очень смешанными чувствами смотрела на движение молодежи“, она систематически тормозила его, препятствовала ему по мере сил и разумения...

Мы помещаем (с некоторыми сокращениями) статью Даннеберга, как ценный фактический материал о Леоп. Винарском и вообще о движении австрийской рабочей молодежи в до-военные годы.

должительное время обогатить запасом знаний какого-нибудь несчастного ребенка поденщицы, образование которого считалось вполне законченным после прохождения курса начальной школы. Из самого Винарского выработалась совершенно своеобразная личность, неизменно производившая глубокое впечатление на окружающих. Он как бы нарочно был создан для того, чтобы стать „глашатаем социализма“. В 25 лет он занимал ответственный пост в секретариате президиума общегосударственного союза. В горячей борьбе против клерикалов он сумел вырвать мандат в венскую окружную думу; после ожесточенной борьбы с националистами он прошел депутатом в рейхсрат (парламент). Едва ли был во всей Австрии хоть один социалист, не знавший Винарского, одного из самых деятельных агитаторов, никогда не отступавшего даже перед самой тяжелой задачей.

Он работал в самых разнообразных областях, и во многих из них он был глубоким социалистом, к словам которого всегда внимательно прислушивались. Все время неутомимо стараясь пополнить свое образование, он был чужд мертвым застывшим формам и всегда охотно шел навстречу новым идеям. Всюду, где приходилось проводить какое-нибудь новое мероприятие, призывался Леопольд Винарский. Работая среди молодежи, он в тоже время успевал уделять довольно большое внимание и женскому движению, которому именно в Австрии приходилось наталкиваться на неизвестные в других странах препятствия и затруднения. Будучи человеком повседневного труда, Винарский никогда не терял из виду главную и конечную цель движения. В своей деятельности он искал не минутного успеха, но прежде всего считался с тем, насколько возможные результаты будут соответствовать основным целям и задачам социализма. Поэтому он считал просветительно-воспитательную работу среди членов союза одной из самых важных задач. Бесчисленные речи, произнесенные им на разных собраниях... Вероятно, не менее многочисленны и речи, произносившиеся им в более тесном кругу; организация просветительной работы—в значительной степени дело рук Винарского. В качестве представителя просветительной комиссии, он непрерывно руководил этой работой. Так как он не столько стремился к приобретению большого числа избирателей, сколько к образованию и просвещению рабочих масс, то его интересы прежде всего были отданы молодежи. И среди этой молодежи он всегда бывал по первому ее зову... Там, где дело шло о работе среди молодежи, у этого занятого человека всегда находилось достаточно свободного времени. На его глазах и состоялось, и выросло движение рабочей молодежи, он всегда и неизменно помогал ей своим опытом и советами, выводил молодежь из тягостных, подчас, конфликтов. В последние годы на собраниях

австрийской молодежи выступало немало выдающихся лиц, но никого не приветствовали так восторженно, как Винарского, которому дано было зажечь в тысячах и тысячах сердец пламя социализма.

Первые его выступления в венской думе и австрийском парламенте были посвящены рабочей молодежи. Вначале его противникам было только смешно, что время от времени подымается какой-то человек, снова и снова говорящий о нуждах, печалих и надеждах рабочей молодежи. Но Винарского не так-то легко было смутить насмешками. Исключительно его необычайной настойчивости мы обязаны тем, что вопросы о нуждах рабочей молодежи и, в первую очередь, вопрос об ее профессиональном образовании неизменно будут обсуждаться вплоть до того момента, когда они получат окончательное и благоприятное разрешение.

Когда в начале текущего столетия во всех европейских странах усилился рост социалистического движения среди молодежи, и когда впервые раздался голос о необходимости международного объединения, Винарский снова оказался в числе первых, пришедших на помощь этому делу. Он был представителем австрийского союза на первой международной конференции молодежи в Штуттгарте (в 1907 году) и председателем предварительного совещания, на котором обсуждались крайне важные вопросы. Он был избран в Международное Бюро Молодежи и ревниво оберегал эту организацию среди всех тревожений первых лет ее существования. Кроме того, он выступал на международных конференциях в Копенгагене (в 1910 г.) и в Базеле (в 1912 г.).

Свою последнюю крупную партийную работу ему пришлось выполнить в комитете, подготовлявшем интернациональный конгресс в Вене летом 1914 г. Но в это время началась война. Всего через несколько недель после ее объявления Винарский был призван в ополчение, чем и был положен конец его политической деятельности. Но все его интересы попрежнему были всецело отданы судьбе рабочего движения.

Типичной для его мировоззрения была его речь на съезде австрийского союза молодежи в Боденбахе в 1912 году. Эта речь была посвящена культурно-просветительной работе среди молодежи и борьбе с милитаризмом. В этой речи он говорит:

„Буржуазия стремится воспитать рабочий класс в духе покорности. Государство живо заинтересовано в том, чтобы превратить рабочую молодежь в сторонников квасного патриотизма. Прикрываясь именем науки, имущие классы стараются привить рабочим взгляды, наиболее выгодные эксплуататорам. Наша задача прежде всего в том, чтобы во всех наших организациях указывать рабочему классу на весь вред, наносимый ему подобными действиями буржуазии. Мы должны постараться

исправить то, что испорчено правительственными учебными заведениями. Мы должны показать всем, что капитализм лишает нас свободы и стремится к умственному и нравственному калечению масс... Капитализм—вот наш враг! Побеждая капитализм, мы тем самым двигаем вперед развитие масс. И эту работу можем выполнить только мы одни, и никто другой, так как мы одни заинтересованы в ней. Мы должны уяснить себе, что, только окончательно победив капитализм, мы будем в состоянии воспользоваться всеми культурными ценностями и сделать их доступными пролетариату. Поэтому наша главная задача состоит в том, чтобы воспитать наших рабочих на сознательную борьбу против капиталистического строя“.

Леопольд Винарский скончался от удара, едва достигнув 43 лет. Он умер после кратковременной болезни 22 ноября 1915 года в Вене в полном расцвете сил, в тяжелое время, когда ежедневно гибнут десятки тысяч людей, а оставшиеся в живых тупеют и становятся бесчувственными от непосильного горя. Но Леопольда Винарского мы никогда не забудем. Далеко за пределами Австрии будет жить среди рабочей молодежи память о нем.

(Из статьи Р. Даннеберга).

24. Резолюция Копенгагенского конгресса о взаимоотношениях с профсоюзами и партией.

„Классовая борьба международного пролетариата принимает все более острые формы. Чем крупнее успех социалистического движения, тем сильнее становится стремление его противников воспитать молодежь рабочего класса в духе предклонения перед властями и ханжества и, таким образом, сделать предателями своего класса.

Вследствие этого настоятельно необходимо заботиться о том, чтобы воспитание рабочей молодежи во всех странах велось в духе социализма.

Задача движения молодежи заключается в воспитании рабочей молодежи для классовой борьбы, Рабочая молодежь должна в каждой стране работать в постоянном контакте с социалистической партией и с профессиональными союзами. Она должна обращаться за советами и помощью к социалистической партии и вести свою деятельность в согласии с партией и профессиональными союзами.

Это, однако, не должно препятствовать самостоятельной деятельности молодежи, которая, по педагогическим соображениям, является необходимым условием развития движения молодежи“.

ПОД ГРОХОТ ПУШЕК

Юношеские организации и война.

Бернская конференция 1915 г.

Документы и материалы.

25. Отклики на войну молодых социал-патриотов.
26. Германская рабочая молодежь во время войны.
27. Революционные группы молодежи в Германии.
28. Революционная агитация и молодежь.
29. Роль Карла Либкнехта.
30. Макс Борсдорф.
31. Амедео Катанези.
32. Работа тов. Ленина среди швейцарской молодежи во время войны.
33. Воззвание революционной группы молодежи в Австрии.
34. Рабочая молодежь и забастовочное движение.
35. Из статьи Ленина „О лозунге разоружения“.
36. Из статьи Ленина „Интернационал молодежи“.
37. Резолюция Бернской конференции о войне и задачах юношеских организаций.
38. Деятельность Международного Секретариата Интермола во время войны.

Юношеские организации и война.

В 1914 г. началась мировая война. Интернационал взрослых социал-демократов, почти целиком погрязший в трясине мелкобуржуазного реформизма, распался при первых же пушечных выстрелах. То же самое случилось и с юношеским Интернационалом. Секретарь Междунар. Бюро Юношеского Интернационала Роберт Даннеберг находившийся в Вене, не сделал ничего для восстановления международных связей организаций молодежи. Если уж и до войны эти связи были чрезвычайно слабы, то теперь они совсем распались. Юношеский Интернационал перестал существовать. Каждая отдельная организация была предоставлена своей собственной судьбе. Каждой из них пришлось совершенно самостоятельно нащупывать свою тактическую линию.

Крах Интернационала Молодежи.

Большинство германских организаций молодежи, развращенных шестилетней „опекой“ со стороны омещанившихся, обюрократившихся и потерявших всякий революционный облик партийно-профсоюзных вождей, изменило социализму и заняло позиции „гражданского мира“ и „обороны отечества“. На страницах печатных органов рабочей молодежи велась кровавая патриотическая проповедь, соединенная с грязной травлей против революционных элементов в юношеском движении. Все преступления германского милитаризма находили себе защиту на страницах этих печатных органов,—зверское насилие над Бельгией („Юнгфольк“ 1915 г.), убийства мирных бельгийских граждан („Арбайтер Югэнд“ 1915 г.), подводная война, даже каторжный закон о милитаризации фабрик! (См. Док. и мат., № 25).

Германия.

Однако, война вызвала в Германии не только патриотический угар; она в то же время оживила и усилила старые оппозиционные группы молодежи, начавшие складываться еще в до-военные годы в связи с недовольством части рабочей молодежи бюрократической „опекой“ над юношеским движением. С каждым годом войны оппозиция все более укреплялась; многие местные группы молодежи развили энергичную агитацию

против войны и провели бойкот центрального юношеского печатного органа „Арбайтер Югенд“ („Рабочая Молодежь“). Группы принимали участие в устройстве противовоенных демонстраций, распространяли прокламации, вели революционную пропаганду внутри юношеских организаций и разоблачали социал-патриотических вождей молодежи (Мат. и док., №№ 26, 27 и 28). Вся эта работа проводилась в самом тесном контакте с подпольными организациями взрослых рабочих,—прежде всего, с группой „Спартак“, из которой впоследствии развилась германская компартия. Идейным (отчасти также организационным) вдохновителем и руководителем оппозиционных групп молодежи был в этот период Карл Либкнехт. (Мат. и док., № 29). В то же время молодежь выдвинула новых руководителей из своей собственной среды; таковыми были Габерзаат, Петер, Макс Борсдорф и др. (Мат. и док., № 30). В 1916 г. оппозиционные группы молодежи объединяются (на конференции в Иене) и создают новый революционный союз рабочей молодежи, являющийся предшественником германского Комсомола.

Италия. Одной из самых героических организаций, которой, главным образом, рабочая молодежь обязана воссозданием юношеского Интернационала, явился „Социалистический союз молодежи Италии“. С самого начала войны ЦК итальянского союза начал борьбу против империалистического правительства, пользуясь поддержкой подавляющего большинства членов союза. Совместно с большинством партии, для которой союз во время войны служил большой опорой, молодежь устраивала массовые уличные демонстрации, вела агитацию в армии, распространяла листовки и т. д. Итальянский союз понес в результате преследований большие потери. В числе прочих погибли двое руководителей союза т. т. Амедео Катанези и Ф. Мариноцци. Первый был призван на военную службу и был убит, второй погиб в тюрьме. (Док. и мат., № 31). Для понимания поведения итальянского союза во время войны нужно иметь в виду, что в Италии рабочей молодежи в до-военные годы удалось отстоять самостоятельность своего союза, и что этот последний еще задолго до 1914 г. развивался в обстановке деятельной борьбы против оппортунизма и социал-предательства.

Швейцария. Швейцарский союз не только вел во время войны революционно-социалистическую борьбу с оппортунизмом всех видов и оттенков, не только развивал усиленную пропаганду против войны, но и работал успешно по восстановлению международных связей между юношескими организациями и являлся центром всего международного юношеского движения. Этому способствовало несколько причин:

1) Швейцария сохраняла во время войны „нейтралитет“, и поэтому „военный угар“ был здесь слабее, чем в других странах; социал-патриотизм пустил в швейцарском рабочем движении сравнительно неглубокие корни; 2) швейцарский союз молодежи поддерживал тесную связь с русскими эмигрантами-большевиками, жившими в Швейцарии (во главе с Лениным); 3) в Швейцарии дело никогда не заходило в смысле „наскоков“ на самостоятельность юношеского союза так далеко, как, примерно, в Германии; поэтому влияние оппортунистов в местном юношеском пролетарском движении было относительно незначительно. (О работе Ленина среди швейц. раб. мол. см. Док. и мат., № 32). В Швейцарии в 1915 г. заседал Бернский конгресс (см. ниже), здесь же помещалось и избранное на конгрессе Международное Бюро, в Швейцарии издавался и международный революционный журнал „Интернационал Молодежи“.

Во Франции большинство вождей молодежи, как и соц. партии, в начале войны изменило социализму. Однако, движение рабочей молодежи против войны, начавшись в департаменте (округе) Сены, быстро разлилось по всей стране. Этому способствовало и то, что часть членов Центрального Комитета французского союза, после длительных колебаний, в конце концов заняла все же интернационалистскую позицию. Таким образом, идеи интернационализма укреплялись и в социалистич. организации молодежи Франции, несмотря на полицейские преследования и репрессии. **Франция.**

В немецких областях Австрии „Союз молодых рабочих“, руководимый Даннебергом, все годы войны стоял на чрезвычайно неопределенной позиции, заигрывая одновременно и с революционными интернационалистами и с социал-патриотами. Лояльно выполняя свои обязанности по обороне „дорогого отечества“, он в то же время „скорбел“ о „страшных бедствиях, обрушившихся на человечество“. Однако, и здесь постепенно складывалась и укреплялась революционно-социалистическая оппозиция, чему не могли помешать жесточайшие полицейские репрессии. (Док. и мат., №№ 33 и 34). **Немецкая Австрия.**

В Швеции, Норвегии, Дании, Испании, Финляндии, Америке и других странах союзы молодежи были почти единственными организациями, которые боролись против оппортунизма и патриотического „угара“. **Прочие страны.**

Таким образом, за исключением Германии, Франции и немецкой Австрии, юношеские пролетарские организации повсюду почти единодушно высказались. **Общие итоги.**

против войны, против „гражданского мира“, против оппортунизма в рабочем движении. Революционно-авангардная роль юношеских организаций выдвинула их во время войны на положение одного из важнейших факторов мировой политики. Почти повсюду война вызвала оживление политической деятельности союзов, способствовала высвобождению их из-под партийно-профсоюзной „опеки“, возродила их первоначальную организационную самостоятельность. Нужно, однако, отметить, что в тактике юношеских организаций, в особенности, в области борьбы с милитаризмом и войной, отсутствовала революционная четкость, марксистская выдержанность. Горячая ненависть к изменникам социализма, защищающим „отечество“ в империалистической войне, совмещалась с отсутствием теоретической ясности и революционной последовательности. Вместо революционно-марксистских лозунгов: „вооружение пролетариата и разоружение буржуазии“ и „революционный выход из империалистической войны путем вооруженного восстания рабочей массы“ юношеские пролетарские организации обычно выставляли туманный, утопический и по существу мелкобуржуазно-реакционный лозунг „всеобщее разоружение“. Тов. Ленин, находившийся тогда в Швейцарии и близко соприкасавшийся с юнош. пролет. движением, дал в нескольких, написанных им в то время статьях беспощадную критику этого беспомощного, неправильного, обманчивого лозунга. Ему, однако, не сразу удалось переубедить молодежь, и только богатейший опыт русской революции 1917 года заставил юношеские организации изменить свою антимилитаристскую программу в последовательно-революционном духе, на основе точного учета реальной обстановки классовой борьбы. (О ленинской критике антимилитаристской программы революц. организаций молодежи см. Материалы и документы, №№ 35 и 36).

Бернская конференция (1915 г.).

**Состав конферен-
ции и ее решения.**

По инициативе швейцарских, итальянских и шведских товарищей, в апреле 1915 г. была созвана (помимо Даннеберга) Бернская конференция союзов молодежи. На ней были представлены, главным образом, нейтральные страны; и руководящую роль играли Скандинавия и Швейцария.

Центральные Комитеты французской, австрийской и германской организаций отказались прислать своих депутатов. Германия была представлена лишь делегатами от нескольких групп, отколовшихся от своего ЦК.

Бернская конференция имела безусловно революционное значение. Она призвала организации всех стран к активной политической борьбе, прокламировала полную самостоятель-

ность юношеского движения, установила „международный юношеский день“ (день борьбы с милитаризмом, с социалистической изменой, за коммунизм). Постоянным международным секретарем был избран швейцарский товарищ Вилли Мюнценберг.

Однако, в решениях Бернской конфе́нции ясно сказались и та теоретическая неясность, нетвердость, которая господствовала во время мировой войны даже в самых революционных организациях рабочей молодежи, и которую В. И. Ленин подвергал такой беспощадной, суровой критике. В вопросе о борьбе против войны Бернская конференция выставила неосуществимый, утопический, мелкобуржуазный лозунг: „всеобщего разоружения“. (Док. и мат., № 37).

Как бы то ни было, хотя конференция далеко еще не достигла той ясности, какая требовалась от сознательных революционных борцов во время войны, все же ее значение в деле восстановления революционно-социалистического Интернационала молодежи было огромно.

Избранное на конференции Международное Бюро во главе с т. Мюнценбергом развило широкую пропаганду против войны. Были подготовлены и проведены массовые выступления против войны („юношеские дни“). Орган Международного Бюро („Интернационал Молодежи“, под ред. В. Мюнценберга) стал трибуной для всех решительно противников войны и всех подлинных революционных социалистов; в нем сотрудничали К. Либкнехт, Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек и др. Без преувеличения можно сказать, что в первые годы войны вокруг юношеского Международного Бюро сгруппировались все революционные элементы (как союзов, так и партий) в их борьбе с кликой старых бюрократических вождей. (Док. и мат., № 38).

**После Бернской
конференции.**

Документы и материалы.

25. Отклики на войну молодых социал-патриотов.

(Из статьи Карла Корна „Воля к мужеству“ в „Арбейтер-Югенд“ № 1 за 1915 г.).

„Храбрость является лозунгом и требованием этих дней, безотносительно к тому, дано ли нам самим совершать геройские поступки или мы вынуждены скромно довольствоваться созерцанием геройских событий и хотя бы в душевном сопереживании делать их своим достоянием“.

„А вся эта война? Пусть вину за ее возникновение несет кто хочет, молодежь всегда на стороне меньшинства...*)“.

„Что нам мировая политика, когда в эти августовские дни на Германию, как на майскую ниву, посыпался град об'явлений войны, когда с востока, запада и севера целый мир врагов двинулся к границам Германии, а на другой стороне мира японец точил свой нож, чтобы нанести нам удар в спину. Тут для нашей молодежи „теория“ мировой войны была решена. Ибо сердце молодежи всегда на той стороне, где рыцарь борется со смертью и дьяволом“.

26. Германская рабочая молодежь во время войны **).

Желание собственными глазами посмотреть, что делается в Германии, о состоянии которой рассказывали в Швейцарии всякие небылицы, заставило меня прошлой осенью решиться покинуть мою „родину“ и попытаться найти работу в Германии.

Действительно, быстро удалось найти заработок в одном из южных городов Германии. Первые же мои наблюдения показали мне, что „равенство“ в военной Германии значительно шагнуло вперед... Женщины, до того времени почти исключительно прикованные к дому, теперь работали в качестве кондукторов на трамваях, разносили письма, чистили улицы, рабо-

*) Под „меньшинством“ здесь имеется в виду германский народ.

**) Настоящая статья одного швейцарского товарища первоначально появилась в № 3 „Интернационала Молодежи“ (от 1 марта 1916 г.).

тали на поприщах, где мы прежде привыкли видеть только мужчин. Каждый из жителей нашего города получал хлебную карточку, по которой он ежедневно — и, разумеется, за плату — мог получать в одной из булочных по 150 грамм хлеба. Местные товарищи, как юноши, так и девушки, рассказывали мне, что многие из их друзей в тюрьме за то, что никак не могли примириться с новыми условиями жизни. Не без некоторого изумления я только покачал головой и вскоре покинул этот город, направляясь на север. В Лейпциге, где мне несколько лет тому назад пришлось немного поработать, я присутствовал на собрании рабочей молодежи и вынес впечатление, что среди населения существует большое недовольство войной и созданными ею условиями жизни; здесь же я мог почерпнуть и некоторые сведения относительно позиции Центрального Бюро в Берлине и редактируемого им органа „Рабочая Молодежь“ *). Во всех без исключения речах слышалось желание скорейшего заключения мира, которое дало бы возможность рабочим возобновить свою классовую борьбу.

На Берлинской бирже труда мне посчастливилось сразу достать работу. Таким образом, я получил возможность непосредственно изучить положение дел в столице. На Линденштрассе (одна из Берлинских улиц) находится Центральное Бюро германской рабочей молодежи; здесь один из товарищей, Вейнман, сообщил мне подробные сведения относительно берлинского движения рабочей молодежи, при этом он неоднократно обращал мое внимание на то, что германская и, в частности, берлинская молодежь до 18 лет совершенно чужда политике, и что все заседания, рефераты и т. п. носят исключительно образовательный характер. Благодаря светлым, просторным и прекрасно оборудованным „Домам юношества“, удается отвлекать молодежь от улицы и от трактирной жизни. Образовательные лекции, посещение музеев, художественно-литературные вечера и разного рода экскурсии дают молодежи возможность учиться и развиваться. Эти же цели преследует и журнал „Рабочая Молодежь“. По достижении 18 лет молодые рабочие вступают в партию и в профсоюзы, где в целях подготовки к политической деятельности для них устраиваются еженедельные заседания с соответствующими докладами. Само собой разумеется, что движение молодежи очень страдает от войны, так как на военную службу призваны многие опытные руководители, в настоящее время замененные более молодыми товарищами. Что касается многочисленных „Домов юношества“, заслуживших даже от буржуазных педагогов название „райских уголков“, то посещаемость их (особенно женской молодежью)

*) Центр. Бюро германской организации молодежи занимало социал-патристическую позицию, т. е. стояло за „оборону отечества“.

очень значительна. „Дома юношества“ оборудованы очень практично и в то же время уютно. В них имеются великолепные читальни, большие помещения для развлечений и игр, с музыкальными инструментами; во всех Домах имеются кухни и различные хозяйственные помещения. Одна из девушек — членов Союза берет на себя обязанность выдавать кофе, молоко и какое-нибудь печенье по очень скромной цене. В центре Берлина таких Домов три, в ближайших окрестностях — около десятка. Самой собой разумеется, что и берлинская молодежь — убежденная противница братоубийственной войны и очень жалеет, что лишена возможности бороться рука об руку со своими зарубежными товарищами за общие идеалы. Позиций, занятой их журналом „Рабочая Молодежь“, большинство молодых рабочих недовольно. Многие прямо заявили мне, что этот журнал опустился до уровня обычного бульварного листка. И, действительно, его содержание мало чем отличается от содержания различных буржуазных листков для молодежи. Фактически, число подписчиков „Рабочей Молодежи“ во время войны значительно уменьшилось. Были случаи, когда молодежь отказывалась принимать участие в распространении этого журнала. В настоящее время журнал не разносится по домам самой рабочей молодежи, как это было прежде, а рассылается административной газетой „Форвертс“ *). Большинство членов Союза Молодежи солидарно с Либкнехтом и его тактикой.

Борьба за заключение мира встречает сильное противодействие со стороны прусской полиции. О всех собраниях должно быть предварительно сообщено в полицию, а что касается шпионажа, то он принял небывалые до сего времени размеры. Все товарищи, подозреваемые в принадлежности к оппозиции, немедленно призываются на военную службу и отправляются на фронт. Но, несмотря на все затруднения и опасности, все-таки ведется упорная борьба против войны. Борьба эта ведется, главным образом, путем распространения прокламаций и устройства демонстраций.

Так, вечером 30 ноября, в связи с открытием сессии рейхстага (парламента), на Унтер-ден-Линден (одна из центральных улиц Берлина) собралась 10.000 толпа. Все попытки полиции рассеять толпу были напрасны. „Долой войну! Мы хотим мира! Мы голодаем! Да здравствует Либкнехт!“ Такие возгласы раздавались в толпе; но когда послышались звуки „Рабочей марсельезы“, полиция окончательно потеряла власть над собой и с обнаженными шашками бросилась на демонстрантов. Не обошлось при этом без содействия конных городских, направлявших своих лошадей прямо в толпу. В результате, последовали многочисленные аресты; многие из участников демонстрации

*) „Форвертс“ — ежедневная газета немецкой соц.-дем. партии.

были ранены. Наконец, толпа вынуждена была уступить натиску грубой силы. Полиции удалось оттеснить демонстрантов в боковые улицы. Подгоняемые и сопровождаемые конными городовыми, демонстранты сомкнутыми рядами, медленно и с пением покидали Унтер-ден-Линден. Вдруг я почувствовал, что чья-то рука грубо схватила меня за шиворот. — „Вы пели!“ — завопил на меня полицейский и потащил меня в участок, где уже было человек 14, в том числе — женщины и молодежь. У одного из более пожилых мужчин на голове была кровавая рана, нанесенная ему шашкой полицейского. Другой из задержанных был арестован за то, что сказал по адресу полиции: „Убирайтесь к чорту!!!“ Один из полицейских любезно называл нас мерзавцами, разбойниками и тому подобными ласкательными именами.

В час ночи всех нас в карете отправили в тюрьму, где нам, после того как у нас были отобраны вещи, отвели каждому по отдельной камере. На следующий день состоялся допрос, а еще две недели спустя я предстал перед судьей. Меня обвиняли в „грубом нарушении общественного спокойствия“. Так как в мои намерения вовсе не входило соглашаться со всем, что мне приписывали, то меня оставили в заключении до 18 декабря. В этот день мое дело снова разбиралось, и свидетелем выступал задержавший меня полицейский. Он уверял, что слышал и видел, как я пел „Рабочую марсельезу“ и, кроме того, кричал разные разности. Кроме того, я не выполнил приказа полиции „разойтись“... Судья об’явил, что он не вправе решить мое дело и передал меня в другую судебную инстанцию. Социал-демократическая партия и профсоюзы приняли во мне участие и назначили мне защитником товарища Зигфрида Вейнберга. На просьбу моего защитника о моем освобождении ответили отказом, подозревая меня в „тайном заговоре“... Я пробыл в тюрьме вплоть до 24 января. В этот день меня снова судили, обвиняя в сопротивлении властям. Я был приговорен к 4-недельному заключению, но в виду того, что я провел в тюрьме значительно больше этого срока, мне было об’явлено, что я подлежу высылке на родину как „беспокойный иностранец“ и что теперь мне только остается ждать момента высылки. Под неусыпным надзором унтер-офицера я собрал свои пожитки и вечером, около 7 часов, был сдан на руки двум прусским унтер-офицерам, которые, ни на минуту не выпуская меня из виду, доставили меня на швейцарскую границу. Что касается прочих задержанных товарищей, то мне не удалось узнать о них ничего определенного. Я только слышал, что они были призваны на военную службу. Так закончилась моя поездка в военную Германию. Из этой поездки я вынес уверенность, что германская молодежь, несомненно, со временем станет одной из надежнейших опор Интернационала...

27. Революционные группы молодежи в Германии.

Собирание сил.

Прошло несколько времени после начала войны, пока мы в Гамбурге узнали об оппозиции в стране.

Первую возможность наблюдения оппозиционного движения в рядах организованной молодежи создала сама же военная диктатура.

Господа военные, которые с удовольствием нарядили бы в серые мундиры даже ребятишек, пытались дать военное образование еще не военно-обязанной молодежи.

Однако, молодежь не сразу подалась на эту удочку. Во многих центрах явились противники. В газетах развернулась дискуссия за и против вооружения молодежи.

Мы примечали имена, и в несколько недель была создана сеть: Гамбург — Берлин — Лейпциг — Иена — Штуттгарт — Ганновер — Мангейм — Бремен.

И потом произошло первое столкновение с Фрицем Эбертом, тогдашним председателем „Центральной комиссии для рабочей молодежи“, и его приспешниками.

Речь шла о социал-патриотических писаниях соц.-дем. юношеского журнала „Арбейтер Югенд“ и о статье в юношеском календаре „Юнгфолк“.

Письмо из Берлина: „Мы доставляем им много хлопот, решено „Арбейтер Югенд“ не распространять“. Браво...

Письмо из Лейпцига: „В Берлин послан протест“. Сообщение из Иены: резолюция в Берлин с протестом.

И так шло все далее!

Первое мая 1916 года.

За восемь дней до 1 мая 1916 года, наперекор всем опасениям, в Иене собралась революционная молодежь на 1-ую конференцию всей страны.

Незадолго до того, как мы разошлись, с нами говорил Карл Либкнехт.

Воодушевленно приняла конференция после его речи решение, обязывающее все группы молодежи установить везде совместно с революционными подпольными группами взрослых (группа Спартак) связь к 1-му мая.

Быстро приступили к делу в оставшиеся немногие дни. Пришлось преодолеть громадные препятствия. Должны были быть сорганизованы огромные массы, но следовало воздержаться от преждевременного разглашения. Для этого в нашем распоряжении были слишком скудные средства и очень мало

листовок, но помогло самопожертвование товарищей. До поздней ночи составлялись гектографированные листовки, которые в кратких выражениях, звучавших тогда, как удары молотом, призывали к выступлению; „хлеб, свобода, мир“—таков был лозунг.

Окруженный шпиками, которые только и ждали случая посадить его в тюрьму, Карл Либкнехт принимал во всех этих приготовлениях живейшее участие.

И жертвы были принесены не даром. Несмотря на все препятствия и частичные аресты, удалось, по крайней мере, в некоторых местах вызвать 1-го мая большие выступления с однородными целями.

Прежде всего—в Берлине. До этого здесь бывали только небольшие демонстрации. А в день Первого мая—десятитысячная толпа на Потсдамской площади.

Давно уже шныряли по площади шпики, солдаты и полицейские. Каждый чувствовал, что военные насильники готовят удар; мы все знали, кому он назначается. Знал и Карл Либкнехт.

Но он также знал, что никто не заставит его молчать.

Он знал, что как раз его жертва будет фактором, который окажет большее влияние и будет громче взывать, чем все прежние речи.

Вопреки всем заграждениям, в одном месте собралось множество молодых и взрослых товарищей, преимущественно женщин.

Среди них—Карл Либкнехт. Со всех сторон в массы проникали шпики, полицейские и солдаты.

Но Карл Либкнехт безбоязненно поднимает руку и говорит. Коротко, зажигательно. Далеко звучит его клич: „Долой войну! Долой правительство!“—разносимый тысячами голосов.

Тут его схватывают сзади.

Раздаются голоса возмущения. Рабочая молодежь выступает вперед. Но уже пробита брешь. Поднятые сабли, взятые на изготовку винтовки воздвигают стену между массами и Карлом Либкнехтом.

С кулаками, нагайками и обнаженными саблями проникает полиция в толпу. И взбудораженная разбойничья мешанская банда помогает толкать убегающих или предавать их в руки полиции. Некоторые брюхачи знакомятся при этом с пролетарскими кулаками.

Одураченный лейтенант.

В 1915 году меня нарядили в солдатскую форму, и я получил возможность побывать в России, Франции и Бельгии.

Со всеми молодыми товарищами, находящимися в армии, из Гамбурга была организована постоянная связь, которая в течение долгих лет не прерывалась.

В 1916 году я получил место батальонного писаря. Моим „непосредственным начальством“ был юный лейтенант, который только что вышел из гимназии и был очень недалек.

Он доверчиво допускал меня,—в особенности, когда был пьян,—к исполнению секретнейших бумаг.

Все приказы, касавшиеся усиленного надзора за революционной пропагандой в армии,—другие нас мало интересовали,—уже спустя несколько дней после их получения делались известными моим гамбургским друзьям...

Все шло хорошо до сентября 1917 года, когда я, вскрывая батальонную почту, нашел приказ военного суда Восточного Главнокомандования об аресте меня самого.

В Варшаве был задержан товарищ за распространение революционной литературы. Была захвачена его переписка и обнаружены многочисленные связи.

По „подозрению в сообщничестве“ был отдан приказ о моем аресте.

Быстро был отложен в сторону весь материал, сделаны кое-какие предупреждения—и тогда я отдал лейтенанту почту.

— Что-нибудь особенное?

— Нет, господин лейтенант, распоряжение обо мне.

— Что-о-о!

— Приказ арестовать меня.

— Вероятно, они сошли с ума. Покажи.

Он читает.

— Правда ли все это? Знаешь ты этого парня из Варшавы?

— Да он мой школьный товарищ.

— Только школьный товарищ? Ну, тогда приложи эту чепуху к бумагам.

Такой болван.

Что вышло из этой истории—я не знаю.

Потому что спустя четыре недели я сидел в английском плену, а не в крепости.

(Из статьи тов. В. Ш у л ь ц а).

28. Революционная агитация и молодежь.

(Приговор германского военного суда по делу члена юношеских организаций тов. Гильдебрандта).

„Во втором отделении военного суда в Шарлоттенбурге рассматривалось в субботу 23 марта дело Юлиуса Гильдебрандта из Галле. Обвиняемый находится в близких сношениях с социал-демократическим союзом молодежи в Галле, который неоднократно призывал к забастовкам и уличным демонстрациям с политической целью. Гильдебрандт сам подстрекал кос-

венно и непосредственно к демонстрации 25 ноября 1917 года. Он угрожает безопасности государства, ибо не подлежит сомнению, что означенный социалистический союз молодежи является носителем и распространителем стремлений, имеющих целью побудить рабочих, в особенности рабочих, участвующих в важнейших военных производствах, к отказу от работы и к уличным демонстрациям. Этим способом социалистический союз молодежи стремится повлиять на решения высших военных властей в вопросах внешней и внутренней политики. В виду изложенного, Юлиус Гильдебрандт приговаривается к . . . " (далее следует определение меры наказания).

29. Роль Карла Либкнехта.

Самые драгоценные политические свойства Либкнехта еще до войны должны были сделать его неприятным некоторым вождям и в то же время создали ему популярность в рабочих массах и в Интернационале. Он слишком сильно выделился в рядах немецких социалистов, чтобы не подвергнуться обвинению в тщеславии. К этому присоединялись еще его личные качества, благодаря которым он точно так же отступал от предписанного типа уважаемого партийного вождя. Он любил жизнь! Свободно и беззаботно он протягивал руку к ней, куда бы она его ни манила. Так мало буржуазного скрывалось в этом юном Авессаломе, так мало притворства, так много детской жизнерадостности, что многие не замечали за этим глубокой серьезности и уточненности его натуры.

До войны он был пламенным агитатором, энергичным политиком, полным огня, живым и веселым, любимцем рабочих, любимцем женщин, человеком, который, — как говорят поляки, — хорош в бою, хорош и на пиру. Во всяком жесте он был сыном своего отца, великого народного вождя, великого и живого человека, который мог смеяться, как ребенок.

Началась война, и пламя ее выковало из всех этих элементов темперамента и характера Либкнехта героя германского рабочего класса. Вместе с первыми известиями о войне за границей распространился слух, что Либкнехта вместе с Розой Люксембург расстреляли. Это известие предупредило действительность, но оно показывало, что за границей и друг и враг знали, от кого следует ожидать борьбы против военных властей. Либкнехт был потрясен этими неожиданно обрушившимися событиями. На пороге героического периода своей жизни он уплатил последнюю дань партии, революционная мощь которой была его улетучившейся мечтой. Уверенность, что

четвертое августа останется только печальным эпизодом*), побудила его сохранить дисциплину и отказаться от открытого протеста против войны 4 августа. Через несколько дней он лопнул, что он сделал большую ошибку. Он сблизился с Розой Люксембург, линия которой, теоретически строго выдержанная, была чужда его широкой, ищущей натуре, и между ними, несмотря на все различия в характерах, возник союз до гробовой доски. В первые недели войны они пытаются обратиться к рабочим массам; правительство запрещает это. Либкнехт решился при втором голосовании кредитов поднять знамя восстановления. Он пытается добиться общего выступления четырнадцати депутатов, которые выступали во фракции рейхстага против принятия военных кредитов. Они отказываются. Либкнехт, которого эти трусы впоследствии упрекали в том, что он будто бы действует только из тщеславия, чтобы блистать одному, боролся до последнего момента, чтобы из кучки колеблющихся коллег увлечь за собой на путь общей борьбы по крайней мере двух, хотя бы даже только одного. Больно было видеть, что он, хотя пустил в ход все средства интеллектуального и морального влияния, не мог поколебать ни одного человека из фракции, насчитывавшей более сотни членов, не мог никого убедить в необходимости порвать со всеми гнилыми компромиссами. Обнаружилось, в какой значительной степени банкротство вождей стало, наконец, моральной проблемой. Либкнехт остался одиноким. Его черты сделались тверже, около рта легла горькая складка. Несмотря на отговоры друзей, он решился выступить один. В тот час я увидел, как в Либкнехте исчезли последние сомнения, как в нем высободилась болевшая сила, которая не покидала его до самой смерти: железная решимость проложить дорогу возрождению социализма, даже если бы это значило принять на собственную грудь все удары.

Борьба из-за знамен социализма, втоптанных в грязь, была предпринята совершенно открыто. Вся пресса старалась свалить его, отчасти пуская в ход клевету, отчасти высмеивая его дело, как пустяковую забаву. Его терроризировали угрозами и внушали ему, что он бесполезно жертвует собой. Однако, тысячи сочувствовали ему и стали на его сторону. Тысячи рабочих списывали и размножали изложение мотивов его особого мнения; оно переходило из рук в руки, пробуждало чувство доверия и обязывало к борьбе и мужчин, и женщин. В конце декабря 1914 года, когда я прибыл в Швейцарию, мне стало совершенно очевидным, насколько плодотворное влияние оказал его подвиг в международном отношении. Он был первым,

*) 4 августа 1914 г. социал-демократическая фракция германского рейхстага (парламента) голосовала за предоставление правительству Вильгельма II кредитов на нужды войны.

далеко видимым признаком того, что в Германии существовали революционные силы. Ленин—этот человек безо всякой фразы, который, может быть, проникательнее всех измерил глубину крушения Интернационала,—тотчас понял, что решение поднять знамя восстания против всей реакции—это такое решение, которое подает сигнал к бессмертным подвигам. Среди увеличивавшегося авангарда русского пролетариата имя Либкнехта стало одним из наиболее любимых; точно так же во Франции, в Италии. Барбюсс*) в своем „В огне“ воздвиг ему памятник, как единственному немцу, который, как звезда среди темной ночи, светил последнему посту французского социализма... Когда в октябре 1915 г. рассеянные части борющихся остатков старого Интернационала собрались в Циммервальде, и Ледсбург от имени своих единомышленников (позднейших „независимых“) заявил в ответ на нападки слева, что вовсе не существует никакой фракции Либкнехта, то хладнокровный Троцкий ответил ему при оживленном одобрении французов и итальянцев: „Для нас существует только фракция Либкнехта!“..

Кто знал Либкнехта до войны и во время войны, тот видел вполне ясно, как неслыханная ответственность, тяготевшая над ним, превратила веселого человека, который любил жизнь и потому умел многим прощать многое, в железного, непреклонного бойца, какого требовало время. Кто знал его до войны и во время войны, тот отмечал, что его характер закалился, как металл.

Когда пришло известие о его аресте на Потсдамской площади**), многие друзья за границей спрашивали, зачем он, несмотря на свое выдающееся положение, принимал участие в демонстрациях. Многие видели в этом признак большого внутреннего возбуждения, которое вождь должен уметь побороть в себе. Но то, что могло бы его заставить выйти на улицу—было сознание долга. Доверие к слову социал-демократа, благодаря предательству социал-демократии, так глубоко упало, что тот, кто хотел создать новую революционную силу, не мог ограничиться службой в интеллектуальном генеральном штабе позади обстреливаемого фронта. „Легкомыслие“ Либкнехта было глубокой мудростью, и его мученичество в исправительном арестантском доме больше сделало для революции, чем могла сделать „осторожная“ деятельность целой партии. Одиночная камера солдата Карла Либкнехта стала центром, откуда била ключом моральная сила, которую правительству не могло остановить, несмотря на все искусство изолирования.

*) Анри Барбюсс—выдающийся французский писатель, примкнувший после войны к коммунистам.

**) 1 мая 1916 г. Либкнехт был арестован на Потсдамской площади в Берлине после произнесения антимилиитаристской речи к солдатам.

Развернулась русская революция, первая армия империализма взбунтовалась, первая армия социализма начала создаваться. Когда в Брест-Литовске мы вели с графом Мирбахом и генералом Гофманом переговоры, то мы говорили через их головы с арестантом каторжной тюрьмы и его единомышленниками. Немецкий пролетариат отвечал на наш призыв. Разразилась январская забастовка. Никто из нас не предполагал, чтобы это была победа, чтобы германский империализм уступил, и, несмотря на это, Троцкий отклонил всякий компромисс. Несмотря на величайшую опасность, было важно показать германскому пролетариату, что мы ему доверяем. Было важно показать мировому пролетариату, что германский империализм может нас сокрушить, но что добровольно мы не пойдем ни на какую сделку с ним. Впоследствии, когда мы все-таки были вынуждены заключить мир, взять на себя брест-литовский крест и уступили, тогда мы часто в беспокойстве задавали себе вопрос: поймут ли Либкнехт и его единомышленники наше положение и тактику? И Либкнехт впоследствии рассказывал мне, какие мучения испытывал он в арестантском доме при мысли, что все наши жертвы могут быть бесполезными, что германский рабочий класс, быть может, не встанет во-время, чтобы соединиться с нами. Он боялся, что мы зайдем слишком далеко с нашими уступками, и из каторжной тюрьмы приглашал своих друзей действовать, чтобы нам не пришлось испить до дна чашу страданий.

Стоявшее на краю банкротства правительство германского империализма выпустило его на свободу из страха перед надвигающейся революцией. Его первый визит был в русское посольство *). В следующую после его освобождения ночь Бухарин сообщил нам, что Карл совершенно единодушен с нами. Радость русских рабочих по случаю освобождения Либкнехта невозможно выразить словами. Если бы он тогда мог прибыть к нам, то никогда ни одного монарха не принимали так, как приняли бы Либкнехта русские рабочие.

Когда я в конце декабря приехал в Германию и по прошествии четырех лет мог опять пожать руку Либкнехту, он сказал спокойно, без малейшего разочарования: „Мы находимся только в начале дороги, путь предстоит еще далекий“. И мы были вполне согласны с Розой Люксембург и с ним, что только посредством неустанной агитации, пропаганды и действия можно сократить это расстояние до цели. Кому пришлось вместе с нами видеть, как оба они работали с раннего утра до позднего вечера, как они решили порвать последние связи, которые еще соединяли их с миром компромисса, когда

*) См. следующую статью тов. Бухарина „К. Либкнехт и рабочая молодежь“.

основывали коммунистическую германскую партию, кто наблюдал вместе с нами, как они предостерегали собственных единомышленников среди революционного угара, тот мог проникнуться глубоким доверием к германскому коммунистическому движению.

Либкнехту не пришлось дожить до нового времени. Первая волна пролетарской революции унесла его дальше, чем он хотел, увлекала его за собой. Во время бури он недостаточно зорко видел даль. Когда январское восстание было подавлено, и правительство социал-патриотов следило за ним, никто не отваживался даже только намекнуть ему о бегстве, хотя было ясно, что его арест грозил ему смертельной опасностью. Он хотел броситься навстречу погромной травле. В тот день, когда его настигла пуля убийцы, он возбудил мысль о созыве в течение ближайших дней открытых собраний. Но тут он попал в руки преторьянцев, которые в его лице и в лице Розы Люксембург хотели поразить германскую и интернациональную революцию. Он пал в борьбе, в ее первой фазе, полный уверенности и сознания победы. Он пал, как жил, взятый в плен на поле сражения. И мы, которые близко его знали с его достоинствами и слабостями, которые понимаем неизмеримую потерю, которую понесла революция, так как из ее рядов вырвали этого железного бойца—мы говорим у его могилы: „Для нас он будет идеалом верности социализму, идеалом самопожертвования и мужества, без которого революция не может победить!“ Либкнехт был проникнут не только глубоким убеждением в объективной необходимости коммунизма, но и еще более глубокой личной тоской по полной гармоничной жизни, которая возможна только на почве коммунизма, и эта тоска проистекала из беспредельной любви и доброты, из сочувствия всякому страдающему существу, из готовности оказать помощь, без которой социализм является только призраком. Публика знает Либкнехта только, как героического борца. Широкие круги пролетариата, которые обращались к нему, как к адвокату, которые находили у него человеческую помощь, любили его, как человека. Боевой пыл Либкнехта был соединением его любви ко всякому человеку с убеждением, что в переживаемое нами время нельзя помочь индивидуальному горю, не начиная борьбы не на живот, а на смерть за социализм. В этой борьбе, свирепствующей теперь, он и пал. И тысячи последуют за ним на мученическую смерть до тех пор, пока обнаженное, голодающее, покрытое ранами человечество не вспомнит с любовью о принявших за него мученичество. Его отец называл себя солдатом революции. На долю Карла Либкнехта выпала честь стяжать этот титул своей смертью в борьбе.

(Из статьи Карла Радека).

30. Макс Борсдорф.

Война! По улицам сплошной массой идут люди, терзаемые мучительным страхом. „На нас напали, мы должны защищаться“, — так передается из уст в уста, так шепчет сердце сердцу. Раздается национальный гимн — и лица застывают, каменеют. Только кой-где натаалкиваешься на группы, при взгляде на которые невольно чувствуешь: вот эти люди чужды всякого патриотического энтузиазма. Чужды, но полны тайной тревоги. Взоры их ищут то старое гордое красное знамя, которое до самого последнего времени указывало им путь. Их уши ждут призывного боевого клича партии, — той партии, которая была их мозгом. Но не видно красного знамени. Оно сорвано, оно поникло перед черно-бело-красным флагом*), который один развевался в эти августовские дни. И когда 4 августа был объявлен пароль, он гласил: „Мы защищаем наше отечество!“ Эта волна прокатилась и над головами социал-демократических рабочих масс, увлекла их с собой в потоке общего настроения. И только маленьким, бесконечно маленьким группам рабочих удалось устоять и остаться незахваченным ритмом патриотического воодушевления.

Среди них был Макс Борсдорф, 16-летний сын пролетария из Лейпцига. В его груди билось сердце, способное любовно охватить все человечество, в его мозгу жило то, что он впитал в себя еще в детстве: глубокая вера в социализм, который должен избавить человечество от ужасов войны. Но что он видел теперь? Партия отреклась от всех своих обещаний, от всего, во что он верил так слепо, так детски-горячо. Партия теперь старалась только о том, чтобы воодушевить „пушечное мясо“ на братоубийственную борьбу...

Макс Борсдорф не изменил своим взглядам, но сердце его было полно глубокой грусти. Погасло солнце, озарявшее своим светом его молодость пролетария, исчезли звезды, указывавшие ему путь к борьбе...

Макс Борсдорф от более взрослых товарищей пытался получить ответ на вопрос, что теперь делать. Но даже и те, которые остались верны заветам социализма, не знали, каким путем идти, пугливо отступали перед необходимостью действовать, решали ждать, пока пройдет опьянение. С тяжелым сердцем исполнял Макс свою обычную работу. Раньше этот труд освящался мыслью о борьбе за социализм, а теперь осталась одна только работа.

Холодно и мрачно было все вокруг молодого пролетария.

*) Черно-бело-красный флаг — флаг дореволюционной Германии.

Но настало 2 декабря 1914 года*). Нашелся человек, поднявший затоптанное в грязь знамя социализма, прорвавший ряды социал-демократических депутатов, которые забыли свой долг и опустили до положения правительственных чиновников; собственной грудью он прикрыл это знамя и собственной грудью защищал его от нападок капиталистов. Карл Либкнехт поднял знамя борьбы.

„Нарушение партийной дисциплины!“ — завопили те, которые сами попирали ногами основные принципы партии. „Излишняя поспешность! Своеволие!“ — шипели те, кто согласны защищать социализм только с разрешения его предателей. „Безумец! Плохой стратег!“ — шептали они.

Борсдорф был очень неопытен в вопросах тактики — и в системе колебаний: ведь он был еще так молод! Но одно он помнил твердо: что за дело социализма надо бороться, что на эту борьбу надо созывать народные массы, что поднять народ на эту борьбу нельзя путем парламентарствования с шейдемановцами. Борсдорф восторженно приветствовал Либкнехта. Он отправился на работу среди своих сверстников, чтобы собрать единомышленников вокруг человека, оплеванного буржуазией и социал-патриотами, человека, в критический момент покинутого слабыми половинчатыми людьми. Борсдорф и его товарищи начали создавать ряды борцов.

Для Борсдорфа наступила новая жизнь. Его молодой ум сумел устоять против всяких тормозов партийной организации, хотя и осуждавшей предательство, но тем не менее осторожно обходившей все, что могло повести к острой борьбе; эта организация неблагосклонным взором смотрела на деятельность молодежи. „Пришлось основательно спорить со стариками“, — пишет Борсдорф 21 января 1916 года одному товарищу в Швейцарию. — „Борьба с партией обостряется“, — пишет он 26 марта. В немногие свободные от работы минуты он должен был бороться с инертностью товарищей, должен был стараться встряхнуть молодежь, превратить ее в боевые группы. Да, теперь снова стоило жить! И в мастерской часы теперь шли не так бесконечно, — так многое приходилось обдумывать. А после работы время летело стрелой. Из комитета молодежи в секцию, оттуда на заседание партии... И, кроме того, надо было читать, вести переписку. Макс Борсдорф перерастал самого себя. Он становился одним из самых деятельных товарищей. Его высокое умственное развитие, его энергия, его любовь к делу завоевывали ему сердца молодых товарищей и уважение старших, начинавших, подобно ему, объединять сочувствующих вокруг Либкнехта.

*) В этот исторический день К. Либкнехт голосовал в германском парламенте против военных кредитов.

Вскоре деятельность Борсдорфа обратила на себя внимание полиции.—„Теперь у нас много дела с властями... В нашу среду закрался шпион, но мы надеемся в ближайшем будущем напасть на его след. Сам я в опасности. Через этого шпиона полиции стали известны многие из наших речей. Ну, не беда, я все перенесу. На что же я социалист? Пришли мне поскорей новый материал“... Так писал Борсдорф 2 января 1916 года.—„Теперь нам приходится вести чертовскую борьбу с полицейскими. Недавно было собрание женщин. В связи с этим собранием мы устроили манифестацию. После манифестации двое из моих товарищей были арестованы за недозволенное пение „Марсельезы“. Но все-таки мы победим. Мы удержимся на зло всем властям“... Так писал Борсдорф в марте 1916 года. Вскоре начались многочисленные обыски. Макс Борсдорф ни на минуту не прерывал своей деятельности, в то же время живя под угрозой призыва на военную службу.

Социал-демократия лишает молодежь права голоса при обсуждении политических вопросов в партии; говорят, что молодежь нужно сначала воспитать к участию в политике; но эту же 18-тилетнюю молодежь спокойно посылают на войну, чтобы заставить юношей защищать отечество капиталистов. Борсдорф прекрасно сознавал, что его агитационная деятельность и его столкновения с властями могут только ускорить его призыв на военную службу. Но он не знал колебаний. Ему только хотелось побывать в Швейцарии раньше, чем удав войны захватит его в свои объятия; поехать туда для того, чтобы поговорить со своими единомышленниками. „Если бы я немножко больше зарабатывал и не был только учеником, я бы непременно побывал у тебя до призыва“, — писал он одному товарищу в Швейцарию 25 января 1916 года. Но его мечте не суждено было сбыться. Вместе с несколькими другими товарищами он был арестован за распространение журнала „Интернационал Молодежи“ и немедленно отправлен в казарму. И вот он, революционный борец против войны, должен был учиться убивать своих братьев, рабочих соседних стран.

Мы не имеем сведений о том, какую борьбу пришлось вынести Макс Борсдорфу в казарме, не знаем, сколько он выстрадал при мысли о приближающейся военной службе. Мы только знаем, что и в казарме, под неустанным надзором властей, он продолжал свою работу, что он все время оставался в контакте со своими единомышленниками, не перестававшими волноваться за его судьбу.

В декабре 1916 года товарищи Макса Борсдорфа, вместе с ним задержанные за распространение „Интернационала Молодежи“, предстали перед судом, в то время, как Борсдорф был отправлен на войну. В траншеях западного фронта он стоял против своих французских товарищей-рабочих, и, может быть,

та пуля, которой Макс Борсдорф 1 января 1917 года был тяжело ранен в живот, была выпущена из ружья какого-нибудь молодого социалиста.

Двое суток боролся Макс Борсдорф со смертью в одном из лазаретов.

Была ли судьба настолько милостива, что затуманила его мозг, или же ему пришлось в полном сознании перенести ужасные страдания—об этом мы ничего не знаем. Но мы уверены, что если в его мозгу шевелилась хоть одна ясная мысль, то она была посвящена его горячо любимой матери и его не менее горячо любимому социализму.

3 января молодого борца не стало. Человек, который имел все данные для того, чтобы со временем сделаться вождем рабочих отрядов и повести их на борьбу с капитализмом, за освобождение народов—пал жертвой войны за капитализм! В два года из мальчика превратившийся в мужчину, едва достигнув 18 с половиной лет,—он пал жертвой Молоха войны прежде, чем его крупные дарования, его энергия и энтузиазм могли принести плоды, которых ждали от него все знавшие его. Но не напрасны были его труды и его жертвы. Он всегда и всему отдавался целиком, он намечал путь своим товарищам, он всей своей деятельностью доказал, что на развалинах сгнившего и ставшего прислужником капитала Интернационала распускается новая жизнь, что растет новый Интернационал, готовый отдать свою жизнь за победу социализма.

(Из статьи Карла Радека).

31. Амедео Катанези *).

Амедео Катанези, секретарь Социалистического Союза Молодежи Италии, принадлежал к числу исключительных личностей. Его смерть нам особенно тяжела потому, что именно он, всем существом ненавидевший войну и милитаризм, благодаря этой ненависти ставший мятежником и социалистом, именно он, до последней минуты боровшийся против войны, пал одной из первых ее жертв...

Амедео Катанези однажды уже жестоко поплатился за свою непримиримую вражду к милитаризму, за верность своим убеждениям. Во время итальянской завоевательной войны в Либии он был приговорен военным судом к годовой службе в штрафном батальоне. Этот год он провел в ужаснейших физических и нравственных муках в крепости С.-Лео, крепости, которую не даром сравнивают с известным русским застенком,—Шлиссельбургом.

*) Статья написана в 1915 г. Анж. Балабановой.

Все то, что пришлось перенести молодому солдату в крепости за свои социалистические взгляды, только усилило в нем дух возмущения, углубило и укрепило его социалистическое мировоззрение. Как только он был выпущен из крепости, в нем с удвоенной силой вспыхнула потребность целиком отдаться движению. Собственной шкурой, собственной горящей возмущением душой он испытал дикую власть милитаризма...

Амедео Катанези, ставший убежденным социал-демократом, понял, что есть только одно средство для того, чтобы вырвать пролетарскую молодежь из рук губящего душу и тело милитаризма и что этот путь—в широком просвещении масс, в их организации. Отдельные личности должны совершенно раствориться в этом великом освободительном движении. Этим сознанием Катанези был одухотворен до самой последней минуты.

Когда вспыхнула европейская война, в Италии, несмотря на официально объявленный нейтралитет, образовалось довольно сильное военное течение. Патриоты тыла были заинтересованы в том, чтобы раздуть пламя милитаризма: если бы дело действительно дошло до войны, то эта война нашла бы народ достаточно подготовленным, согласным смотреть на нее, как на войну освободительную. Различными демагогическими приемами в народе разжигали чувство национальной розни.

К сторонникам войны присоединилось и несколько „революционеров“. Эти „революционеры“ предали пролетариат и международный социализм. Они хотели вести войну не против давления капитализма во всем мире, а только за подавление Германии и Австрии. Все эти лица были исключены из партии; к числу их принадлежал и бывший (до Катанези) секретарь Социалистического Союза Молодежи Италии: он был немедленно смещен и исключен из членов организации. Между тем, военное подстрекательство принимало все большие и большие размеры. Всех, кто отказывался принимать в нем участие, преследовали, осыпали насмешками. Но тем не менее молодежь все более и более стекалась под знамя Интернационала.

В это тяжелое время секретарем организации был избран Катанези. Своим вдохновенным и отважным выступлением за Интернационал, он заслужил доверие своих молодых товарищей во всей Италии.

Когда он собрался в Берн для участия в международной конференции, о созыве которой он так горячо хлопотал, ему было отказано в паспорте. В то время, как он, всего за несколько недель до объявления войны, спешил на конгресс молодежи в Реджио, он был призван на военную службу.

Он немедленно отправился к своим молодым товарищам, чтобы сдать им порученные ему деньги. Капитал организации, это первое средство для борьбы за освобождение, необходимо

было сохранить целым и неприкосновенным... Вскоре он был убит на фронте...

32. Работа Ленина среди швейцарской молодежи во время войны.

С начала войны тов. Ленин живет в Швейцарии. В Цюрихе он жил в беднейшем квартале, в квартире сапожника, почти на чердаке. Он как бы гонялся за каждым пролетарием, чтобы поймать его и втолковать, что нынешняя война — это империалистическая бойня, что честь пролетариата требует борьбы против нее не на живот, а на смерть.

Швейцарская социал-демократическая партия сплошь была заражена оппортунизмом и оборончеством. Первую поддержку мы нашли среди молодежи.

Тов. Ленин затрачивал бездну сил и времени, чтобы сорганизовать каких-нибудь 10—20 человек рабочей молодежи.

Я жил тогда в другом швейцарском городе, но я живо помню, как горел тов. Ленин в этой для него по количественному размаху очень небольшой работе. Ленин писал нам ряд писем, тормозил нас всех, чтобы мы работали среди швейцарцев, и радовался, как ребенок, когда мог сообщить, что вот в Цюрихе ему удалось привлечь в организацию левых соц.дем. семь юных пролетариев и, быть может, еще удастся привлечь восьмого.

Уезжая в Россию после февральской революции, тов. Ленин напечатал в „Интернационале Молодежи“ свое прощальное письмо к швейцарским рабочим. Он писал в нем: „Я никогда не забуду героической борьбы группы молодежи, группировавшейся вокруг журнала „Свободная Молодежь“, против всех тех недугов, которые делают швейцарскую социал-демократическую партию такой же слабой и неспособной к борьбе, как и все остальные социалистические партии на Западе“.

(Из статьи Г. Зиновьева)

33. Воззвание революционной группы молодежи в Австрии.

Чего мы хотим?

Мы хотим:

I.

Социалистического воспитания молодежи!

II.

Участия рабочей молодежи в борьбе рабочего класса!

III.

Воспитания молодых рабочих в качестве борцов за социальную революцию!

IV.

Развития энергичной антимилитаристской пропаганды в целях предотвращения будущих войн!

V.

Деятельности рабочей молодежи в революционно-социалистическом духе на пользу скорейшего окончания войны!
Да здравствует социальная революция!

34. Рабочая молодежь и забастовочное движение.

(Постановление о прекращении дела об участии в забастовке в январе 1918 г.).

Государственный уголовный суд в Вене; Vg. LXIII 1072—18.

Постановление:

Государственный уголовный суд после судебного следствия по делу Арнольда Барралья*) и его сообщников, Франца Коричонера и его сообщников, а также Отто Пфеффера и его сообщников, обвиняемых в государственной измене по Vg. 1072—18, 1747 и 7278—18, вынес следующее постановление:

Арнольд Барраль, Фридрих Гексман, Рудоль Бер, Михаил Кон, он-же Эбер, Лео Пятигорский, Рубин Меллер, Иосиф Александр Вейнтрауб, Генрих Везели, Авраам Шпиндлер, Вильгельм Вейганд, Франц Коричонер, Леопольд Кульксар, Отто Пфеффер, Макс Лазарович и Карл Петрашек не имеют никаких прав предъявлять к государству иска за имущественные убытки, понесенные ими за время тюремного заключения, согласно постановления закона от 18 августа 1918 года.

Основания:

Необходимо прежде всего отметить, что обсуждение образа действий всех обвиняемых, которые содержались в заклю-

*) Набранные разрядкой имена принадлежат членам революционных групп молодежи.

чении по подозрению в государственной измене согласно § 58 уголовных законов, должно исходить из точки зрения государственных отношений, существовавших ко времени возбуждения предварительного следствия. Арнольд Барраль, Фридрих Гексман, Рудольф Бер, Михаил Кон, он-же Эбер, Лео Пятигорский прежде всего были привлечены к следствию и подвергнуты аресту, так как они находились под подозрением в связи с большой политической забастовкой в январе 1918 года, во время которой они своими речами и другими подстрекательствами на забастовочных собраниях призывали к насильственному изменению образа правления и к классовой борьбе, указывая ясно на пример русской революции.

Арест Франца Коричонера и Леопольда Кульксара, как и возбуждение предварительного следствия против них, последовали по аналогичным основаниям, так как они подозревались в том, что на собраниях, которые происходили после окончания забастовки, они действовали совершенно так же, как и вышеупомянутые. Коричонер подозревался, далее, в распространении в Австрии запрещенной программы, призывавшей к классовой борьбе.

Рубин Меллер был привлечен к следствию и подвергнут аресту, так как против него существовало подозрение в том, что он в типографии Гольдгаузена напечатал брошюру, которая также, ясно призывая к подражанию русскому примеру, возбуждала к революции и к классовой борьбе. („Рабочие! Работницы! Народ поднимается!“ (стр. № 69). Впоследствии было доказано, что этот летучий листок был напечатан привлеченным к военному суду Лео Ротцигелем, в типографии Макса Пёке набором, который по данным следствия был доставлен Рубином Меллером. Подозреваемый в содействии Лео Ротцигелю Генрих Везели был арестован и привлечен к следствию.

Подозреваемый в распространении другого летучего листка, возбуждающего к классовой борьбе и составленного в коммунистически-большевистском духе („Предан и продан“, № 445), Авраам Шпиндлер был привлечен к следствию и арестован, а вместе с ним Вильгельм Вейганд — по подозрению в наборе этого листка. Против Иосифа Александра Вейнтрауба возникло подозрение в принадлежности к „революционной федерации“ и в составлении и распространении среди рабочих и солдат воззваний анархистски-коммунистического характера.

По поводу новой забастовки в июне 1918 г. был арестован в Венском Нейштадте Карл Петрашек, привезший, в качестве курьера, письмо для нейштадских рабочих, содержащее в виде лозунга программу, призывающую к классовой борьбе, именно к экспроприации имущества у капиталистов; письмо это должно было служить основанием для дальнейших решений

бастовавших рабочих. Обнаружилось, что это письмо он получил от Отто Пфеффера, дальше выяснилось, что Отто Пфеффер был в близких отношениях с Лазаровичем, а у Лазаровича найден был снова набросок программы, в которой разрабатывался вопрос об изменениях формы правления экономического строя в коммунистически-большевистском духе. Эти трое были также арестованы и привлечены к следствию по обвинению в государственной измене.

Предварительное следствие не ослабило подозрений против отдельных обвиняемых. Что касается прежде всего Фридриха Гексмана, то он откровенно сознался в произнесении приписываемой ему преступной речи.

Что касается остальных обвиняемых, то предварительное следствие выяснило их принадлежность к сравнительно крупной революционной организации, стремившейся к насильственной перемене формы правления и к возбуждению классовой борьбы. То обстоятельство, что некоторые обвиняемые весьма возможно и не были знакомы между собой,—не меняет сути дела, так как, естественно, в больших политических организациях не все принадлежащие к ним знают лично друг друга.

В пользу существования революционной организации говорит то, что, помимо подтверждающей это тайной переписки обвиняемых во время предварительного заключения, в воззваниях от 6-го января 1918 года, которые, следовательно, относятся ко времени до-январской забастовки 1918 года и были найдены у Александра Вейнтрауба, уже шла речь об австрийской революционной федерации“.

Переписка между Барралем и Вейнтраубом вызвала не опровергнутое впоследствии подозрение, что Барраль и Вейнтрауб, прежде всего, принадлежали к этой революционной федерации. Одно письмо Вейнтрауба к Барралю, относящееся ко дням январской забастовки (лист № 661), вызывает также не опровергнутое подозрение в том, что Барраль во время январской забастовки работал от имени этой федерации. Товарищ, который оказывал ему в этом деле большую помощь и о котором идет речь в этом письме, был очевидно, по всем данным, Михаил Кон-Эбер. Во всяком случае, прямо сказать, что подозрение, падавшее на Кона, также не было опровергнуто.

Уже на собрании 6-го января 1918 г. присутствовали Барраль, Кон, Пфеффер и Коричонер. Это вызывает не опровергнутое подозрение об их принадлежности к одной организации уже до-январской забастовки. Более близкие отношения существовали у Лазаровича с Пфеффером, у Кульсара с Коричонером. Пфеффер, повидимому, принимал участие в поездках Коричонера и Кульсара в Терниц, где они вели энергичную пропаганду. Пятигорский находился в письменных сношениях с Пфеффером. У Пятигорского нашли нечто вроде каталога,

который содержал также адреса Пфеффера и одного доверенного лица в Тернице. В Тернице ожидался приезд одного русского, который должен был явиться в сопровождении Коричонера и Кульксара. Все вышесказанное вызывает подозрения, что этим русским был именно Пятигорский.

Отношения Меллера к революционной организации доказываются доставлением набора для революционного летучего листка. Помимо того, что на него падает сильное подозрение в доставлении этого набора, он подозревается также и в участии в революционной организации.

Подобным же образом возникает подозрение в принадлежности к организации Вейганда и Везели, в виду сношений последнего с Ротцигелем. Наконец, подобное же не опровергнутое подозрение падает на Петрашека, который выполнял роль революционного курьера Пфеффера.

Шпиндлер также подозревается в принадлежности к революционной организации; его вину доказывают письма и хранившиеся у него в большом количестве революционные летучие листки. Эти подозрения также не были устранены.

Кроме того, Коричонер, Кульксар, Везели, Вейганд, Пфеффер и Лазарович энергично работали в интересах социалистической революции среди рабочей молодежи, чтобы повлиять на нее в коммунистически-синдикалистском духе. Это вызывает подозрение, что они стремились подготовить среди особо отзывчивой молодежи рабочего класса почву для большевистско-революционной жатвы. Хотя уголовное следствие по делу Генриха Везели и Авраама Шпиндлера было прекращено согласно § 169 Р. С. (решение от 19 октября 1918 г.) и хотя уголовное следствие по делу остальных обвиняемых было прекращено амнистией 28-го октября 1918 г., однако, согласно Рейхсгезетцблатт, № 3188, за обвиняемыми не признается никакого права на возмещение убытков, ибо уже образование революционной организации, преследующей вышеуказанные цели, или принадлежность к таковой, должны рассматриваться, как соответствующее фактам преступление в государственной измене, согласно § 58-а уголовных законов.

Вена, 31-го января 1919 г.

35. Из статьи Ленина „О лозунге разоружения“.

В целом ряде стран, преимущественно маленьких и стоящих в стороне от теперешней войны, напр., в Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, раздаются голоса в пользу замены старого пункта с.-д. программы-минимум: „милиция“ или „вооружение народа“ новым: „разоружение“. В органе международной орга-

низации молодежи „Jugend-Internationale“ („Интернационал Молодежи“) помещена в № 3 редакционная статья за разоружение.

Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы владеть оружием. иметь оружие, заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обрабатывались, как с рабом. Не можем же мы, не превращаясь в буржуазных пацифистов или оппортунистов, забыть, что мы живем в классовом обществе и что из него нет и быть не может иного выхода, кроме классовой борьбы и свержения власти господствующего класса.

Нашим лозунгом должно быть вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию

Сегодня империалистическая буржуазия милитаризует не только вес народ, но и молодежь. Завтра она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по этому поводу: тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма! Чем могут с.-д. давать себя запугать милитаризацией молодежи и т. п., если они не забывают примера Коммуны?

Один буржуазный наблюдатель Коммуны писал в мае 1871 года в одной английской газете:

„Если бы французская нация состояла только из женщин, какая это была бы ужасная нация!“ Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии.

Теперь милитаризация проникает собою всю общественную жизнь. Империализм есть ожесточенная война великих держав за раздел и передел мира,—он неизбежно должен поэтому вести к дальнейшей милитаризации во всех странах, и в нейтральных и в маленьких. Что же будут делать против этого пролетарские женщины? Только проклинать всякую войну и все военное, только требовать разоружения? Никогда женщины угнетенного класса, который действительно революционен, не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям:

„Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев—не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма,—а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам, не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружением ее“.

36. Из статьи Ленина „Интернационал Молодежи“.

Под этим заглавием выходит в Швейцарии с 1-го сентября 1915 года на немецком языке „боевой пропагандистский орган международного союза социалистических организаций молодежи“. Всего вышло уже 6 номеров этого издания, которые необходимо вообще отметить и затем усиленно рекомендовать вниманию всех членов нашей партии, имеющих возможность соприкасаться с заграничными с.-д. партиями и с организациями молодежи.

Большинство официальных с.-д. партий Европы стоит теперь на позиции самого низменного и подлого социал-шовинизма и оппортунизма. Таковы партии: немецкая, французская и „рабочая“ в Англии, шведская, голландская (партия Трульстры), датская, австрийская и пр. В швейцарской партии, несмотря на выделение (к великому благу рабочего движения) крайних оппортунистов в непартийный „Грютли-союз“, внутри самой с.-д. партии остались многочисленные оппортунистические, социал-шовинистские и каутскианского толка вожди, имеющие громадное влияние на дела партии.

При таком положении дел в Европе союзу социалистических организаций молодежи выпадает громадная, благодарная—но зато и трудная—задача борьбы за революционный интернационализм, за истинный социализм против царящего оппортунизма, перешедшего на сторону империалистской буржуазии. В „Интернационале Молодежи“ помещен ряд хороших статей в защиту революционного интернационализма, и все издание проникнуто превосходным духом горячей ненависти к изменникам социализма, „защищающим отечество“ в настоящей войне, самым искренним стремлением к очищению международного рабочего движения от раз'едающих его шовинизма и оппортунизма.

Разумеется, теоретической ясности и твердости в органе молодежи еще нет, а, может быть, и никогда не будет, именно потому, что это орган кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. Но к недостатку теоретической ясности таких людей надо относиться совсем иначе, чем мы относимся—и должны относиться—к теоретической каше в головах и к отсутствию революционной последовательности в сердцах наших „окистов“, „соц.-революционеров“, толстовцев, анархистов, всеевропейских каутскианцев („центра“) и т. п. Одно дело—сбивающие пролетариат с толку взрослые люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других: с ними необходима бес-

пошадная борьба. Другое дело—организации молодежи, которые открыто заявляют, что они еще учатся, что их основное дело—готовить работников соц. партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и путем преимущественно убеждения, а не борьбы. Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых не умеют подойти как следует к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы. Поэтому, между прочим, за организационную самостоятельность союза молодежи мы должны стоять безусловно и не только вследствие того, что этой самостоятельности боятся оппортунисты, а и по существу дела. Ибо без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед.

За полную самостоятельность союзов молодежи, но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок. Льстить молодежи мы не должны.

К числу ошибок названного нами превосходного органа принадлежат, в первую голову, следующие три:

1) По вопросу о разоружении (или „обезоружении“) занята неверная позиция, которую мы критикуем выше, в особой статье. Есть основания думать, что ошибка вызвана исключительно хорошим стремлением подчеркнуть необходимость стремиться к „полному уничтожению милитаризма“ (что вполне верно) при забвении роли гражданских войн в социалистической революции.

2) По вопросу о различии социалистов и анархистов в их отношении к государству в статье тов. Nota-Bene (№ 6) сделана очень крупная ошибка (как и по нескольким другим вопросам, напр., о мотивировке нашей борьбы против лозунга „защиты отечества“). Автор хочет дать „ясное представление о государстве вообще“ (наряду с представлением об империалистическом разбойничьем государстве). Он цитирует несколько заявлений Маркса и Энгельса. Он приходит, между прочим, к следующим двум выводам:

а) „...Совершенно ошибочно искать различия между социалистами и анархистами в том, что первые сторонники, вторые—противники государства. Различие в самом деле заключается в том, что революционная с.-д.-тия хочет организовать новое общественное производство, как централизованное, т.е. технически наиболее прогрессивное, тогда как децентрализованное анархическое производство означало бы лишь шаг назад, к старой технике, к старой форме предприятий“. Это неверно. Автор ставит вопрос о том, в чем отличие отношения

социалистов и анархистов к государству, а отвечает не на этот, а на другой вопрос, в чем различие их отношения к экономической основе будущего общества? Это очень важный и необходимый вопрос, конечно. Но отсюда не вытекает, чтобы можно было забывать главное в различии отношений социалистов и анархистов к государству. Социалисты стоят за использование современного государства и его учреждений в борьбе за освобождение рабочего класса, а равно за необходимость использовать государство для своеобразной переходной формы от капитализма к социализму. Такой переходной формой, тоже государством, является диктатура пролетариата.

Анархисты хотят „отменить“ государство, „взорвать“ („sprengen“) его, как выражается в одном месте т. Nota Bene, ошибочно приписывая этот взгляд социалистам. Социалисты— автор цитировал, к сожалению, слишком неполно относящиеся сюда слова Энгельса—признают отрицание, „постепенное засыпание“ государства после экспроприации буржуазии.

б) „Для с.-д.-тии, которая является или, по крайней мере, должна быть воспитательницей масс, теперь, более чем когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству... Теперешняя война показала, как глубоко корни государственности проникли в душу рабочих“.— Так пишет т. Nota Bene. Чтобы „подчеркивать“ „принципиальную враждебность“ к государству, надо действительно „ясно“ понять ее, а у автора как раз ясности нет. Фраза же о „корнях государственности“ совсем уже путанная, не марксистская и не социалистическая. Не „государственность“ столкнулась с отрицанием государственности, а оппортунистическая политика (т.-е. оппортунистическое, реформистское, буржуазное отношение к государству) столкнулось с революционной с.-д. политикой (т.-е. с революционным с.-д.-ским отношением к государству буржуазному и к использованию государства против буржуазии для ее свержения). Это вещи совсем, совсем различные. К этому крайне важному вопросу мы надеемся вернуться в особой статье.

3) В „принципиальном заявлении международного союза социалистических организаций молодежи“, напечатанном в № 6, как „проект секретариата“, немало отдельных неточностей и совсем нет главного: ясного сопоставления тех трех коренных направлений (социал-шовинизм, „центр“, левые), которые борются теперь в социализме всего мира.

Еще раз: эти ошибки надо опровергать и разъяснять, из всех сил ища соприкосновения и сближения с организациями молодежи, всячески помогая им, но подходить к ним надо умеючи.

(Сборник „Социал-Демократ“, № 2, декабрь 1916 года, стр. 76).

37. Резолюция Бернской конференции о войне и задачах юношеских организаций.

„Международная социалистическая конференция молодежи, состоявшаяся 5 и 6 апреля 1915 года в присутствии делегатов 10 стран, подтверждает постановления международных социалистических конференций молодежи в Штуттгарте, Копенгагене и Базеле, призывающих рабочую молодежь всех стран к борьбе против братоубийственной войны и милитаризма.

Конференция с глубоким сожалением констатирует, что как социалистические организации взрослых, так и социалистические организации молодежи в большинстве стран при возникновении войны не действовали согласно упомянутым постановлениям.

Настоящая война есть результат империалистской политики правящих классов всех стран. Даже там, где война эта правящими классами и их правительствами признавалась войной оборонительной, она была лишь последствием враждебной наряду и неразрывно связанной с капитализмом политики. Война находится в непримиримом противоречии с интересами рабочего класса, жизненную силу которого она подвергает опасности и уничтожает. Она парализует его организации и препятствует его действиям против международной эксплуатации.

Политика классового примирения и гражданского мира есть самоубийственная политика для социал-демократии, как партии пролетарской классовой борьбы; она обрекает на гибель насущные интересы и идеалы пролетариата.

Исходя из этих соображений, международная социалистическая конференция молодежи призывает к немедленному окончанию войны. Она приветствует попытки отдельных партийных групп в воюющих странах в этом направлении, в особенности, постановления международной пролетарской конференции о необходимости заставить правящие классы посредством классовой борьбы со стороны рабочих заключить мир. Она считает обязанностью товарищей в воюющих странах энергично поддерживать все более разрастающееся движение в пользу мира. От организаций молодежи нейтральных стран конференция ждет деятельной поддержки всех выступлений в пользу мира.

Конференция заявляет горячий протест против попыток поставить социалистические организации молодежи на службу буржуазному милитаризму и тем отвлечь рабочую молодежь от настоящей ее задачи: социалистического воспитания и борьбы против капиталистической эксплуатации и милитаризма.

В виду ужасных последствий настоящей войны, беспощадно пользующейся едва вышедшей из школы молодежью в качестве пушечного мяса, конференция подтверждает необхо-

димось беспрестанно раз'яснять молодым рабочим и работникам всех стран причины и сущность войны и милитаризма, как явлений, неизбежно сопровождающих капиталистический строй, воспитывать их в духе международной классовой борьбы и энергично собирать их под знаменем революционного социализма.

Международная конференция социалистических организаций молодежи предлагает организациям молодежи всех стран работать в рабочем движении для достижения того, чтобы требование полного разоружения было включено в социалистическую программу в качестве отдельного пункта“.

38. Деятельность Международного Секретариата Интермола во время войны.

Доклад т. Мюнценберга на Берлинском конгрессе в 1910 году.

Первой задачей Международного Секретариата было оповестить все юношеские организации о решениях Бернской конференции, призвать их к солидарности с этими решениями и установить с ними связь. Это была трудная задача. Воюющие государства применяли самую свирепую цензуру; они не пропустили бы ни одного письма, ни одной газеты, в которых заключались бы попытки пробудить международную пролетарскую солидарность. Пришлось прибегнуть к нелегальным средствам. Уже осенью 1915 г. была установлена связь со следующими организациями: Дания, Норвегия, Швеция, Голландия (союз „Сеятель“), Швейцария, Румыния, Болгария, Греция, Италия, Австрия, оппозиционные группы в Германии, Соед. Штатах, Канаде и Испании. Все эти организации присоединились к решениям Бернской конференции. Несколько позднее мы связались с оппозиционными группами во Франции, меньшинством бельгийской „Молодой гвардии“, венгерским союзом и русско-финским союзом. Осенью 1917 года в рядах Интернационала насчитывалось уже 220.000 членов... В области политической деятельности Секретариат продолжал тактику, намеченную в Берне. В основе лежала, конечно, борьба против войны. Интернационал Молодежи одним из первых примкнул к созданному летом 1915 г. Циммервальдскому объединению... Журнал „Интернационал Молодежи“, первый номер которого вышел осенью 1915 года, вскоре стал не только органом молодежи, но и органом левого крыла „циммервальдцев“. Именно благодаря сотрудничеству в „Инт. Молодежи“ таких вождей левых „циммервальдцев“, как Ленин, Радек, Зиновьев, Хеглунд, Олауссен, Роланд-Хольст и др., этот журнал стал лучшим социалистическим документом военного времени... Наилучшим

выявлением революционной деятельности Интернационала были проведены им во время войны международные кампании. Первой из этих кампаний был международный юношеский день, состоявшийся 3 октября 1915 года. Эта кампания была проведена по инициативе Международного Секретариата, выпустившего особое воззвание, направленное против войны и социал-патриотических предателей. На призыв Международного Бюро к устроению антимилитаристических демонстраций откликнулись Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, многие города в Германии, Голландии, Америке, Румынии, а также молодые синдикалисты в Португалии. В общем демонстрировало около 120.000 человек... Второй международной кампанией были демонстрации с протестом против осуждения т. т. Либкнехта, Хеглунда и др. за революционную пропаганду в мае 1916 года. Вновь произошли большие демонстрации в Скандинавских странах, Италии, Испании, Швейцарии и т. д. Особенно внушительен был второй международный юношеский день 3 сентября 1916 года; правительства почти повсюду применяли вооруженную силу для разгона демонстрантов. В Италии, где наши товарищи напечатали и распространили манифест Международного Секретариата, дело дошло до многочисленных арестов и роспуска юношеских организаций. Четвертой кампанией был III М. Ю. Д. 2 сентября 1917 года...

Моя деятельность в юношеском Интернационале была пресечена моим арестом в Цюрихе в ноябре 1917 года. Руководство Международным Секретариатом после этого перешло, главным образом, к товарищу Тростелю.

Полано (Италия):—Моя критика имеет вполне благожелательный характер,—по крайней мере, в отношении того периода, когда работой руководил тов. Мюнценберг. Вопреки чудовищным трудностям, было сделано все, что только было возможным...

Баматтер (Швейцария):—Мы также вполне одобряем деятельность Мюнценберга, но мы настроены очень неприязненно по отношению к его преемнику.

Шацкий (Россия):—Опыт учит нас, что скверно, когда вся работа концентрируется в руках всего одного лица. Наши центральные организации должны учиться работать коллективно, как этому научились мы в России.

(„Отчет первого конгресса КИМ“).

В ПОЛОСЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТЯСЕНИЙ

Юношеские пролетарские организации после войны.
Берлинский конгресс 1919 г.

Документы и материалы.

39. Карл Либкнехт о роли пролетарской молодежи в германской революции.
40. Покушение т. Лекая на графа Тиссу.
41. Рабочая молодежь в Советской Венгрии.
42. Белый террор в Венгрии в 1919 году.
43. Юношеский день в Берлине в 1919 г.
44. Забастовка учеников в Берлине в 1919 г.
45. Из воспоминаний тов. Шацкина о Берлинском конгрессе.

Юношеские пролетарские организации после войны.

Капиталистический строй в его империалистической стадии породил мировую войну; мировая война ускорила развитие революции, угрожающей самым основам капитализма. Русская революция 1917 года, революция в Болгарии, Австро-Венгрии и Германии в 1918 г., советская диктатура в Баварии и в Венгрии в начале 1919 года—таковы первые страницы в великой истории „эпохи пролетарской революции“.

Повсюду, во всех революционных боях и восстаниях рабочая молодежь боролась в первых рядах. Она была первой, построившей баррикады революции. Она была первой, ставшей под знамена коммунистических вождей. Роль рабочей молодежи в Октябрьской революции в России достаточно известна. Огромна была роль молодежи и в событиях, развернувшихся в конце 1918 г. и в 1919 г. в Болгарии-Австрии, Венгрии и Германии. Один из величайших вождей пролетариата—Карл Кибкнехт—в одной из своих статей, написанных в 1918 г., дал исключительную по своей яркости и значительности оценку роли рабочей молодежи в германских революционных событиях (Док. и мат. № 39). В Венгрии рабочая молодежь также была в передовой цепи революционных бойцов. Еще 15 октября 1918 года—за несколько недель до падения австро-венгерской монархии—Иоганн Лекай, один из вождей революционной молодежи Венгрии, совершает террористический акт против графа Тиссы, правителя Венгрии; выстрел героического Лекай явился сигналом к революции венгерского пролетариата (Док. и мат. № 40). Венгерская революция на короткое время—всего на 4 месяца—приводит к установлению советской власти, и венгерская рабочая молодежь принимает живейшее участие в советском строительстве, в организации венгерской Красной армии, в борьбе с внешней и внутренней контр-революцией (Док. и мат. № 41). Советская диктатура в Венгрии падает под натиском предателей-меньшевиков, венгерских капиталистов и помещиков, контр-революционных румынских войск

**Рабочая молодежь
в германской и
венгерской революциях.**

(август 1919 г.),—и рабочая молодежь первая принимает на себя удары реакционеров; лучшие бойцы молодежи гибнут на виселицах и в мрачных тюремных казематах. Так погибли Отто Корвин и Александр Крамер, так погибли братья Мартин и Тибориус Фадас и еще десятки юных пролетариев (Док. и мат. № 42).

**Рабочая молодежь
побежденных
стран в 1919 г.**

Когда была разгромлена советская власть в Венгрии и Баварии, когда были потоплены в крови восстания берлинских и рурских рабочих в Германии, когда контр-революция — при поддержке социал-демократических предателей — начала свое победоносное шествие,—передовая рабочая молодежь, несмотря на жесточайшие преследования, не приостановила своей освободительной борьбы. В Венгрии она замкнулась в рамках подпольных организаций; в Германии она в полулегальных условиях развернула усиленную политическую деятельность, предпринимая от случая к случаю попытки овладеть также и стихийным экономическим движением широких масс молодежи (Док. и мат. №№ 43 и 44).

**Рабочая молодежь
„победивших“ и
„нейтральных“
стран.**

Как же обстояло дело в странах-победительницах и в странах, сохранивших во время мировой войны 1914—1918 г.г. так называемый „нейтралитет“? „Победа“ Антанты в мировой войне не принесла с собою того „золотого века“, который сулили рабочим массам во время войны империалистские правительства и их соц.-демократические прислужники. Жесточайший, беспрецедентный экономический кризис охватил весь капиталистический мир. Положение рабочего класса (и его молодняка) повсюду значительно ухудшилось по сравнению с довоенным временем. Рост дороговизны и налогов, падение зарплаты и увеличение рабочего дня создали для пролетариата совершенно невыносимые условия существования. На почве растущей эксплуатации рабочего класса началось быстрое выветривание соглашательских, соц.-демократических иллюзий „классового мира“. В авангарде борющегося пролетариата оказалась, конечно, его молодежь. Почему? В силу целого ряда причин; главным образом, в силу того, что период „партийной (реформистской) опеки“ вскрыл перед молодежью мелкобуржуазную сущность реформизма, научил ее презирать вождей-соглашателей и возлагать все свои надежды на революционную борьбу под знаменами последовательных революционеров-марксистов. Когда весной 1919 г. в Европе стало известно об основании Коммунистического Интернационала (с центром в Москве), то социалистич. организации рабочей молодежи в Швеции, Норвегии, Италии, Швейцарии были в числе первых пролетар-

ских организаций, высказавшихся за программу Коминтерна. Союзы рабочей молодежи дали самых активных и усердных пропагандистов Коминтерна в Зап. Европе. Они вели коммунистическую агитацию не только среди рабочей молодежи, но и среди взрослых рабочих и даже среди рядовых членов социал-демократических партий, призывая последних к расколу и к образованию коммунистических партий. Можно сказать, что юнош. пролет. организации в этот период как бы замещали еще не сложившиеся компартии на арене политической борьбы (см. следующ. главу, Док. и мат. № 46).

Берлинский конгресс 1919 г.

В обрисованной выше обстановке революционные организации раб. молодежи отчетливо почувствовали необходимость в создании нового революционного юношеского Интернационала, который оформил бы их политическую линию в подлинно-коммунистическом духе. Международный конгресс созывался одновременно Международным Бюро, избранным в 1915 г. на Бернской конференции, и ЦК РКСМ. Междунар. Бюро наметило для созыва конгресса швейцарский город Базель; ЦК РКСМ — Москву. По соглашению МБ и ЦК РКСМ окончательно была намечена для работ конгресса венгерская столица Будапешт. Но критическое положение Венгерской Советской Республики принудило избрать местом конгресса Вену, где он и должен был состояться 25 августа 1919 г. Разные обстоятельства помешали и этому плану. К назначенному сроку в Вену явились лишь представители России, Польши, Австрии, Италии, Германии и Венгрии. На совещании этих делегатов был избран пятичленный Временный Комитет, которому поручено было подготовить и созвать конгресс в ближайшее время в Германии. Этому комитету, состоявшему из представителей разных стран, удалось после невероятных трудностей собрать представителей от 14 юношеских организаций разных стран в Берлине, где и состоялся с 20 по 26 ноября конгресс Интернационала Молодежи.

**„Муки родов“
берлинского
конгресса.**

Берлинский конгресс Интернационала Молодежи является самым значительным из всех предшествовавших ему международных юношеских конгрессов по количеству представленных на нем организованных юных пролетариев. В нем не принимали участие видные вожди социализма. Делегатами были незнакомые широким международным кругам молодые рабочие. Но за ним, в отличие от Штуттгартского конгресса, стояли организации пролетарского юношества, прошедшие жестокую школу революционной борьбы. Уже поэтому постановления

Берлинского конгресса оказали громадное влияние на все мировое юношеское движение.

Решения конгресса. Обсуждение программы, проект которой был выработан ЦК РКСМ, составило центральный пункт в порядке дня конгресса и вызвало наиболее оживленные прения. Программа особенно подчеркивала необходимость безусловной поддержки коммунистических партий, равно как и необходимость политически-революционного воспитания широких масс пролетарской молодежи.

Принятый конгрессом организационный устав выставил требование строгой централизации: международному объединению юношеских пролетарских организаций присваивалось название „Коммунистический Интернационал Молодежи“.

Решение одного из важнейших вопросов юношеского движения, вопроса о „милитаризме и борьбе с ним“, показало, насколько выросло юношеское движение со времени Бернской конференции 1915 г., которая выдвинула лозунг „всеобщего разоружения“, пользовавшийся особенным почетом у Каутского, Вильсона и, увы!... скандинавских юношеских организаций. Этот лозунг либерального пацифизма был окончательно отмечен Берлинским конгрессом. Опыт Версальского мира и русской, венгерской и немецкой революций ясно доказал, что буржуазии нужно оружие и для дальнейших империалистических войн и для подавления восстающего пролетариата, и что поэтому утопично ожидать уничтожения вооружения без уничтожения буржуазного государства. Поэтому задачей пролетариата является подготовка вооруженного восстания, т.-е. строительство красных гвардий и красных армий. Так называемый „принципиальный милитаризм“ не встретил в Берлине ни одного защитника.

Берлинский конгресс завершил свою работу выборами Исполнительного Комитета КИМ; в него вошли Вилли Мюнценберг и Баматтер от Швейцарии, Л. Шацкин от России, Полано от Италии и Самуэльсон от Швеции.

Берлинским конгрессом открывается новая страница в истории международного юношеского движения. Отныне это движение получает отчетливые коммунистические лозунги. (Мат. и док. № 45).

Документы и материалы.

39. Карл Либкнехт о роли пролетарской молодежи в германской революции.

(Отрывки из статьи „Роль пролетарской молодежи в революции“, помещенной в № 1 журнала „Юная Гвардия“ в 1918 г.).

Революционная пролетарская молодежь доныне была самым горячим, самым чистым пламенем германской революции; она будет самым жарким, самым святым пламенем новой революции, которая должна наступить и наступит—социальной революции немецкого и мирового пролетариата.

Движение пролетарской молодежи не является искусственным продуктом прежних партийных деятелей, а творчеством революционного духа рабочей молодежи, притесненной и эксплуатируемой со всех сторон. Его зарождение, его развитие происходило в грозе и буре.

Когда II Интернационал покорно провалился, когда официальная организация превратилась из пропагандистов международной солидарности в разжигателей национальной ненависти, из стражи мирового мира в подстрекателей непрерывных раздоров, из ударного батальона классовой борьбы в армию спасения классового мира,—тогда именно пролетарская молодежь наряду с женщинами явилась спасителем чести социализма. Она в первый же день войны подняла знамя международной классовой борьбы и развернула его мужественно перед лицом всего мира. Она неустанно и неустрашимо заявляла, что для мирового пролетариата существует лишь один путь спасения от ужасов мировой войны: социальная революция, которая одна только способна искоренить и мировую войну, и ее источники—капитализм и империализм.

Везде, где проявлялся революционный дух борьбы немецкого пролетариата на словах и на деле, в демонстрациях и забастовках, в пропаганде и выступлениях, везде молодые рабочие стояли во главе, стараясь опередить взрослых, которым они оказывали самоотверженную помощь и которых они поддерживали в решительных действиях пылким энтузиазмом. Их ряды редели. Их передовые борцы посылались в окопы, в предварительное заключение, в исправительные дома; классовая юстиция бушевала среди них более немилосердно, чем среди взрослых. Свободная молодежь, однако, осталась неустрашимой и мужественно смотрела в глаза врагу.

40. Покушение т. Лекая на графа Тиссу.

(Из воспоминаний т. Лекая).

Наш комитет решил, что Отто Корвин, я и еще один товарищ должны совершить 15 октября покушение на графа Тиссу, который был главой венгерской правящей военщины.

Это не было анархистским действием, мы все были сорганизованы в тогдашней социал-демократической партии, я был секретарем группы молодежи. Мы не думали, что убийство Тиссы явится актом мести, но мы были уверены, что оно разрушит в широких слоях населения скептицизм, страх и нежелание жертвовать собой.

Граф Тисса считался сторонником и виновником войны, причиной всего худого. Чтобы возбудить массы, мы считали необходимым совершить покушение. 15 числа утром я пошел в контору, в которой служил. Я проработал около часа, а потом сказался больным. Отто Корвин должен был достать мне входной билет на заседание парламента. Он не смог дать его мне. Мне пришлось в голову достать такой билет от беллетристической газеты, в которой я работал, под тем предлогом, что я напишу „сезонную статью“ о заседании. Так я получил доступ в галлерею журналистов, находившуюся непосредственно около входа для депутатов.

Тисса был в коридоре. Он разговаривал с некоторыми депутатами. Настроение было повышенное. Я задержался среди депутатов. В четырех шагах от меня стоял Тисса. Револьвер у меня в кармане. Лицо спокойно. Я раздумывал.

Пронзительные голоса раздаются в зале. Все шумят. Председатель сбегает с трибуны. Я выхожу в коридор. В нескольких шагах впереди меня—Тисса.

Но сыщик уже подошел ко мне. Мой рабочий костюм не подходил к этому буржуазному блеску. Он удостоверился в моей легальности. Мой билет был безупречен, но я принужден был уйти. Что делать?

Наступили десять минут, которые до сих пор часто мучат меня во сне.

Поиски выхода, которого я не находил в лабиринте коридоров. Я открывал различные двери и вдруг попал в раздевальную, где не было ни души. Если кто-нибудь придет, пожалуй, сочтут меня за вора.

Моя грудь судорожно сжалась. Вот, наконец, я нашел выход на улицу.

Был час дня.

Заседание должно было длиться до двух с половиной—трех часов. Он должен выйти из ворот этого дома. Там стоит его автомобиль. Вблизи нет ресторана.

Я жду. Спокоен.

Легкое движение в толпе,—и граф Стефан Тисса выходит, поддерживая под руку свою жену. Я бегу к автомобилю. Подымаю револьвер. Осечка. Я пробую еще раз... В следующую минуту мой револьвер летит далеко на асфальт, и я чувствую, как на меня сыпятся удары шоффера. Грубые руки хватают меня и толкают вперед.

Граф Тисса стоял передо мной. В караульной осмотрел меня испытующим взглядом.

„Чего вы хотели?—спросил он, и когда я ответил, он, пожимая плечами, проронил—„Вы не правы“.—И потом:—„Это преступная пропаганда“.

Все пришло в волнение. Они почувствовали существование широко организованного заговора. Градоначальник допросил меня. Протокол составлялся с 3 до 12 часов ночи.

Сыщик нагнулся ко мне, сказал: „Везде говорят о покушении“—и тихо прибавил: „только жалко, что оно не удалось“.

* * *

Я уже очень хорошо освоился в тюрьме.

Работают, учатся.

Это было 30 октября. Во время прогулки один заключенный сунул мне газету, которая вышла три дня назад. Я постепенно начал читать.

Уличные бои на Цепном мосту. Прорыв болгарского фронта. Правительственный кризис...

В Фиуме взбунтовались заключенные. Я был возбужден. Что стал бы я делать, если бы арестанты возмутились?..

☉ Я продолжал работать. Если бы я сейчас был на свободе, я бы тоже сражался. Что делает наша молодежь?

Прошло лишь полчаса, и вдруг, как вода в котле, забурила тырьма. Пронзительные голоса раздавались из-за железных решеток. Двери гремели. Окна дребезжали. Осколки стекла дождем летели во двор. Люди дико ревели.

— „Выпустите нас“.
 — „Выпустите меня!“

Бунт заключенных! Мне некогда было раздумывать. Ужасный шум. Крики. Беспорядочные звуки, как гром. Открыли мою камеру. Тюремный надзиратель быстро произнес: „Идите скорей, за вами пришли“. Среди шума и стука я вдруг почувствовал себя на воздухе. Тысячи людей толпились вокруг меня.

— „Янчи! Янчи“ *)—кричали мои друзья.

Пролетарии и пролетарки осыпали меня белыми осенними розами. Незнакомые женщины и мужчины покрыли меня поцелуями. Меня повели вперед. Мое сердце билось. Я с трудом мог вымолвить несколько слов. Матросы подняли меня на воздух.

И высоко на своих сильных руках они показывали меня ликующему городу.

— „Мы освободили Лекая!“—И цветы падали. Белые цветы. Много белых цветов.

(Сборник „В стране виселиц“).

41. Рабочая молодежь в Советской Венгрии

(Из воспоминаний т. П. Телегди).

Мы с Петром работали на разных фабриках. 21-го марта 1919 г. вечером он ворвался ко мне.

— Знаешь, провозглашена диктатура пролетариата!

— Не может быть!—ответил я,—ведь борьба в разгаре!

Лучшие товарищи—в тюрьмах! А ты говоришь, что провозглашена диктатура?! Без борьбы, без кровопролития?

— Да, социал-демократы были у заключенных товарищей и пришли к соглашению, образовали партию вместе с ним. Я знаю, что это звучит неправдоподобно, но это так. Пойдем скорей, одевайся и пойдем. Посмотрим, каково настроение.

Мы пошли на собрание. Всюду радостные лица. Один за другим приходили товарищи, жившие на нелегальном положении и, наконец, получившие возможность существовать открыто.

Среди них и Тибор Самуэли. Он взошел на трибуну. Характеризуя положение, он сказал:

— Сегодня к нам в Будапешт пожаловал товарищ Ленин.

Бурные овации! Долгое время оратору не давали говорить. Потом, когда все немного успокоилось, слышались голоса:

— Где он? Где?

Товарищу Самуэли пришлось об'ясниться точнее.

— Я хотел сказать, что у нас образовалось правительство в духе Ленина.

*) Янчи—уменьшительное имя от Иоганн.

Огромное разочарование! И только мысль о существовании советов утешила присутствовавших.

Мы с Петром не долго пробыли на собрании. Мы предпочли отправиться в общественные заведения—рестораны, театры и т. п. и там объявить о совершившемся перевороте. Нам хотелось узнать настроение масс.

С кучкой товарищей мы переходили из театра в театр, из одного кафе в другое и всюду произносили краткие речи. Буржуазия, конечно, не могла быть особенно довольна случившимся. Все наши речи были пропитаны угрозами высшему классу. Но значительная часть мелкой буржуазии сочувствовала нам. Я помню, как в каком-то театре один из актеров, одетый в средне-вековый костюм, со сцены восторженным голосом закричал: „Да здравствует диктатура“. Правда, это было немножко смешно...

После этого мы отправились в лучшие гостиницы. Здесь мы после целого ряда скандалов заставили снять национальные флаги. Всюду на улице нас встречали радостными улыбками. Мы останавливали все автомобили, какой бы миллионер или спекулянт в них ни сидел. Один из шофферов ни за что не хотел ответить на наш вопрос, кто в его автомобиле. Мы силой открыли дверцу и увидали внутри только что назначенного комиссара народного просвещения. Хотя он был ставленник социалистической партии, мы, тем не менее, оставили его в покое.

Ночь мы провели на бирже. Огромный зал, где еще так недавно капиталисты, надрываясь, выкрикивали стоимость своих бумаг, теперь был превращен в секретариат коммунистической партии.

— Просто не верится всему, что мы переживаем,—с воодушевлением воскликнул я. Какое счастье жить в такое время, когда все кругом волнуется, когда происходят мировые события, когда жизнь становится все шире, все могущественнее!

— Да, все это прекрасно, но—социал-демократы!—ответил Петр.

Лоб его прорезала глубокая складка. Тогда я не понял его слов. Но теперь я знаю, что они значили.

* * *

На следующий день состоялось об'единенное заседание коммунистической и социал-демократической молодежи. И у нас, как и у взрослых, произошло это вынужденное об'единение. Ликований не было слышно, что объяснялось нашим прежним отношением к социал-демократам. Мы были с ними в открытой вражде. Не один из наших товарищей был предан социал-демократами и благодаря им попал в тюрьму. Понятно, что и на

этом собрании ясно было заметно наше отношение к предателям рабочих. Некоторые товарищи совершенно открыто высказывались против слияния, раздавались возбужденные голоса, клеймившие социал-демократов клеветниками, убийцами и предателями. Товарищ Юшко внес предложение о том, что бы не вступать ни в какие сношения с реформистами. Но после того, как социал-демократы уверили нас, что они будут „добрыми коммунистами“, я и мои товарищи голосовали за слияние.

В этот же день мы заняли для своих клубов буржуазные клубы и казино. Все следующие дни кипела лихорадочная деятельность. На наши собрания приходили такие молодые девушки и юноши, которых, бывало, никакими силами не затащишь; и не только приходили, а и сами выступали с речами о нашем общем деле. Все относились к нам с полным доверием. Даже те товарищи, которых жестокая эксплуатация лишила способности отзываться на нужды своего класса, которые никогда прежде не смели разинуть рта,—и те шли к нам, полные надежд на лучшее будущее, полные веры в нас.

И не напрасно.

Не прошло недели, как появился декрет, в силу которого вводился 8-часовой рабочий день для молодежи (шесть часов работы и два часа ученья).

„Тот, кто не исполнит этих требований или будет бить учеников, подлежит суду революционного трибунала“...

Это было первой явной победой молодежи над эксплуатировавшим ее капиталом. Последовавшая затем борьба протекала следующим образом:

— Здравствуйте, хозяин! Я слышал, что вы колотите своего ученика и очень плохо ему платите. Я член комитета КСМ и прошу вас сказать мне, признаете ли вы постановления советского правительства.

— Ах, пожалуйста, товарищ, можете быть уверены, что мы поступим вполне согласно с буквой закона. Но и вы не очень нас тесните, мы люди маленькие, мы никак не можем платить больше, и так хоть закрывай дело...

— Да, я знаю. Вы успели купить всего только три дома. У вас только 15 учеников. Так вот—как вам угодно: или повинуйтесь закону, или я к вам через денек-другой наведаюсь, только уже не один... До свиданья, господин хозяин,—с особым ударением прибавляли мы.

Но не всегда победа давалась так легко. В одном случае товарищу Пабелю пришлось взять с собой целый отряд в двести человек молодежи, потому что иначе он не мог справиться с одним особенно упрямым хозяином. Вся эта толпа молча стояла перед дверьми предприятия, вошел только один Пабель и потребовал от хозяина обещания больше не колотить своих учеников, платить им приличное жалованье и закончить обуче-

ние их в течение трех лет вместо прежних четырех. Кроме того, он не должен был пользоваться учениками для домашних работ.

В другом случае один из хозяев заставлял своего ученика... чистить уборные. Когда при советской власти этот хозяин снова чем-то провинился перед учеником, товарищи из местного района КСМ заставили его самого вычистить все находившиеся на его улице общественные уборные. Конечно, мы постарались довести об этом до сведения возможно большего числа хозяев. Надо полагать, что теперь этот хозяин больше не издевается ни над кем из своих учеников. Слишком близки „красные“, чтобы он осмелился riskнуть...

Мне хочется рассказать еще об одном случае, очень характерном как для капиталистов, так и для тех несовершеннолетних методов, которыми мы вели борьбу.

Я тогда работал в одном из районных секретариатов союза. Однажды ко мне приходит молодая девушка-работница и просит переговорить с ней с глазу на глаз. Она мне рассказала, что служит на табачной фабрике, хозяин которой заставил ее стать его любовницей, только такой ценой дав ей возможность перейти на более выгодную работу; теперь, когда она готовится стать матерью, хозяин хочет прогнать ее. В фабзавкоме она не хочет рассказывать свою историю, потому что стесняется своих товарок. Кроме того, на той же фабрике работает и ее мать, которой она очень боится.

Нам было совершенно ясно, что ни один хозяин фабрики не имеет права увольнять рабочих по своему усмотрению. Мы так и сказали девушке. Но она спросила, как ей воспитать ребенка. На этот вопрос ответить было значительно труднее. Дело социального обеспечения в молодой советской республике было поставлено еще весьма неудовлетворительно... Тем не менее мы не могли отказаться сделать что-нибудь для нашей тозарки. Поэтому мы послали хозяину фабрики письмо следующего содержания:

„Мы вполне понимаем, что вы, в соответствии с вашей капиталистической системой, соображаете и насилуете своих работниц; такие поступки вполне соответствуют этике вашей среды. Но если вы думаете, что вы просто можете выкинуть вашу жертву на улицу, то вы очень ошибаетесь. В прежнее капиталистическое время вы могли поступать таким образом безнаказанно, но теперь явились мы и требуем вас к ответу. Вы не только не смеете уволить означенную работницу с фабрики, но еще должны удовлетворить ее денежные требования. В противном случае вам придется иметь дело с рабочей организацией“.

Письмо это оказало надлежащее действие.

В дальнейшем все дело каким-то образом получило огласку, и наша организация значительно усилилась, благодаря массо-

вому притоку молодых девушек-работниц, понявших, что КСМ является их единственным защитником.

* * *

Прошло несколько недель, и три монитора (военных судна Дунайской флотилии) вышли из своей гавани, подняли национальный флаг и принялись обстреливать дом советов.

В Будапеште был открыт контр-революционный заговор. Социал-демократы сияли.

Все мои товарищи стали под ружье. Тысячи молодых рабочих грудью защищали советскую республику. Когда мониторы должны были проходить под одним из мостов, Петр с ручной гранатой кинулся на мост, сбросил ее на один из мониторов и причинил контр-революционерам немалый вред... За свой отважный поступок он поплатился жизнью.

Когда мы его хоронили, десять тысяч молодых пролетариев поклялись остаться верными тем идеям, ради которых погиб Петр. Большая часть будапештской группы КСМ на следующий день отправилась на фронт, на борьбу с капитализмом Антанты.

Мне хочется сообщить содержание письма, полученного в это время от одного товарища с фронта.

— Я состою в отряде металлистов и всей душой стремлюсь к дальнейшей борьбе. Пока еще мы одерживаем значительные успехи, которыми мы обязаны не столько нашей военной подготовке, сколько деморализации наших противников. Если мы побеждаем, то только благодаря превосходному духу наших отрядов, благодаря готовности на подвиги и жертвы наших товарищей. Но с болью в сердце я должен сказать, что это настроение меняется в дурную сторону. Некоторые из нашей среды распространяют всякие ужасные вести и этим запугивают наши отряды“.

Так было в Будапеште. Среди рабочих распространялись летучки за подписью социал-демократов; эти летучки старались вызвать недовольство советским правительством. Мы ясно видели, что нашему правительству угрожает смертельная опасность.

Как и первые дни советского правительства, его последние дни были самыми бодрыми. Когда мы убедились в том, что гибель диктатуры пролетариата неизбежна, мы по крайней мере решили показать, с каким самоотвержением мы готовы защищать ее. И мы это сделали.

Мимо бульвара в Будапеште шла одна процессия манифестантов за другой; все мы были настроены так же воинственно, как и в первые дни советской власти, может быть, даже еще воинственнее. В нас кипела злоба против социал-

демократов, против этих предателей, разрушивших всю нашу работу.

В последнем заседании центрального комитета один из товарищей закончил свою речь следующими словами:

— Нас ждут новые битвы. Но, может быть, положение наше теперь станет легче, потому что знаем, с кем нам следует бороться—с социал-демократами, с этими нашими коварными врагами. Помимо счетов с капиталом, мы должны свести счеты и с этими людьми, которые ввели нас в заблуждение своими лживыми обещаниями; мы доверили им нашу организацию молодежи—и теперь вынуждены проделать всю работу с самого начала.

Товарищ, говоривший эти слова, тогда еще не знал, насколько тяжела будет эта работа.

*

Нашей первой заботой после падения советской власти было переправить из Венгрии за границу тех из наших товарищей, которым в первую голову угрожал белый террор. Многим из нас пришлось покинуть Венгрию, но никогда из нашей памяти не исчезнет воспоминание о тех днях, когда мы нашими рабочими руками сжимали горло капиталу.

(Сборник „В стране виселиц“).

42. Белый террор в Венгрии в 1919 году.

Осенний туман спускается на поля и луга венгерской равнины, и всюду, где он с нежной лаской касается земли, он прикрывает собою могилы.

Ноябрьский ветер пенит волны Дуная. То тут, то там в волнах мелькают обрывки одежды, части человеческих тел. Дальше несется ветер, мимходом целует серый столб-виселищу; он долетает и до тюремных окон и сквозь решетки поет о том, что он видел...

А в тюрьме, сжившись от холода, сидят люди.

— Холодно,—говорит один.

— Не горюй,—отвечает другой;—вот придет обер-лейтенант Бибо—он нас живо нагреет.

Долгое молчание. Здесь все помнят жизнь последних месяцев и все знают, что в этом же здании, этаже ниже, есть комната, в которой пытаются. И на соломенных тюфяках еще не засохла кровь истерзанных жертв.

Никакое перо не в силах описать, что вынесли эти люди.

Сатрапы древности, безжалостные, упоенные кровью римляне, холодные жестокие рыцари средневековья, иезуиты с их комнатами пыток—все это бледнеет перед ужасами венгерской реакции.

Террор, кровавый, проникающий до мозга костей, издевающийся над всякой человечностью террор начался с момента вступления в Венгрию разряженных бандитов—офицеров Хорти.

14 ноября 1919 года адмирал Николай Хорти вступил в Будапешт во главе своих отрядов. Последние части покидавших город румын еще не успели выйти из одних ворот, как Хорти уже вступил в другие, окруженный своей блестящей свитой. На окраинах города, вдоль трамвайных линий раз'езжали бронированные автомобили, и несчастные измученные жены рабочих с бесконечной тревогой смотрели навстречу грядущему дню. Обитатели тюрьмы на Маргаретенринге, сбившись в кучу, ожидали появления офицеров — и смерти. Здесь были собраны все, принимавшие участие в борьбе с контр-революцией. Все знали, что их ждут утонченные пытки, и все мечтали о смерти, которая освободит их от страданий.

16 вечером в камеры ворвались пьяные офицеры.

С глухим звуком опускались железные палки на головы заключенных, и на их распростертых, окровавленных телах офицеры отплясывали дикий танец.

Настоящие пытки начались только поздно вечером. Заключенных вызывали одного за другим. И каждый уходивший молча прощался с товарищами. Наступали жуткие минуты отчаяния. После долгого промежутка дверь снова открылась, и на кровать швырялась какая-то бесформенная, окровавленная масса. Свисают куски оторванного мяса, лицо запухло до неузнаваемости, спина исколота штыками, и все тело изуродовано резиновыми плетками.

... Ночью к нам вошла смерть...

И с тех пор она стала нашей верной спутницей. Начались недели казней. В две недели двадцать один товарищ были отданы в руки палачей.

С песнями они шли умирать. Каждый вдохновенными словами прощался с остающимися. Поэтому прощания были запрещены. Пошли на смерть Отто Корвин и Евгений Ласло. Знатные, раздушенные дамы из буржуазии наполняли двор тюрьмы и ликовали, а в камерах сотни и сотни заключенных корчились от бессильной злобы, когда палачи вывели на двор истерзанного Отто Корвина.

Он шел на смерть с тем спокойствием, каким была полна работа всей его жизни на благо трудящихся. В священном величии шел он перед насмешливо улыбавшимися, радостно возбужденными зрителями — воплощение революции! И когда он

после прочтения смертного приговора спокойно подошел к виселице, он был далек от всякого чувства страха. Он умер спокойной, сознательной смертью человека, погибающего за правое дело, смертью истинного мученика.

За ним последовали многие, многие другие...

На поля и долины Венгрии спускается туман, и холодный ноябрьский ветер ревет в улицах города. Он пенит волны Дуная, и в них мелькают обрывки одежды, части человеческих тел...

Дальше несется ветер, целует новенькую виселицу, там, близ высокой каменной стены. Ветер здоровается с ней, как со старым приятелем. Он несется все вперед и громко кричит в решетчатые окна тюрьмы одно только слово:

Доколе!?

(Сборник „В стране виселиц“).

43. Юношеский день в Берлине в 1919 году.

Мне пришлось присутствовать в Берлине на юношеском дне 7-го сентября 1919 года.

В продолжение долгих месяцев в Берлине и остальной Германии царило осадное положение. С марта 1919 года, когда рабочим немецкой столицы был нанесен третий сокрушительный удар, Берлин не видел уличных демонстраций революционных пролетариев. И первой вышла на улицу молодежь.

7-го сентября была в Берлине превосходная погода. Давно известно, что во всех большевистских праздниках в России небесные силы принимают самое благосклонное участие. Некоторые буржуа остряли, что Ленин сносится по этому поводу по радио с богом. Напуганному воображению немецких мещан казалось, пожалуй, символическим такое распространение большевистских обычаев в Германии. Но оставим в покое небесные силы...

Я пошел на демонстрацию один, не желая перед международным съездом *) подвергаться случайным опасностям. Сборный пункт был назначен за городом, на поляне, примыкающей к району Шпандау. Уже на пути, проходя по вылитой асфальтом загородной улице Берлина, я встречал отдельные группы союза молодежи, шедшие с развернутыми знаменами к месту встречи. Слышались отрывки песен. Буржуа, прогуливавшиеся по этому живописному месту с своими детьми, с удивлением смотрели на эти неопределенные пятна с красными оттенками, очевидно нарушившие их спокойствие.

*) Речь идет о Берлинском конгрессе, состоявшемся вскоре после описываемого события.

От шоссе налево шла тропинка, в начале которой стояла надпись трактира, через который шел путь на поляну. По тропинке бегали взад и вперед юноши и девушки с красными нашивками. Это, очевидно, распорядители демонстрации. Многие из них разгуливают в купальных костюмах. Появляется молодежь, продающая „Интернационал Молодежи“ и „Юную Гвардию“, несколько дней тому назад запрещенную Носке. Какой-то малыш с веселыми глазами, почти голый, загоревший, задорно кричит: „Интернационал Молодежи“, „Юная Гвардия“, запрещены Носке, допущены к выходу. „Спартакусом“. Захожу в садик перед трактиром. За многочисленными столиками сидят юноши и девушки с красными бантиками. Здесь же несколько офицеров Носке и буржуазных дам, пришедших, очевидно, посмотреть на любопытное зрелище. Над ними насмеваются, досажда им нелегальными листовками и журналами. Наконец, вижу несколько серьезных физиономий. Это члены Центрального комитета союза. Один из них провожает меня на поляну.

— „Не разговаривай по-русски и тише по-немецки, он ведь у тебя не больно хорош, а шпикиов сюда нагнали уйму“—выходим на поляну. Останавливаюсь в величайшем изумлении. Что это?—Политическая демонстрация? Собралось пока около 1000 человек. Красные знамена и флажки с названием организаций воткнуты в землю. Каждая ячейка союза занимается каким-нибудь веселым делом. По поляне летят три резиновых мяча. Некоторые группы поют хоровые песни, сопровождая их звоном гитар и балаалаек. Другие просто бегают, ходят на руках, прыгают с деревьев, одним словом, изучают акробатическое искусство. Галдеж стоит отчаянный. Маленькими семейными группами расположились по поляне солидные немцы, никакого отношения к большевизму и спорту не имеющие.

— „Среди них большинство шпионов. Приходят под видом гуляющих с женами. Подлецы!“—говорит мне товарищ.

Ложимся на траву, глазеем на облака, обмениваемся последними новостями. Часа в 2 дня подается сигнал. Раздаются свистки—отрывок из марсельезы.

С деревьев, из реки быстро выползают мокрые, обсыпанные листьями и землею товарищи. Со всех концов идут они к большому дереву и окружают его плотным кольцом. Собралось около полуторы тысяч. „Мало“,—ворчит мой спутник,—„не успели оповестить“. Вокруг дерева располагается большой струнный оркестр союза. Раздаются воодушевляющие звуки песни юных пролетариев в Германии, гордые слова „Мы—юная гвардия пролетариата“. Играют и поют 1500 голосов, затем идут речи, стихотворения, все как полагается. Кричат „ура“ в честь мировой революции, в честь Советской России и Интернационала Молодежи. Отхожу в сторону. К членам

ЦК прибегает какой-то товарищ и заявляет: „Носкиты выставили на Шпандауском мосту и по шоссе 6 пулеметов, ждут нас, раз'езжают в своих повозках с ночными горшками на головах, с ручными гранатами, как будто к бою готовятся“. „Тише не шумите. Мы ведь знали это раньше. Будет дело“.

Настроение становится нервным. Пришло несколько членов ЦК партии. „Зачем вы пришли, здесь же полным полно шпиков“. — „Надо же и нам быть с молодежью в трудные минуты. Мы будем осторожны!“ Замечаю какого-то товарища, страшно смахивающего на русского. Бросаюсь к нему. — „Осторожнее“, — спокойно говорит он на чистейшем саксонском наречии, — „борода приклеенная слететь может“.

Митинг кончается. Группы выстраиваются. Все уже знают о пулеметах, их ожидающих. Дезертиров нет. Проходят какие-то добрые старушки и, чуть не плача, просят „детей“ не ходить „туда“. Двигаемся по каким-то тропинкам. Спрашиваем прохожих „Носкиты там?“ — „Там мерзавцы, готовятся“ — слышен единодушный ответ. Появляются кучки шпандауских рабочих, радостно смотрящих на свою молодежь. Немцы убеждают меня уйти, добиваются лишь моего перемещения в середину колонны. Мы уже на шоссе. Перестраиваемся в ряды. Красный Крест союза молодежи с повязками на руках; с бинтами и другими медикаментами идет впереди. Загремел «Интернационал». Перед носом колонны прошмыгивают 3 повозки с солдатами, держащими ружья на перевес, и мчатся к мосту. Вон и он. Красивые перила, прекрасный вид на реку. Передние ряды входят на мост. Пение становится все громче... Нервы натянуты, как струны. Если встать на цыпочки, видны уже солдатские засады.

Вдруг пение обрывается. Затакали пулеметы. Раздаются винтовочные залпы. Демонстрация смялась. По русскому обычаю ложусь на мостовую. Но немцы применяют тактику улепетывания. По мне прогуливаются человек 5. Наконец, удается выкарабкаться из-под них. Выстрелы затихли. Какая-то девушка, схватившись за перила, истерически кричит. Старушка, пришедшая со своим сыном, дрожащим голосом кричит: „Ведь дети же, дети!“ Передние ряды колонны не дрогнули. Они шли под выстрелами вперед. Теперь они, окружив солдат, требуют назвать фамилию командира. Они забрасывают его насмешками и проклятиями. „Почему не предупредили? Крававые собаки, убийцы! Подождите, и на нашей улице будет проздыник. Носкиты, бандиты, грабители, мы вам отомстим!“ Бледный офицер ссылается на приказ „самого“ Носке. Немецкий товарищ оттаскивает меня в сторону от солдат. „Уйди, узнают, арестуют“. На мостовой наши красивые сестры перевязывают 5 раненых. Убитых нет. Первые залпы были даны в воздух. „Ну, вот наш азиат“, — встречает меня кто-то, — „что у тебя за

дикий вид, брюки порваны. 5 человек и одна штанина—вот жертвы белого террора“.—„Не виноват же я, что вы гуляете по моим брюкам“.—„Да ладно, не сердись, мы ведь только привываем к таким потасовкам“.

Демонстрация снова выстраивается. Взволнованные порядители бегают взад, вперед—составляют какой-то новый стратегический план. Начинают бренчать гитары. Кто-то запевает „Социалистический марш“, сотни голосов подхватывают. Поворачиваем назад и движемся по шоссе к другой заставе. От нас часто отделяются группы с свернутыми знаменами и таинственно исчезают в лесу, окружающем дорогу. Из города несутся автомобили с любопытными буржуа, приехавшими посмотреть в лорнетки, как расстреливают юных спартаковцев. „Ребята“,—раздается чей-то веселый голос,—„а шпики-то ведь удрали, боятся ходить с демонстрацией, как начали стрелять, они на четвереньках в поле поскакали“. Дружный хохот раздается по колонне.

Вот уже снова город.

Снова улицы, автомобили, экипажи, заседание, прыгание в трамвай, ночевки где-нибудь на окраинах. Не забыть этого дня!..

(Из статьи т. Лазаря Шацкина).

44. Забастовка учеников в Берлине в 1919 г.

Когда германские рабочие подростки оставляют школу и поступают в ученье, то они все еще обязаны посещать до 18 лет „школу для продолжения образования“. Это значит, что они должны два раза в неделю, отработав свою барщину для капитализма, еще сидеть в школе, чтобы воспитываться благонравными и прилежными наемными рабами. Молодые рабочие, жертвуя своим свободным временем, должны с разбитым усталостью телом просиживать еще 6 часов в школе и к тому же оплачивать стоимость учебников из своего скудного заработка. Они, конечно, ненавидят такую систему.

В Берлине имеется приблизительно 50 таких школ и около 100000 молодых рабочих, которые их посещают. „Свободная социалистическая молодежь“*) решила провести в берлинских „школах для продолжения образования“ революционное выступление, чтобы пробудить революционный дух в молодых рабочих. Это была для Берлина трудная задача. Там в 1919 г. господствовала белая гвардия, и гордо выступали по улицам старые прусские шудманы (городовые). Но ничто не могло остановить молодежь.

*) Так назывался в 1919 г. германский комсомол.

Через членов нашей организации было распространено около 500.000 листовок, и в один вечер состоялось огромное собрание тысяч школьников. На этом собрании единогласно было постановлено устроить общеберлинскую школьную забастовку. Вся молодежь с воодушевлением начала борьбу. В несколько дней 40.000 учащихся присоединились к забастовке.

Чтобы гнать молодежь назад в школу, предприниматели просто выгоняли юных борцов с фабрик и лишали их куска хлеба; полиция выступила против них с денежными штрафами и арестами, но никакие меры не помогали, и стачка все более и более ширилась.

Воодушевление и боевое мужество молодежи были безграничны. Перед каждой школой дежурила молодежь, выполняя роль забастовочных постов. Юные рабочие не пропускали никого в школу, даже самого учителя. Один директор, который попытался напасть на один из таких постов и разогнать его силой, был жестоко избит молодежью.

В другой школе молодежь была заперта внутри: школьники разбили все замки и вышли наружу.

В Шпандау (одно из предместий Берлина) школьное начальство попыталось прибегнуть к помощи полиции, которая должна была холодным оружием загнать молодежь в школу, но все школьники спрятались, и школы остались пустыми.

В те часы, в которые молодежь прежде ходила в школу, во время стачки она приходила на большие собрания, там ее просвещали относительно того, что только коммунизм может освободить молодежь.

Наступили школьные каникулы. Забастовка окончилась, так как школы и без того закрывались. Но мужество и решимость молодежи нагнали такой страх на органы школьного управления, что они сами первыми обратились в правление „Свободной Социалистической Молодежи“ с просьбой вступить в переговоры.

Газеты буржуазии изрыгали яд и желчь по этому поводу. Но еще в большей ярости был союз „Рабочая Молодежь“ — союз социал-патриотов шейдемановцев. С начала германской революции он употреблял все силы на то, чтобы добиться путем соглашения некоторых скромных уступок и улучшений для молодежи. Но хотя социал-предатели сидели в правительстве, они ничего не сделали для исполнения требований своей собственной молодежи. Коммунистическая же молодежь выставила куда больше требований и в течение 10 дней добилась того, чего хотела. Главным успехом было то, что пролетарская молодежь впервые создала самостоятельно большое выступление и победила.

(Из статьи т. Гальтера Левенгейма).

45. Из воспоминаний тов. Шапкина о Берлинском конгрессе.

На границе.

Последний переход через границу самый легкий. Позади: месяцы путешествия, обысков, арестов, допросов, обстрелов, бегств. Часа два ночи. Нас человек пять. Проводник из местных товарищей. Кругом холмы, дальше лес, овраги. Небо затянуто тучами. Спуск. Скользко. Держим друг друга за руки. Кто-то падает. По руслу высохшего ручья катится с шумом камень. „Тише, черти!..“

Вода. „Неважно, влезайте, неглубоко“. Лезем. „Стой!“ „В чем дело?“ „Дорога потеряна“, спокойно объявляет проводник. „Надо зажечь спичку“. „Увидят...“ „Ничего не поделаешь, собьемся с дороги, — все равно поймают. Нагнитесь!“ Вспыхивает огонь. „Вот она, направо. Не хрустите ногами. Не кашляйте! Попадем“. Встаем, идем дальше. Остановились перед оврагом. „Здесь самое опасное место. Налево стража, прямо перед нами патрули. Надо проскочить мимо них“. Ползем, не дышем, во рту жарко, пить хочется страшно. Вот уже перелезли на ту сторону оврага. Какая-то деревня. Вот залаяла собака, за ней другая, третья. „Погубят, проклятые!“ „Быстро, скорее!..“ Почти бежим, задыхаясь от усталости, падаем, боли от усталости не чувствуем. Прошли. „Теперь, ребята, принимай веселый вид!.. Товарищ М., ступай вперед, затягивай веселую песню. Мы — туристы. Айда, мимо заставы, по мосту!“ Поем что-то несуразное. Начинает светать. Сонный сторож у городского моста удивленно глядит на веселых „буршей“*) и ворчит что-то под нос. Мы, в Германии, в царстве „демократии“, в республике Носке!.. **)

Среди своих

Среди товарищей, друзей, братьев. Знакомые лица. Отплясываем какой-то бешеный танец. Кому-то ногой попадаю в физиономию. „Как ехал, через какую границу? Как ты выглядишь, азиат!.. Через час совещание. Эй, Фриц, беги, покупай брюки, сюртук, манишку, галстук. У кого машинка для стрижки, гребенка? Пить хочешь?.. Ну, ребята, живо!.. Да садись, садись, устал ведь. Ну, рассказывай, что в России? Как Красная армия, молодежь?“ Жадно ловят каждое слово, не

*) „Бурш“ — парень.

**) Носке — социал-демократический правитель Германии, в 1919 г. перевешавший и расстрелявший тысячи пролетар

успеваю отвечать на многочисленные вопросы. Наступает моя очередь спрашивать. Одно совещание уже было, прозевал. Ругаюсь, критикую постановления, влезаю в гущу деловой работы. Через полчаса возвращаются товарищи с покупками. Начинают меня наряжать. От моей старой одежды остались одни лохмотья. Кто-то натягивает на меня манишку. Бреют, причесывают. Твердый воротник режет шею. „Пойдем обедать!“. Заходим в какую-то столовку. Встречаем венгерских эмигрантов. Шопотом рассказывают о последних днях Советской Республики, о пытках, расстрелах, самопожертвовании, трусости и подлой измене *). „Халло, слушай! что ты делаешь? Как ты держишь вилку, хватай ее в левую“. Слышится добродушный смех. „Скверно,—думаю,—азиат, надо цивилизоваться!“ Хватаю вилку в кулак и ожесточенно изучаю европейские манеры. Снова смеются. Веселые славные ребята! Затем совещание. К концу засыпаю, не выдерживаю. Вечером товарищи идут в оперу. Не хочется оставаться одному. Жутко, мучат кошмары. Музыка, мягкое кресло, приятный сон. „Ну, как тебе нравится немецкая музыка?“ „А, что?“ — протираю глаза. Кто-то вытаскивает меня из зала. На улицах пьяницы, гудки автомобилей. Проходят проститутки, шпики, офицеры с моноклями, худые, голодные пролетарии. В голове шумит.

Перед конгрессом.

Задняя комната какой-то маленькой берлинской библиотеки. Окна выходят на двор. Темно и неудобно. Стол хромой, качается. Перед столом кровать, на ней сидят три товарища. Среди них тов. Мюнценберг, сутуловатый, среднего роста, с симпатичным лицом, совершенно молодым, несмотря на его 30 лет. Он что-то записывает и разговаривает по очереди с делегатами.

Налицо уже представители восьми стран.

Председатель австрийской организации молодежи, энергичный юноша, черноволосый и смуглый, с сверкающими зубами, о чем-то ожесточенно спорит с Мюнценбергом.

Маленький венгерец (И. Лекай) спокойно сидит в углу, повязывая свой неизменный шарф. Он хороший поэт и любит говорить с пафосом. С ним здесь постоянные недоразумения. Он часто исчезает. Думают, арестован, попал под автомобиль, заблудился. Через некоторое время он является и спокойно, медленно выговаривая немецкие слова, объясняет, что

*) В 1919 г. в Венгрии была установлена Советская Республика; существовав несколько месяцев, она пала под ударами реакции. Венгерский пролетариат после падения Советской власти подвергся жесточайшему белому террору.

осматривал музей, и что было интересно. Через день та же история.

На кровати сидит еще швейцарский товарищ. Похож на маленького мальчика. У этого недоразумения с квартирами. Побудет день, затем или потеряет свою улицу, или сам уходит, или хозяева вышибут. В продолжение месяца он каждый день искал место для ночевки. Другой швейцарец, деловитый и практичный, секретарь своей организации, о чем-то разговаривает с веселым, черным румыном.

„Эй, Отто!“, — кричит мне Мюнценберг, — „иди сюда!“ Во-первых, все должны уехать завтра из Берлина в город N. Австриец с румыном едут рано утром. Ты с немцем в полдень, швейцарцы, венгерцы с поляком в 5 час. вечера. Я с остальными ночью. В поезде сидеть смирно, не разговаривать. На вокзалах осторожнее, всюду шпики. Во-вторых, ни гроша денег. Кассира ЦК немецкой партии ищут по всей Германии, чорт бы их драл с их сверх-нелегальностью. Ребятам жрать нечего. Где бы достать?“ „Постараюсь. По дороге все готово?“ „Есть, встречает человек с букетом“. „Надо через полчаса устроить заседание временного подготовительного комитета“. „Нет, сейчас, немедленно“. „Ну, выкуривайся, публика. Квартиры у всех есть? Не ходите по театрам. По одному выходить, не все сразу. У выхода не галдеть!“

Неприятная ночь.

Город N, несколько десятков тысяч жителей. Замерзшие, вылезаем из нетопленных вагонов. По станции разгуливают вооруженные „носикты“. На руках у них странные нашивки: змей, птицы и прочие звери. Человек с букетом, вокруг него другой букет: девушки и юношей. „Добро пожаловать!“ „Спасибо“. „Иностранцы?“ „Да“. „Откуда, из каких стран?“ „Неважно“. „Все целы?“ „Почти все благополучно“. „Квартиры есть?“ „Найдем“. „А зачем нас столько народа встречает?“ „Да так, для охраны. Отобьем, в случае чего, да и незаметнее будет“.

Ночевка. Холод адский. Где-то за городом, в поле. Ветер гуляет по комнате. Топить нечем. Кровать короткая, детская. Я с швейцарскими товарищами попал в этот холодильник. Нас привела сюда какая-то девочка, сказала „спокойной ночи“ и удалилась. Электричества нет, спичек тоже. Спасибо, луна заглядывает в окно. Пар валит изо рта. Закоченели. Прыгаем; деремся. После некоторых колебаний раздеваемся и молниеносно бросаемся в постель. Ноги не помещаются, укрыться вдвоем одеялом невозможно. Кидаем на себя снятую одежду. По пути опрокидываю несколько стульев и графин с водой. „Гром и молния!“ ругается швейцарец, „ну и трущоба!.. Бей меня руками, ногами, чем попало“. Начинается побоище.

Опять неудача!

Утро. Холодно. Дует пронизывающий ветер, обсыпая снегом с ног до головы. Шагаю с швейцарским товарищем и местным проводником по глубоким снежным сугробам. Городок N уже проснулся. На улицах пустынно. „Вот здесь, направо, третий этаж“. Вхожу в квартиру. В уютной комнате сидят уже члены временного комитета и несколько делегатов с'езда. У пылающего камина румынский товарищ отогревает свои заоченевшие руки. Машинка стучит. Тов. Мюнценберг диктует машинистке проекты программы, устава и манифеста. Кто-то комично, преувеличенно торжественным голосом читает порядок дня нашего международного с'езда... из швейцарской буржуазной газеты „Союз“. Недели две тому назад этот документ провалился на швейцарской границе и наделал много шума в Европе. Усаживаюсь около камина и читаю какую-то статью Тростеля, бывшего секретаря Интернационала Молодежи, страшно возмущающую присутствующих. Вбегает запыхавшийся местный товарищ. „Сегодня утром тайная полиция N арестовала юного спартаковца с 60.000 марок!“ „О, чорт возьми! Это, наверно, т. К. Мы его ждем. Он должен привезти деньги“. „При нем, наверно, адреса, нас выследят!“ „Постойте, не волнуйтесь. Сходите, товарищ, и немедленно постарайтесь выяснить, кто такой арестованный“. Член союза молодежи т. N уходит искать знакомств с служащими в полиции, чтобы выяснить дело. Мы ждем сегодня приезда новых делегатов, но пока никто не является. „Где итальянцы?“ „Чорт их знает. Извещали их несколько раз. Застряли, наверно, по дороге“. „А скандинавцы?“ „Телеграфировали им еще раз. Они должны уже быть в Берлине. Оттуда их проводят дальше. Адреса оставлены“. Стук машинки начинает раздражать. Старушка-хозяйка квартиры, мать юного коммуниста, приносит нам некую бурду, называемую почему-то кофе, с хлебом и неизменным немецким мармеладом. „Кушайте, дорогие“,—ласково говорит она. Настроение немного повышается. „Бытие определяет сознание,“—острит кто-то. Входит немецкий делегат со свежей газетой в руках и прерывающимся голосом заявляет: „беда, немецкое правительство прекращает всякое пассажирское движение на две недели!“ „Проклятые, боятся 7-го ноября*). Пишут, что будут возить картофель и уголь, а уже перевозят войска на случай восстания“. „Как же нам быть? Последний поезд отсюда в Берлин идет завтра вечером. Оставаться здесь две недели нельзя. Нет квартиры, денег, по-

*) 7-го ноября, в годовщину русской революции, германское правительство, опасаясь восстания рабочих масс, приняло „чрезвычайные“ меры охраны „порядка“.

лиция заметит“. „Надо немедленно начать конгресс при личном составе делегатов. Мне надо обязательно быть в своей организации к годовщине русской революции. Будем заседать днем и ночью“, — горячится австриец, — „придется сократить порядок дня“. „Ни за что“, — протестую я, — „едем немедленно все в Берлин и там ждем дальше. После стольких усилий с'езд должен быть с'ездом“. На этом и соглашаемся. „Надо остановить остальных в Берлине“, — заявляет М., — „я сейчас телеграфирую“. „Нельзя, опасно, надо послать курьера“. „Поезд идет через 20 минут. Т. Г., одевайтесь и бегите“. „Сейчас же еду“. „Где же венгерцы? Снова потерялся?“ „Со вчерашнего дня его ищем“. „Чтоб его на том свете!“...

Красная годовщина.

7-е ноября. Маленький берлинский трактирчик. Сегодня сюда должны придти все делегаты, чтобы быть вместе на случай каких-либо событий и чтобы удостовериться в целостности всех членов с'езда. В темной задней комнате, сдаваемой обычно для собраний многочисленных немецких „ферейнов“ *) (начиная с политических и кончая „друзьями голубей“), уже полно дыму. Дожидаемся еще нескольких товарищей. Немецкий пролетарский поэт читает письмо Радека к конгрессу, написанное в тюрьме. Голос у него рыкающий, трубка прыгает во рту. Кто-то рассказывает про уличные события. „Гвардия Носке оцепила все места собраний. Я видел демонстрантов“. „Я слышал выстрелы. Собрание в районе Н. все-таки состоялось“. „Ничего не будет, — заявляет М., — я, ведь, вам раньше говорил. Наши взрослые товарищи ничего не сделали. Листовка вышла только вчера вечером. О стачке нечего и говорить. Прошу вас не попадать в переделки, а то весь конгресс провалится“. В дверь стучит кто-то. „Не открывайте, впрочем надо впустить“. Входит некто незнакомый. „Я из Москвы. Вы — т. М?“ М. отвечает ему: „Ничего подобного. Я такого не знаю“. „А где здесь русский товарищ? Кто-то отвечает ему, что никаких русских здесь нет. Он хочет подождать, но мы его дипломатически выкидываем. „Кто это такой? Кто дал его адрес? Чорт знает, что такое. Скорее всего шпик или провокатор. Надо расходиться. Через три дня встреча на Фр. улице. По одному выходить. Дураки, дают адреса незнакомым. Ведь этак с'езд придется перенести в Моабит (берлинская тюрьма)!

Открытие конгресса.

Сегодня открывается с'езд. Встаю рано. Прыгаю на всем ходу с трамвая, вскакиваю на другой, затем в третий. Исчезаю в подземный электрической дороге, чтобы избавиться от шпи-

*) „Ферейн“ — союз, общество.

ков, если они есть. Какая ответственность! Неосторожный шаг—и весь съезд провалится. Подхожу к пивной, где должно состояться первое заседание конгресса. По улице гуляют „зеленые“—политическая полиция. Это наводит на неприятные размышления. Два человека стоят в воротах, шагах в двадцати от пивной, по другой стороне улицы. С разъяренным видом вхожу в трактир. Здравуюсь с хозяином, стараясь произнести „добрый день“ с настоящим берлинским акцентом. Хозяин—наш. Он кивает на дверь в соседнюю комнату. Трактирные гости, сидящие за проклятым немецким пивом, не обращают на меня внимания. Прохожу через дверь в соседнюю пустую комнату. Там сидит местный товарищ. „Следующая комната“,—заявляет он коротко. Прохожу дальше. Продолговатая комната с окнами во двор. Длинный стол, кругом стулья. На столе разложены отдельными пакетами издания немецкого союза молодежи. В комнате уже человек пять, и среди них, ко всеобщему изумлению, сидит венгерский товарищ. „Фриц, что это за типы стоят на углу?“ „Не беспокойтесь, товарищи, это—наша охрана“. Приходит пролетарский поэт, с ним какая-то девушка—коммунистка, стенографистка. Комната постепенно наполняется. Идут оживленные разговоры. Здесь все друг с другом „на ты“. Стараются не шуметь. Кто-то советует поэту одеть сурдинку на язык. Входят шведский и датский товарищи. Их радостно приветствуют. „Наконец-то, ждали, ждали, думали не дождемся“. Шведский товарищ, полный, среднего роста, с одной рукой, продельвая ею весьма своеобразные жесты, спокойно (истинно скандинавское спокойствие) разъясняет причины опоздания. Сыплются вопросы, вспоминаются старые друзья. „А я вам, друзья, привез продовольствие: хлеб, бисквиты, мясо, масло, шоколад, папиросы, сигары! Будем питаться, ведь обедать вряд ли придется“. „Ура, да здравствует шведский союз молодежи“. „Идиоты, дураки“,—ругается румын, отворяя дверь. „Вот так приветствие“. „Да вы мне неверный адрес дали. Нас четыре человека, польский товарищ и представитель III Интернационала. Мы ищем вас часа три. Замерзли“. „Попроси у хозяина кофе, не волнуйся“. „Ну, ладно“. Лишь к вечеру все в сборе. Уже темно. Плохие электрические лампочки тускло светят. Всего на съезде человек 20. Рассаживаемся вокруг стола. Водворяется тишина. Первый съезд молодежи в такой обстановке. Первый конгресс с полным представительством с 1910 г. Первый конгресс, где нет Либкнехта или его послания, где вообще нет „известных“ вождей, но за которым действительно стоят массовые организации пролетарской молодежи. Т. М. открывает съезд, говорит о его задачах и значении. Аплодисментов нет. Здесь не нужно парадов. К делу, к делу. Идут приветствия.

Тов. Массиано, итальянец, участвовавший в январском спартаковском восстании, посидевший почти год в Моабите, перед отъездом на родину, где он выбран в парламент, приветствует съезд. „Я отдохнул в Берлине. Теперь принимаюсь снова за борьбу“. Читают письмо Радека к „военному совету пролетарской молодежи“. Письмо от венгерских коммунистов, сверженных и задавленных. „От несознательности венгерских рабочих погибла Советская республика“, — тихо звучат печальные слова в полутемной комнате. Принимаются приветствия России и протест против белого террора. Начинаются доклады с мест. Подробные. деловые.

За работой.

Мастерская знаменитой немецкой художницы. Гипсовые фигуры, картины по стенам. Стульев нет. Сидим, кто на чем. Каждую минуту раздается условный стук в дверь. Начинаются прения о политическом положении. Спорят ожесточенно, с оттенком юмора. Об основном спора нет. Есть разногласия в мелочах. Каждую речь приходится переводить на французский. Кто-то тянется к шведской корзине с бисквитами. Председатель свирепеет. На лестнице слышны тяжелые шаги нескольких человек. „Тише, молчите“. Все замирают. Шаги удаляются. Заседание продолжается.

... Последний день. Снова какой-то трактир, пожалуй, седьмой по счету. Все в сборе, ждут австрийца. Он опаздывает. „Еле выскочили из квартиры: тайная полиция. У меня там статья осталась, но в ней ничего о конгрессе. Так что можно дальше заседать“. Принципиальные вопросы решены. Обсуждаются организационные: о дне Либкнехта, о международном дне молодежи, об издании журнала на разных языках и т. д. Чувствуется некоторая усталость. Шестой день съезда. „Как будто благополучно“, думаю, „не провалимся же в последний день“. Приближается конец съезда. Настроение становится торжественным. Тов. М. произносит прощальную речь. И даже блестящий организатор немецкого союза, никогда ничего не говорящий, разомкнул свои уста для напутствия уезжающим товарищам. Поем „Интернационал“ шопотом, на всех языках. В сердце загорается жажда борьбы, работы.

Жалко расставаться с этими славными товарищами...

Снова по одному выходим на улицу. Слякоть, дождь, темно. Снова в путь, в дорогу. Снова границы, обстрелы, бегство. Но съезд состоялся. Дело сделано.

„Да здравствует Коммунистический Интернационал Молодежи“, шепчу с радостью, проходя мимо вооруженных маузерами патрулей Носке.

Возвращение.

Домой. Долгий и опасный путь. Снова повторяются кошмарные путевые картины. Пускались в дорогу в сопровождении немецкого товарища. Граница между Германией и одним из северных государств. Маленький немецкий пограничный городок в воскресенье пслон гуляющими немцами, которые с величайшим любопытством осматривают нас. Сажу в комнате кафе и жду немецкого товарища, который пошел организовывать переход, переговорить с рыбаками и местными коммунистами. За соседним столиком сидят русские пленные и дуют в карты. Они тоже бегут из страны. Они уже „цивилизовались“, т.е. облачились в воротнички и галстуки, страшно неуклюже надетые, но время от времени раздаются трехэтажные ругательства, возбуждающие во мне воспоминания о прекрасной родине. Наши пленные в Германии почти все большевики. Страшно хочется обнять их, поговорить с ними, но здесь я не могу, надо быть осторожным. Приходится выслушивать их весьма не лестные отзывы о моей буржуазной одежде и говорить с толстым хозяином кафе о дикости русских.

Товарищ вернулся. Надо идти. Вскидываем вещевые мешки на спины и двигаемся в тишине по узеньким улочкам. Подходим к вокзалу узкоколейной дороги. Проводники уже здесь. Это—члены партии, но вид у них весьма подозрительный и свирепый. Делать нечего. Приходится вручать в их руки свою судьбу и беспрекословно подчиняться каждому их приказанию. В руках у них здоровые дубины, наводящие на весьма грустные размышления.

Часа два едем в маленьком поезде. В вагоне пусто. Все время оглушительно трубит какой-то рожок. На маленькой станции вылезает и, быстро перебежав через освещенную полосу, двигаемся пешком к границе. Проходим мимо полей и заборов, часто попадая в лужи, карабкаясь на навозные кучи. Граница уже близко. Виднеется лес. Здесь уже полоса пограничной охраны. Входим прямо по межам, согнувшись в три погибели. Настроение становится нервным, напряженным. Заходим в лес. Опавшие листья и валежник, покрытые тонким слоем снега, хрустят под ногами. Проклятая луна, улыбаясь своей глупой физиономией, ежеминутно вылезает из облаков, не обращая внимания на наши ругательства. Приходится лежать, пока она снова не исчезнет. Один из проводников часто уходит вперед на разведку. С затаенным дыханием ждем его возвращения и медленно продвигаемся. Первые немецкие посты мы уже миновали. Лес редет.

— Вот граница,—показывают проводники, указывая на темнеющее поле, покрытое холмами.—Если будут стрелять,—ложитесь. Если поймут, мы с вами незнакомы, вышли на прогулку.

Двигаемся на четвереньках вперед. Поле покрыто лужами. Что-то зазвенело. Это первое проволочное ограждение. Осторожно перелезаем. Кто-то зацепился и повис. Отрываем и сразу падаем в ров, наполненный водой. Встаем мокрые с ног до головы и делаем перебежку по лужам до следующего проволочного ограждения.

— Стойте, стойте,—взволнованно шепчет немецкий товарищ. Кто-то идет. Ложитесь прямо в воду.

Слышны шаги и разговоры. Это часовой гуляет на посту с дамой своего сердца. Оба нежно воркуют.

— Будь они прокляты, дьяволы! Не шумите.

Шаги и говор удаляются. Подымаемся и прем на какую-то возвышенность. Руки исцарапаны проволокой до крови. Великолепные костюмы, спасающие от назойливости шпиков, покрыты грязью. Уже часов двенадцать ночи. Ушли уже из Германии.

— Мы уходим домой,—заявляют проводники.

— Но как же нам дальше итти? Мы не знаем дороги...

Призывы к партийной совести не действуют, и я со своим спутником остаемся одни. Осматривая на четвереньках местность и решив, что куда-нибудь надо итти, пускаемся галопом по вспаханному полю. Мчится курьерский поезд из Германии, издали видны вагоны и лица в освещенных окнах. „Вот счастливы, едут с паспортами, без задержек. Буржуи проклятые!“ Нашли какое-то шоссе, идем по нем, но недолго. Появляется большое множество патрулей на велосипедах. Фонарики поминутно мчатся по удобной дороге. Едут военные автомобили. Идем полем. Лежим в рвах и глубоких лужах, ожидая, пока они проедут. Снег и ветер усиливаются. Поднимается вьюга. Уже часов пять утра. Темно, города никакого не видно, а к крестьянам ходить опасно. Мой спутник сидит под кустом и дрожит от холода. Он весь белый от снега и синий. Больше итти не может. Продувает насквозь. Сидим и ждем утра.

— Эх, за одну папироску брюки отдал бы,—вырывается у немца.

— Все равно, курить нельзя, огонек увидят.

Щиплем друг друга, чтобы не уснуть, ибо тогда замерзнем.

Наконец, светает. Издали показывается купол ратуши небольшого городка. Снег перестает падать. Через пригородный парк приходим в город.

— Да это город Г. Я здесь был, пойдем!—воскликнул немец.

Мы спасены.

ПОСЛЕДНИЕ ЭТАПЫ

Второй конгресс КИМ (1921 г.).
Третий конгресс КИМ (1922 г.).

Документы и материалы.

46. Борьба швейцарского союза молодежи за присоединение к Коминтерну.
47. Возникновение и первые шаги Комсомода в Чехо-Словакии.
48. Возникновение австрийского Комсомола и его борьба с центристами.
49. Из резолюции II конгресса КИМ о взаимоотношениях между комсомолами и компартиями.
50. Из резолюции II конгресса КИМ об экономической борьбе.
51. Из резолюции II конгресса КИМ об организационном строительстве.
52. Борьба за „единый фронт“.
53. Значение III конгресса КИМ.
54. Постановления III конгресса КИМ.
55. Детские коммунистические группы.
56. Антиимпериалистическое воззвание Коммунистического Союза Молодежи Франции.
57. В подпольи.

Второй конгресс КИМ (1921 г.).

В 1919 году, в момент созыва Первого Берлинского конгресса КИМ, международное объединение революционной молодежи насчитывало всего 14 организаций, политическая физиономия которых зачастую находилась еще в процессе оформления, и связь между которыми была еще чрезвычайно слаба. Берлинский конгресс, принявший программу и устав КИМ и выбравший первый Исполком, открыл собою период объединения сил передовой части пролетарской молодежи под знаменем ясной и определенной коммунистической программы. Период с 1919 г. по 1921 г. был наполнен борьбой первой революционной молодежи с старыми соглашательскими вождями, организационным отмежеванием от них, расколами, созданием первых комсомолов. Это был период кипучей политической деятельности, когда задачи политического характера отодвигали на задний план экономическую и просветительную работу. Вся деятельность едва только возникших комсомолов была почти целиком подчинена „политике“. (Док. и мат. №№ 46, 47 и 48).

Положение в КИМ
к 1921 г.

В течение 1919—21 гг. фактически создавался Коммунистический Интернационал Молодежи. В этот период были созданы оплоты КИМ'а в целом ряде стран Запада и отчасти колониального Востока. К середине 1921 г. коммунистические организации молодежи имелись уже в 43 странах; они объединяли около 800 тысяч сознательных юных рабочих, являвшихся передовым авангардом всемирного пролетарского молодняка угнетенных народов Востока.

В такой обстановке состоялся в Москве Второй всемирный конгресс КИМ (9—22 июля 1921 г.). Каковы были основные задачи, стоявшие перед конгрессом? Он

Основные задачи
Второго конгресса
КИМ.

должен был: 1) тщательно учесть политическую обстановку и положение во всемирном рабочем движении, 2) определить роль комсомолов в общем коммунистическом движении и 3) наметить вытекающие из общего политического положения и из основной

роли комсомолов ближайшие, непосредственные задачи коммунистического юношеского движения. Все задачи, стоявшие перед конгрессом, предстояло разрешить в чисто-коммунистическом духе, в тесной связи с решениями III конгресса Коминтерна, состоявшегося незадолго до II конгресса КИМ'а.

**Второй конгресс
КИМ об общем
положении и о
роли комсомолов.**

II конгресс КИМ имел перед собой существующие уже почти во всех странах мира комсомолы, которые закалились в революционных боях последних лет, которые объединяли сознательных юных коммунистов, но не сумели еще вовлечь в свои ряды широкие слои юных пролетариев, не сумели взять в свои руки руководства многотысячными массами неорганизованного или организованного в меньшевистские союзы пролетарского молодняка. Почему комсомолы не могли до 1921 г. завоевать широких масс молодежи? Потому что они, в силу отсутствия до 1920—21 гг. в большинстве стран прочных компартий, должны были ограничиваться чисто-политической работой, как бы „замещающая“ несуществующие еще коммунистические организации взрослого пролетариата; уклон в сторону „чистой политики“ вызвал ослабление воспитательной работы среди широких масс молодежи и работы по защите массовых экономических интересов; это последнее обстоятельство значительно ослабляло влияние комсомолов как раз среди рабочей молодежи. Но если уклон комсомолов в сторону чисто-политической деятельности был нужен и целесообразен до 1920—21 гг., то он стал не нужен и опасен в тот момент, когда в большинстве стран образовались уже прочные, крепкие компартии. Именно в этом смысле и высказался II конгресс КИМ. Он признал, что основной задачей комсомолов в новых условиях (т.-е. в условиях уже сложившегося коммунистического движения среди взрослых рабочих) является завоевание широких несознательных масс рабочей молодежи и их коммунистическое воспитание. Лозунг „ближе к массам рабочей молодежи“—вот основной лозунг II конгресса КИМ. Само собою разумеется, что этот лозунг предполагал пересмотр взаимоотношений между комсомолами и компартиями в смысле политического подчинения первых вторым. (Док. и мат. № 49).

**Второй конгресс
КИМ о задачах
комсомолов.**

Преобразование коммунистического юношеского движения в движение массовое предполагало развитие комсомолами энергичной экономической борьбы, как одного из основных средств вовлечения в коммунистические ряды широких масс юных пролетариев. Указав на то, что коренное изменение

положения рабочей молодежи (социалистическая реорганизация юношеского труда) возможно лишь при условии свержения капиталистического строя, II конгресс КИМ в то же время отметил необходимость использования экономического движения пролетарского юношества и разработал в общих чертах программу экономических требований, которые должны были в дальнейшем лечь в основу экономической работы КСМ. (Док. и мат. № 50).

Далее, конгресс отметил огромное значение политически-просветительной работы в деле завоевания широких масс рабочей молодежи на сторону коммунизма; он отметил, что превращение КСМ в массовые организации выдвигает опасность ухудшения их качества; эта опасность может быть устранена лишь в случае энергичного развития политически-просветительной работы на массовой основе.

Для новой работы, которую должны выполнять КСМ, нужна соответствующая новая организационная база. Указав на необходимость усиления строительства организационного аппарата, улучшения его работы, повышения дисциплины и т. д., конгресс признал необходимым повсеместный переход к системе фабрично-заводских ячеек; при этом перестройка КСМ по принципу ячеек должна проводиться осторожно и планомерно, но энергично. (Док. и мат. № 51).

II конгресс выбрал новый исполком, перенес его местопребывание из Берлина в Москву; тем самым была создана почва для тесного сотрудничества между исполкомами КИМ и Коминтерна.

Третий конгресс КИМ (1922 г.).

Решения Второго конгресса явились той платформой, на которую постепенно переходили все юношеские организации, входящие в состав КИМ. Разумеется, поворот от чисто политической борьбы к повседневной, будничной экономической и просветительной работе в широких массах рабочей молодежи не мог совершиться сразу. Потребовался целый год, пока отдельные комсомолы правильно усвоили дух решений Второго конгресса и наметили—применительно к объективным условиям каждой отдельной страны—план перевода всего своего аппарата на работу в многотысячных массах рабочей молодежи. Завоевание широких масс молодежи на сторону коммунизма оказалось отнюдь не легким делом. Пришлось ломать все старые методы работы; пришлось преодолевать стихийный и естественный консерватизм (приверженность к старому) со стороны старых работников союзов, привыкших к чисто-поли-

**Положение в КИМ
после Второго
конгресса.**

тическим формам деятельности; пришлось, наконец, шаг за шагом, с величайшей осторожностью, продвигаться вперед по новому, намеченному II-ым конгрессом, пути. Во всяком случае, к середине 1922 года можно было отметить уже одно крупное достижение: если решения II-го конгресса и не были еще проведены в жизнь, если комсомолам и не удалось еще развернуть в нужной мере свою массовую экономическую и просветительную работу, если к организации фабрично-заводских ячеек еще и не было приступлено почти нигде,—то, по крайней мере, большинство работников западных КСМ успело уже правильно усвоить смысл и значение решений Второго конгресса и понять необходимость их практического, не на словах только, осуществления.

Практической школой, в которой работники западно-европейских КСМ впервые уяснили себе дух основных постановлений II-го конгресса, была кампания за „единый фронт“, начавшая разворачиваться почти повсюду с весны 1922 г. и достигшая наибольшего развития в Германии.

Исполком КИМ, в связи с проводимой Коминтерном кампанией за „единый фронт“, предложил исполкомам Второго и 2^{1/2}-ного Интернационалов Молодежи*) начать совместную („единым фронтом“) борьбу против угнетения рабочей молодежи и ее растущего обнищания; для начала Исполком КИМ предложил созвать всемирный конгресс всех организаций рабочей молодежи, без различия политического направления, который разработал бы подробную программу требований рабочей молодежи и наметил бы план ее дальнейших выступлений на арене экономической борьбы. Выступая с таким предложением, Исполком КИМ имел в виду, во первых, способствовать созданию мощного „единого фронта“ всей рабочей молодежи; во вторых — разоблачить предательское поведение вождей II и 2^{1/2}-ного Интернационалов Молодежи и в ходе непосредственной борьбы показать самым широким слоям молодежи, что только КИМ способен последовательно проводить упорную защиту их ближайших экономических интересов. Как отвечали на предложение КИМ социал-демократические (примыкающие ко II Интернационалу) и центристские (примыкающие к 2^{1/2}-ному Интернационалу) союзы молодежи? Некоторые из этих организаций, под давлением своих

*) Второй Интернационал Молодежи — международное объединение рабочей молодежи, возглавляемое меньшевистскими вождями. 2^{1/2}-ный Интернационал Молодежи — распавшееся в конце 1922 г. международное объединение рабочей молодежи, занимавшее промежуточное между Вторым Интернационалом Молодежи и КИМ.

рядовых пролетарских членов высказались за „единый фронт“ и за созыв всемирного конгресса рабочей молодежи; так поступили, например, член соц.-дем. союза „Молодой гвардии“ в Бельгии, чешские юнные социал-демократы и другие. Но исполкомы Второго и 2¹/₂-ного Интернационалов Молодежи, объединявшие последовательных, выдержанных вождей-соглашателей, заняли совсем иную позицию. Не решаясь прямо отказаться от сотрудничества с коммунистами (из боязни разоблачить себя перед рядовыми членами своих организаций),—они стали затягивать переговоры с Исполкомом КИМ, всячески саботируя „единый фронт“ и уклоняясь от решительного ответа на предложение коммунистов о созыве всемирного конгресса рабочей молодежи. В конце концов, после ряда проволочек и дипломатических переговоров, затянувшихся на целый ряд месяцев, вожди соглашательских Интернационалов Молодежи отказались от участия во всемирном конгрессе и сделали, таким образом, его созыв невозможным. В ходе кампании за „единый фронт“, проведенной западно-европейскими комсомолами в общем и целом весьма умело, соглашательские вожди предстали перед широкими массами рабочей молодежи в самом неприглядном свете. Симпатии рабочей молодежи—даже самых отсталых ее слоев—к КИМ значительно возросли. Первый шаг КИМ на пути к сближению с массами был сделан. Отдельные комсомолы приобрели некоторый опыт в деле разоблачения меньшевистских вождей на основе практической экономической борьбы; в то же время они научились выступать на малознакомом им раньше экономическом поприще. Хотя меньшевистские вожди сорвали единый фронт, коммунисты все же от него не отказались; они начали проводить тактику единого фронта снизу, устанавливая единый фронт с массами социал-демократической рабочей молодежи через головы ее вождей. (Док. и мат. № 52).

В самый разгар кампании за единый фронт—в ноябре 1922 г.—состоялся в Москве III конгресс КИМ. Его значение, именно в связи со срывом меньшевистскими вождями молодежи всемирного конгресса всех рабочих юношеских организаций, было чрезвычайно велико. (Док. и мат. № 53).

Третий конгресс КИМ.

III конгресс КИМ детализировал и конкретизировал резолюции Второго конгресса, решительно высказался за повсеместный переход к системе фабрично-заводских ячеек, постановил продолжать кампанию за единый фронт всей рабочей молодежи (через головы меньшевистских вождей) и наметил план пересмотра устаревшей программы КИМ, принятой Берлинским конгрессом в 1919 г. Он разработал подробнейший список экономических требований и, в связи с вновь

нависшей над человечеством угрозой мировой войны, поставил перед отдельными комсомолами задачу усиления антимилитаристской борьбы. (Док. и мат. № 54).

После третьего
конгресса.

„Если II конгресс Коминтерна Молодежи“ открыл тот новый период в юношеском движении, когда организации коммунистической молодежи во всем мире впервые должны были стать на путь завоевания широких масс рабочей молодежи, то III конгресс уже далеко продвинулся по этому пути“. (О. Тарханов). В 1922 г. КИМ охватывал уже 760 тысяч членов и 250 тысяч сочувствующих; со времени Берлинского конгресса в 1919 г. число членов КИМ учетверилось, а число стран, втянутых в коммунистическое юношеское движение, увеличилось с 14 до 60. Главное внимание коммунистических юношеских организаций направлено сейчас на завоевание масс; этой цели служат и экономическая, и просветительная, и все прочие виды. Первостепенное значение имеет работа в деревне и работа среди молодежи угнетенных народностей Востока. Антимилитаристская работа, приобретшая особую важность в 1923 году в связи с оккупацией Рура французскими войсками, также требует чрезвычайно много сил и внимания. Целый ряд комсомолов работает в глухом подполье под гнетом жесточайшего белого террора; здесь перед ними стоят особые задачи.

Из всех этих многочисленных и разнообразных элементов складывается деятельность КИМ в настоящее время. (Док. и мат. №№ 55, 56 и 57).

Документы и материалы.

46. Борьба швейцарского Союза Молодежи за присоединение к Коминтерну

I. Резолюция ЦК швейцарского Союза Соц. Мол., принятая по предложению т. Эмбер-Дроза 25—I—1920 г.

„Союз Социалистической Молодежи Швейцарии провозглашает свою полную независимость по отношению к какой бы то ни было партии. Он хочет служить социализму в тесном контакте с революционным, классово-сознательным пролетариатом, объединенным в Третий Интернационал“.

II. Отрывки из резолюции общешвейцарского съезда Союза Соц. Молодежи (Пасха 1920 г.).

„Соц.-дем. партия Швейцарии по своим методам борьбы и по своему внутреннему строению является чисто мелкобуржуазной политической организацией, построенной на началах, которые имели свое оправдание и основание в дореволюционную эпоху, но теперь устарели и придают партии все более реакционный характер, делают ее тормозом революционного движения... В противоположность партии, Союз Соц. Молодежи Швейцарии стал во всей своей деятельности на революционную почву. Тем самым он стал одновременно на платформу III Интернационала. Союз вступает ныне в присоединившийся к последнему Коммунистический Интернационал Молодежи. Эта политическая позиция не позволяет Союзу впредь оставаться в организационной связи с такой партией, как соц.-дем. партия Швейцарии. Союз заявляет о своей полной организационной независимости по отношению к ней, как и ко всякой другой политической партии... Само собой разумеется, что Союз Соц. Молодежи будет работать в полном контакте с левыми товарищами из соц.-дем. партии Швейцарии и с товарищами из коммунистической партии, поскольку таковые имеются где-либо в отдельности или в виде групп“.

III. Воззвание ЦК Союза Соц. Мол. Швейцарии (сентября 1920 г.):

Товарищи юноши и девушки!

Борьба за присоединение к III Интернационалу вновь разгорелась в недрах социал-демократической партии.

Мы, уже присоединившиеся к III Интернационалу, не должны в этой борьбе стоять пассивно в стороне; на нас лежит обязанность приложить всю нашу энергию для того, чтобы революционная часть швейцарских рабочих примкнула к III Интернационалу.

Мы признаем программу III Интернационала. Мы признаем также и постановления, принятые 2 всемирным конгрессом III Интернационала, и приветствуем выставленные им условия приема в Интернационал. Мы их приветствуем, ибо они служат нам порукой в том, что революционный дух III Интернационала не будет ослаблен исключением реформистского крыла.

Действовать — это требование момента! Дело идет о том, чтобы начать беспощадную борьбу против правого крыла и центра партии.

Надо позаботиться о том, чтобы идеи и принципы III Интернационала были внесены в широкие слои рабочих.

Мы призываем вас, поэтому, повсюду примыкать к коммунистической партии и к левому крылу социал-демократической партии. Там, где еще не имеется секций коммунистической партии Швейцарии, или где левое крыло еще не организовалось, на обязанности вас, молодежи, лежит позаботиться о том, чтобы организовать эти группы.

Завоеванная нами самостоятельность дает нам возможность работать и за пределами узких партийных рамок. Позаботимся о том, чтобы всецело использовать эту позицию. Принимайте активное участие во всех собраниях, организованных коммунистической партией Швейцарии или левым крылом социал-демократической партии. Призывайте ваших сверстников устраивать подобные собрания. Если это невозможно, то организуйте их сами. Настаивайте на том, чтобы собрания эти, когда только возможно, устраивались совместно вами, коммунистической партией Швейцарии и левым крылом социал-демократической партии. Выступайте повсюду за единый революционный фронт швейцарского рабочего класса. Если левое крыло соц.-дем. партии проявит нерешительность, толкайте его, заставляйте его действовать.

За работу! Да здравствует III Интернационал! Да здравствуют революционные рабочие Швейцарии!

Да здравствует Мировая Революция!

Базель, 21 сентября 1920 г.

Центральный Комитет Социалистической
Организации Молодежи.

Председатель Ф. Зульцбахнер.

Секретарь Е. Арнольд.

IV. Резолюция с'езда швейцарской соц.-дем. партии (декабрь 1921 г.).

„Центральный Комитет партии, ознакомившись с отчетом о переговорах с представителями Союза Социалистической Молодежи, касающихся отношений между социал-демократической партией Швейцарии и Союзом Соц. Мол., постановляет, что пока Союз Соц. Мол. продолжает придерживаться резолюции Эмбер-Дроза, невозможны переговоры об общности отношений. Социалистическая организация молодежи, признавая эту резолюцию в качестве обязательной директивы для своих выступлений, ставит себя во всех отношениях вне партии.

Поддержку ее стремлениям можно оказывать лишь от случая к случаю, поскольку это совпадает со стремлениями всей партии“.

47. Возникновение и первые шаги Комсомола в Чехо-Словакии.

Начатки коммунистического движения молодежи в Чехо-Словакии относятся к 1919 году. В этом году состоялась конференция, положившая начало немецкому социал-демократическому союзу молодежи *). Она была делом рук Иосифа Гофбауэра, ставившего себе задачей объединить в новый союз осколки бывшего Союза Рабочей Молодежи, оставшиеся в пределах вновь созданной Чехо-Словацкой республики. Сама по себе, это была прекрасная идея. Но Гофбауэр был воспитанником Союза Рабочей Молодежи, и весьма понятно, что он мечтал создать новую организацию по образцу старой. Это должна была быть просветительная организация в социал-демократическом духе.

Отсюда ясно, почему, вопреки напряженной политической атмосфере, учредительная конференция постаралась остаться в стороне от политических вопросов. За ее стенами молодежи приходилось выполнять большую политическую работу; прежде всего—бороться против национализма и против гражданского мира с буржуазией. Но юные делегаты не должны были принимать политических резолюций. „Нейтралитет“—вот лозунг, под которым прошла конференция. Однако, некоторые товарищи все же этому воспротивились. Хотя и не вполне ясно, но мужественно и серьезно поставили они во-

*) В Чехо-Словакии, населенной целым рядом народностей, имелись отдельные немецкие, чешские, словацкие и венгерские организации рабочей молодежи.

просы: „направо или налево“—„Гражданский мир с буржуазией или классовая борьба?“ „Забота о молодежи или движение молодежи?“ — „Мнимый интернационализм или присоединение к Интернационалу Молодежи?“ Это выступление, конечно, не вязалось с намерениями Гофбауэра.

Так впервые прозвучали голоса оппозиции.

Гофбауэр их задушил. В ту пору это не было трудно. Отсутствие информации о положении вещей в других странах было причиной неуверенности, скользившей в речах наших товарищей. Гофбауэр сумел противопоставить им все имевшиеся в его распоряжении орудия демагогии. Он—этот благородный человек „джентельменской“ внешности, некурящий, непьющий, с поэтическими зачесанными волосами,—не постеснялся, вопреки своему лоску, назвать Макса Гельца „атаманом разбойничьей шайки“. Вопреки своей „этической чистоте“, он, будучи главным редактором социал-демократической газеты „Фрейхейт“, помещал на ее страницах одну ложь за другою, направляя свою клеветническую кампанию против коммунистической молодежи. О, он прекрасно сумел доказать юным делегатам, что незачем им толковать по политическим вопросам. „Образование, образование, образование! Политику и борьбу предоставьте старикам!“

Однако, вскоре оказалось, что вся болтовня о „политическом нейтралитете“ была только болтовней. Гофбауэр поместил на страницах союзного органа „Молодой Мир“ длинную статью, посвященную Коммунистическому Интернационалу Молодежи, который в то время был единственным юношеским Интернационалом. Он пытался раз'яснить молодежи, что присоединение к этому Интернационалу, исключившему из своей среды крупные социалистические организации молодежи, возможно лишь при принятии ряда условий. Эта статья ни в каком смысле не была аполитична и раскрывала подлинную „суть“ гофбауэрского нейтралитета.

Возникновение оппозиционных групп.

В это время наши товарищи усердно работали в своих организациях, готовя их к исторической роли в оппозиционном движении. Это происходило в округах Юго-западной Чехии и Рейхенберге (северная Чехия).

Юго-западная Чехия была первым округом, целиком перешедшим на сторону оппозиции. Областная конференция, созванная в ту пору, знаменовала не только поворот в развитии данного округа, но и союза в целом. Гофбауэр и его товарищи, призвавшие себе на помощь почтенных партийных вождей, лезли из кожи, чтобы сохранить свое влияние в округе. Все

оказалось ни к чему. Вопреки их стараниям, новый руководящий орган был избран в составе оппозиционного большинства. Таким образом, весь округ перешел в руки оппозиции. Это был первый крупный успех, значение которого усиливалось еще тем, что руководитель округа был членом Главного Комитета союза.

Не столь благоприятно сложились обстоятельства в Рейхенберге. В этом округе мы начали работать лишь в ноябре 1920 года, когда было решено присоединиться к Коммунистическому Интернационалу Молодежи. Здесь оппозиция развивалась значительно медленнее. Одной из главных причин, мешавших успеху, было отсутствие единства в руководящих оппозиционных кругах этого района.

Недостаток централизации, отсутствие связей было вообще слабой стороной оппозиции. Фактически не только в западной Богемии и Рейхенберге, но и вне этих районов существовало еще очень и очень много оппозиционных групп, но они не были связаны между собою. К тому же не было, в сущности говоря, никакой связи и с Интернационалом Молодежи. Только один товарищ поддерживал контакт с венским подсекретариатом КИМ'а, но он не использовал этой связи в интересах объединения всей оппозиции.

К числу мест, особенно резко чувствовавших недостаток связи, принадлежала пражская группа, которая с самого начала находилась в оппозиции к Главному Комитету союза. Эта группа была основана двумя германскими и одним местным товарищем. Двое германских товарищей принадлежали к оппозиционной германской молодежи во время войны; один из них получил (еще будучи 16 летним юношей) два года тюрьмы в результате дрезденского процесса 1917-го года, когда ему было предъявлено обвинение в государственной измене. Другой тоже познал, что такое германское правосудие. Этим отчасти объясняется, почему пражская группа с самого начала занимала вполне определенную позицию, руководясь программой тогдашней свободной социалистической молодежи Германии. Этому соответствовала враждебная позиция, занятая в отношении группы в момент ее основания официальными (правыми) партийными кругами. Нужно, впрочем, сознаться, что и находившиеся на „левом крыле“ товарищи, большинство которых стоит теперь в рядах коммунистической партии, качали головами по поводу большевистских настроений недавно основанной группы. Партия усматривала в ней опасность и требовала от нас капитуляции. Нас старались подкупить, обещая солидную финансовую поддержку, если мы сдадимся. Тщетно! На наши вечерние собрания подсылались люди, которые пытались вначале добром, потом угрозами уговорить нас или запугать. И в том и в другом случае они уходили, не солоно

хлебавши. Тогда партийные вожди обратились в Главный Комитет союза с требованием о принятии мер против нашей деятельности. Тщетно! Главный Комитет радовался, что Прага находится далеко и не понесет отравы в другие районы...

Но он заблуждался. Пражская группа поставила себе задачей вести агитацию в пользу оппозиции вне пределов своего района, проповедуя присоединение к Коммунистическому Интернационалу Молодежи и объединение всего чехо-словацкого движения без различия языковых групп.

В январе 1920 года мы устроили собрание и, — на основании с трудом добытых сведений о состоянии организаций молодежи, об общем положении и перспективах оппозиции, — выработали подробный доклад для Исполкома КИМ'а, послав его в Берлин. Если бы Исполком КИМ'а был уже в Москве, то это привело бы нас в отчаяние, потому что найти средства для поездки в Москву для нас было почти невозможно. Каждый из нас откладывал сколько возможно, пока не собралась сумма, необходимая на покрытие расходов нашего делегата. Наконец, мы смогли снарядить в путь товарища, — как раз того самого, который был присужден в Дрездене к двум годам тюрьмы. Он знал Германию и, кроме того, был знаком с одним членом Исполкома, тоже уроженцем Дрездена. Сопутствуемый нашими добрыми пожеланиями, он отправился в путь. Мы напряженно ждали. Как-то его примут? Доверятся ли ему? Выйдет ли что-нибудь из этого?

Действительность превзошла наши ожидания. Исполком тотчас же выпустил для нас газету „Авангард“ с тиражем в 2.000 экзempl. Эта газета должна была служить нам пособием в работе. Товарищ переправил ее через границу обычным способом, каким пользуются для „нелегального транспорта“. Это еще больше возвысило его в наших глазах. Между тем, дело было очень несложно. Он сумел завязать знакомство с пограничным „стражем республики“, который в конце-концов дал себя подкупить... Испорченность нравов, как известно, — благословение демократии...

Негодование социал-демократических жрецов не помешало нам распространить газету. Однако, нам было ясно, что нам не удастся издавать ее у себя. Конечно, мы могли в качестве определенной группы издавать газету (что мы и делали позднее, выпуская ежемесячный информационный бюллетень „Голос Молодежи“), но издание подпольной газеты для всей союзной оппозиции казалось нам тогда по многим причинам невозможным. Таким образом, в стране был распространен только один номер „Авангарда“. Благодаря этому, была установлена связь между нами и целым рядом оппозиционных групп. Мы могли приступить к работе. Адресованный нам циркуляр Исполкома значительно поднял нас в наших собственных глазах.

В ту пору у нас уже имелся целый ряд адресов оппозиционных групп из окраинных немецких районов Чехии, и мы решили послать одного из товарищей со специальным поручением — войти в непосредственное общение с этими организациями. Средства для этого опять-таки приходилось добывать нам самим. Поступления на газету были еще незначительны, что было в порядке вещей при отсутствии организационного аппарата. Мы набили чемодан нашего нового делегата пачками „Авангарда“ и „Голоса Молодежи“, и в марте 1920 г. товарищ выехал. Сначала он отправился в южную Чехию, затем в западную, вплоть до Боденбаха, где тогда издавалась коммунистическая газета, которая, несмотря на сомнительную постановку, все же иногда содержала в себе полезный материал.

Приятная новость ждала его в Клейнвеле, недалеко от Боденбаха. Вся тамошняя группа была на стороне оппозиции. Там был устроен реферат на тему „Что такое Коминтерн Молодежи и чего он добивается“. В качестве докладчика выступил наш товарищ; после своего доклада он предложил резолюцию в резко-оппозиционном духе. В то время, как реферат нашего товарища был горячо встречен аудиторией, ответом на речь Гофбауэра было ледяное молчание. Ему даже не дали возможности выступить со своим содокладом и предложили воспользоваться десятью минутами, которые отводятся в прениях любому участнику собрания... Сторонники Гофбауэра пытались в своих речах клеветать на пражскую группу, но и это не помогло. Клейнвельские товарищи остались на стороне оппозиции. Малочисленная, но сильная клейнвельская организация и по сей день считается одной из лучших в нашем союзе.

Ренегаты были уже и тогда. Я припоминаю одного, говорившего: „Мы на стороне оппозиции, но вы заходите слишком далеко; мы с левыми, но партия не должна раскалываться, ибо это было бы преступлением“.

Первая конференция оппозиции.

Результаты поездки, принимая во внимание тогдашнюю обстановку, нужно признать удовлетворительными. Были заложены основы для подготовки конференции оппозиции. Мы работали в тесном общении с Исполкомом и с Венским подсекретариатом, посылали доклады о положении нашего движения, освещали политическую и экономическую жизнь страны. Мы завязали сношения с чешскими, немецкими и венгерскими товарищами. Те из нас, кто владел чешским языком, принимали участие в работе чешских организаций, участвовавших в движении. Благодаря этому, мы имели возможность придать „меж-

дународный" характер уже нашей первой конференции. После предварительных переговоров в июле 1920 года состоялась первая конференция немецких оппозиционных групп в Чехо-Словакии с участием чешских и венгерских товарищей. Послал своего представителя и Исполком, что, конечно, нас особенно радовало. В конференции приняли участие 25 делегатов из различных округов Чехии. Настроение царило прекрасное. Мы послали особую делегацию приветствовать русского представителя в лице тов. Гилерсона. Результатом конференции была централизация оппозиции внутри союза, избрание нелегального Центрального Комитета, намечения единой платформы для работы.

Это вызвало под'ем движения. Конечно, извне это не было заметно, потому что мы работали более или менее нелегально. Нелегально и от Главного Комитета, и уж, конечно, от властей. Историческую известность приобрел „Секретариат в белом мешке“. Так как полицейские шпики проявляли к нам необыкновенный интерес, то мы содержали для наших секретарей две квартиры — одну легальную, другую нелегальную. Но и это казалось нам мало надежным. Поэтому весь свой архив мы прятали в большой белый мешок, который можно было в любую минуту перенести в другое место. Мы не делали слишком большого шума, но все же устроились таким образом, что вели отдельную корреспонденцию, издавали самостоятельно циркуляры, выпускали на гектографе информационный бюллетень, распространяли литературу и т. д.

Приключения делегата КИМ'а.

Между тем надвигался чрезвычайный с'езд союза, который должен был сыграть решающую роль. Мы считали необходимым устроить 2-ю конференцию оппозиции, чтобы определить свою тактику.

Первая попытка созыва конференции потерпела крушение, так как, в силу несчастного стечения обстоятельств, целый ряд товарищей не мог явиться в Прагу. Пришлось конференцию отложить. В этот период к нам по пути заехал один из членов Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи. Это было радостью лично для нас и счастьем для движения. Мы сидели с ним и толковали о положении нашей оппозиции. Товарищ все записывал для доклада Исполкому. Он приехал нелегально и нелегально должен был ехать дальше. Мы совместно наметили его маршрут и сговорились о свидании в Вене; он должен был тотчас по прибытии в Вену послать нам письмо. Так как мы долгое время ничего от него не получали, то стали опасаться, что он арестован. Наши опа-

сения оправдались по получении письма (не слишком вежливого), написанного его спутником. К сожалению, последний даже не сообщил, где находится арестованный товарищ, благодаря чему мы не могли добиваться его освобождения. Следующее письмо было в примирительном тоне. Нам предлагалось предпринять „шаги к быстрому излечению больного товарища“ (читай: „быстрому освобождению арестованного товарища“). По счастливой случайности, товарищ вскоре был выпущен на свободу и выслан в немецкую Австрию.

Вторая конференция.

Наконец, после интернациональной конференции Юго-Вост. Европы нам удалось созвать вторую конференцию нашей оппозиции. Мы предполагали собраться в одном великолепном клубе, но до наших ушей дошло, что префект полиции об этом информирован, и потому мы решили собраться в лесу. На 2-ой конференции было больше участников, чем на первой. Движение наше за это время разрослось. Кроме делегатов, на конференции присутствовал представитель Исполкома, член Венского секретариата и представитель словацкого социал-демократического союза молодежи, уже примкнувшего в тот период к Коммунистическому Интернационалу Молодежи. Работа 2-ой конференции была плодотворной. Это была последняя конференция оппозиции, потому что уже на чрезвычайном съезде союза в Карлсбаде, в ноябре 1920 г., мы одержали победу. Этим завершилась историческая задача оппозиции. Создание чехо-словацкого союза коммунистической молодежи стало совершившимся фактом.

Вскоре тяжелый удар обрушился на только что основанный союз: он подвергся беспощадным преследованиям. Тем не менее, работа продолжалась, хоть и в очень тяжелых условиях. Предстояло еще выполнить крупную историческую задачу: добиться международного объединения всех революционных организаций молодежи в Чехо-Словакии. Предстояло слить в единую организацию союзы немецкий, словацкий и чешский, тоже примкнувший к КИМ в октябре 1920 г.

Велась подготовительная работа. В феврале 1921 года в Праге состоялся объединительный съезд. С тех пор наша страна является ареной международного коммунистического движения молодежи, в рамках которого сообща работают чехи, немцы и словаки.

(Из статьи тов. Михалеца).

48. Возникновение австрийского Комсомола и его борьба с центристами.

(Доклад тов. Шиллера на I-ом конгрессе КИМ и прения по докладу).

Шиллер: Наша организация — самая молодая из всех здесь представленных. Комсомол Австрии только недавно возник; он развился из оппозиционного меньшинства, отколовшегося или исключенного во время войны из „Союза молодых рабочих Немецкой Австрии“. Этот последний союз всегда был чисто-просветительной и чисто-воспитательной организацией, не проявлявшей политической активности. Оппозиция зародилась внутри этого союза после Бернской конференции (1915 г.), к решениям которой большинство членов союза во главе с союзным секретарем Даннебергом, не примкнуло... Полиция препятствовала исключенным и отколовшимся (оппозиционным) группам образовать новый союз. Легальной платформой для нелегальной работы всех этих оппозиционных групп было „Свободное Обединение социалистических студентов“.

Во время январской забастовки 1918 года, которая знаменовала собою расцвет революционных настроений среди австрийского пролетариата, революционная молодежь широко проявила свою активность; но новая волна реакции почти совсем разрушила наши организации. После освобождения политических заключенных в октябре 1918 года были сделаны новые попытки организовать революционный союз молодежи, но это было затруднительно, так как почти все руководящие силы молодежи посвятили себя строительству австрийской компартии. Все же небольшой „Коммунистический союз молодежи“ принимал деятельное участие во всех (политических) кампаниях... В августе 1919 года состоялась конференция, на которой и был окончательно создан „Союз коммунистической пролетарской молодежи“, приняты программа и устав и проч... Отношения (нового союза) с компартией еще не совсем ясны, так как молодежь не может примириться с программой и тактикой компартии, чересчур ориентирующейся направо...

Союз насчитывает в настоящее время 1.000 членов в 20 секциях; газета выходит раз в две недели с тиражем в 2.000 экземпляров.

По докладу тов. Шиллера берет слово **т. Полаано** (Италия), который ставит вопрос, почему на Берлинский конгресс не был приглашен „Союз молодых рабочих Немецкой Австрии“. — Австрийский союз, — заявляет т. Полаано, — находился раньше в составе юношеского Интернационала и до сих пор не был исключен из него.

Мюнценберг: Временный комитет (по созыву Берлинского конгресса) имел веские основания, чтобы не приглашать союза на конгресс. Во-первых, задачи, которые стоят перед конгрессом, не позволяли нам вступать в долгие переговоры о вопросах, получивших свое решение еще во время войны. По этой же причине не приглашены также голландский, шведский и германский соц.-дем. союзы молодежи. Во-вторых, мы приглашали центристские организации молодежи лишь из тех стран, где еще не имеется чисто-коммунистических организаций. Например, из Америки и Франции мы приглашали центристов, а из Германии не приглашали.

Полано вновь предлагает еще до окончания конгресса пригласить представителей австрийского союза, чтобы дать им возможность оправдаться.—Последний съезд союза,—сообщает т. Полано,—принял декларацию, сочувственную Сов. России.

Мюнценберг: Здесь перед нами не юридический вопрос, а политический. Союз имел возможность послать своих представителей на Бернскую конференцию (в 1915 г.) и защитить свое поведение во время войны. Но он этого не сделал... Своими действиями союз поставил себя вне юношеского Интернационала... Поэтому я предлагаю отклонить предложение о приглашении союза на настоящий конгресс.

Бланк: Австрийцы знали, что предстоит конгресс и что их не собираются приглашать. Но они ничего (против этого) не предпринимали.

Шиллер: Да, конечно, союз когда-то был принят в Интернационал. Но ведь это было девять лет тому назад, и что это были за годы! Развитие союза не поспевало за бегом этих лет. Это именно и заставило нас организовать особый коммунистический союз. Мы внесли предложение о неприглашении (старого) союза на конгресс. Это предложение было отвергнуто на предварительной конференции в Вене*) при одном голосе „против“ и двух воздержавшихся; однако, избранный на том же заседании конференции временный комитет, ознакомившись с материалами, согласился с нашим предложением.

Шацкий: Я должен сказать, что с представителями организации, которая стоит на той же идеологической платформе, что наши главные враги меньшевики,—с представителями такой организации я не могу сесть за один стол.

Самуэльсон: Я согласен с Мюнценбергом. Нам также мало нужен здесь австрийский „Союз молодых рабочих“, как и наш шведский соц.-дем. союз молодежи.

Полано: Я согласен с товарищем Шацкиным. Но ведь австрийский союз все же был сперва приглашен (на августов-

*) В Вене в августе 1919 года происходила предварительная конференция, подготовлявшая созыв Берлинского конгресса КИМ.

скую конференцию в Вене). Что же изменилось с тех пор? Все мы коммунисты и не хотим видеть среди нас социал-предателей, но должны же быть ясность и справедливость.

Мюнценберг: Из последних слов тов. Полано вытекает, что он не вполне знаком с имеющимися материалами и недостаточно внимательно следил за развитием дискуссии. Я предлагаю, чтобы в перерыве его ознакомили с вопросом.

(Объявляется перерыв, во время которого тов. Полано знакомится с фактическим материалом о „Союзе молодых рабочих Нем. Австрии“. После этого тов. Полано снимает свое предложение).

(„Отчет первого конгресса КИМ“).

49. Из резолюции II конгресса КИМ о взаимоотношениях между комсомолами и компартиями.

... „Прежний период деятельности революционного юношеского движения (1915—1921 гг.) заканчивается и характеризуется самостоятельной, а иногда и изолированной борьбой небольших, но революционных групп пролетарской молодежи с войной и патриотизмом, их активным участием в создании коммунистических партий, их полной политической и организационной независимостью от общепролетарского движения.

С созданием и укреплением Коммунистического Интернационала и коммунистических партий в отдельных странах роль коммунистических юношеских организаций в общепролетарском движении коренным образом меняется. Сохраняя свою, приобретенную в прежние годы, политическую активность, отличающую их от социал-патриотических и центристских юношеских организаций, — КСМ ставят в настоящее время своей основной задачей: превращение из узких, охватывающих лишь небольшое количество политически высоко сознательных товарищей, организаций в широкие массовые организации, коммунистически воспитывающие сотни тысяч и миллионы юных пролетариев.

КСМ будет и впредь обсуждать политические вопросы, высказывать свое мнение по ним и внутри партии участвовать в партийной работе. Но выполнение их основной задачи требует перенесения центра тяжести работы КСМ с политически-тактических вопросов, являющихся содержанием деятельности коммунистических партий, на вопросы труда, борьбы и революционного воспитания молодежи, а также изменения методов, масштаба и организационных форм всей работы.

Новый период деятельности КСМ требует новых форм взаимоотношений между ними и КП, теснейшего сближения между обеими организациями. Политическое подчинение комму-

нистическим партиям, единственным руководителям всех частей революционного пролетариата, сохранение организационной автономии и создание тесной повседневной связи в совместной борьбе и работе—таковы в основном эти формы“.

50. Из резолюции II конгресса КИМ об экономической борьбе.

6. Экономическая борьба рабочей молодежи может вестись только при ясном сознании, что при капиталистическом строе невозможно коренное изменение их положения, так как капиталистическое производство построено на принципе наживы, а потому буржуазия, особенно в эпоху распада капиталистического строя, будет вынуждена еще в большей степени создать из пролетарской молодежи предмет эксплуатации. Только путем участия в борьбе за освобождение всего рабочего класса от капиталистического ига рабочая молодежь также окончательно освободится и создаст новые формы труда молодежи. Массовая организация труда пролетарской молодежи (как, например, занятия всей молодежи до 18-летнего возраста трудом с просветительными целями) будет возможна только при установлении пролетарской диктатуры. Борьба рабочей молодежи за экономические требования так же, как экономическая борьба всего рабочего класса, имеет только смысл тогда, если она выливается в великую политическую революционную борьбу.

7. Коммунистический Интернационал Молодежи, как объединение слоев пролетариата, обладающих классовым самосознанием, ставит своей задачей объединение рабочей молодежи для этой борьбы, воспитание и подготовку ее. Коминтерн Молодежи обязан поддерживать и поощрять всеми средствами борьбу за экономические частичные требования, вытекающие из жизненных интересов пролетарской молодежи, не считаясь с интересами капиталистического хозяйства. Должно быть сделано все, чтобы возможно широкие массы молодежи, особенно же находящиеся под влиянием социал-демократических организаций, объединить в борьбе за эти требования и повести их на эту борьбу.

51. Из резолюции II конгресса КИМ об организационном строительстве.

4. Изменение характера деятельности наших союзов в предстоящем периоде, переход к массовому движению и связанные с ним новые задачи не могут быть проведены при сохранении старых организационных принципов и форм. Наоборот, они должны быть изменены и расширены соответственно новым требованиям.

5. Главные изменения в организационной форме союзов молодежи должны состоять в следующем: для достижения организационного влияния на массы рабочей молодежи, в целях постоянного руководства ею и постепенного привлечения ее в ряды членов союза, для усиления экономической деятельности и в целях борьбы с некоммунистическими организациями молодежи, наши союзы должны взять определенный курс в смысле перехода от ныне существующих исключительно территориальных объединений коммунистической молодежи к организационно-ячеек коммунистического союза молодежи.

6. Ячейки представляют собою объединения членов союзов по месту их работы (фабрики, заводы, школы и т. д.) и являются, таким образом, опорными пунктами нашего союза. Через них наши организации налаживают связь с широкими массами, ведут экономическую борьбу и вместе с партией все политические кампании и т. д. Хотя построение ячеек в связи с новизной задачи будет связано с трудностями и нельзя будет его сразу равномерно провести, все же все союзы должны взяться за переустройство своих организаций в том направлении, чтобы ячейки стали основой организационного строительства.

52. Борьба за „единый фронт“.

.. Из статьи вождя 2-го Интернационала Молодежи в германском юношеском социал-демократическом журнале „Арбейтер-Югенд“ (июнь 1922 год).

„Пока коммунистическая молодежь своими пагубными и безумными методами будет оказывать услугу капиталу (?), мы в интересах социалистического движения молодежи в целом еще подумаем, возможно ли и в какой форме сотрудничество с этой коммунистической молодежью“...

II. Письмо Исполкому КИМ, от Исполкома 2¹/₂-ного Интернационала Молодежи.

Вена, 10 июля 1922 года.

Исполкому КИМ, господину Волни лично.

Дорогой товарищ!

Уведомляем Вас о получении нами письма Исполкома КИМ, помеченного „Москва, 26 июня“ и посвященного вопросу о созыве всеобщего конгресса пролетарских организаций молодежи. Мы передадим Ваше письмо на обсуждение ближайшего заседания Исполкома и немедленно сообщим Вам его решения.

Не желая предугадывать решения этого совещания, мы вынуждены выступить с заявлением, во избежание ложного толкования той роли, которую до сих пор наше объединение играло в вопросе о созыве всеобщего международного конгресса пролетарских организаций молодежи. Нас вынуждает к этому самая постановка этого вопроса в Вашем пригласительном письме и, в особенности, выпущенное Исполкомом КИМ'а воззвание. На последнем заседании 14—17 апреля 1922 года в Берлине наш Исполком обсуждал вопрос о совыве подобного конгресса и решил содействовать его созыву. На имевшем место в Берлине 18 апреля совещании с представителями „Интернационала Рабочей Молодежи“ об этом тоже шла речь, но, в виду того, что представлены там были не все союзы, было решено вынести окончательное решение по этому вопросу лишь на последующем заседании, дабы дать возможность отдельным союзам вывить свою точку зрения. В виду таких фактов, совершенно непозволительно заявлять, как Вы это делаете в своем письме, будто только безвыходное положение молодежи вынуждает нас изменить нашу позицию в вопросе о сотрудничестве всех пролетарских организаций молодежи, включая сюда и коммунистов. Наша позиция и раньше была ясна, недвусмысленна и не нуждалась во внешних понудительных толчках. Здесь ни в коем случае не может идти речь, как Вы позволяете это себе в Вашем воззвании, об укреплении наших собственных, якобы слабых, организаций. В интересах возможного сотрудничества, мы отказываемся дать вам подобающий ответ и предлагаем Вам, если Вы способны серьезно приступить к разрешению вопроса, воздержаться впредь от подобных выражений.

С пролетарским приветом

За Исполком Инт. Об'ед. Соц. Юнош. Организац.

Карл Гейнц.

III. Окончательный ответ Исполкома 2-го и 2^{1/2}-ного Интернационалов Молодежи на предложение о созыве всемирного конгресса.

Зальцбург, 22 августа 1922 г.

Исполкому КИМ.

Уважаемые товарищи!

В ответ на ваше приглашение на всемирный конгресс пролетарских организаций молодежи, адресованное Исполкомом „Международного объединения социалистической молодежи“ и „Интернационалу Рабочей Молодежи“,—мы Вам сообщаем, что наши комитеты обсуждали этот план на объединенном заседании 21/VIII. О результатах этого обсуждения говорит следующая выдержка из протокола:

„Далее обсуждался вопрос об отношении к КИМ'у и его приглашению на всемирный конгресс пролетарской молодежи. Так как на совместном заседании не удалось придти к единодушному мнению, то оба комитета перешли к обсуждению этого вопроса каждый отдельно. Исполком Международного объединения социалистической молодежи заявляет, что, принимая во внимание фактическую и методическую разницу взглядов по вопросу об отношении к КИМ'у и всемирному конгрессу рабочей молодежи, он отказывается пока от внесения окончательного решения по этому вопросу. Все же он заявляет, что согласен лишь в том случае вести переговоры с КИМ'ом, если в них примет участие и Интернационал Рабочей Молодежи.

Комитет Интернационала Рабочей Молодежи единогласно отверг свое участие в проектируемом всемирном конгрессе“.

Этот факт сделал невозможной подготовительную конференцию всех трех Исполкомов.

С юношеск. пролет. приветом за Интерн. Рабоч. Молодежи:

Е. Оленгауер, П. Фогт.

За Международное объединение социалистическ. молодежи:

• Карл Гейнц, Иосиф Гофбауэр.

IV. Коммунисты о срыве единого фронта.

...,Основной вопрос единого фронта—это вопрос объединения масс пролетарской молодежи, и пока наша работа среди масс не достигла такого значительного развития, чтобы эти массы оказали достаточное давление на вождей или пошли бы вместе с нами, без них—до тех пор единого пролетарского фронта не будет. Но так как положение молодежи таково, что она толкается к борьбе—единный фронт является единственным выходом“.

(Из доклада т. Шацкого на V съезде РКСМ).

53. Значение III конгресса КИМ.

„Политическое значение III-го конгресса КИМ определяется в значительной мере срывом соц.-демократии попытки созыва мирового конгресса всех пролетарских юношеских организаций. Мы говорим массам рабочей молодежи: мировой конгресс рабочей молодежи должен был обсудить все жгучие вопросы нужды и борьбы юных пролетариев с наступлением капитала. Соц.-демократы этого не пожелали. Теперь эти вопросы будут обсуждены III-ьим конгрессом Коминтерна молодежи, который укажет широким массам юных пролетариев задачи и пути их борьбы. В этом отношении внимание широких

масс рабочей молодежи привлекают в особенности три пункта порядка дня III-го конгресса: 1) экономическое положение и борьба рабочей молодежи, 2) ближайшие задачи в борьбе против капитализма и белого террора и 3) социалистические организации молодежи и единый фронт“.

(Из статьи Мих. Павлова в „Юном Коммунисте“ № 15-16 за 1922 г.).

54. Постановления III конгресса КИМ.

Из резолюции об экономич. положении раб. молодежи.

„...Коммунистические организации молодежи не должны упускать ни одного экономического и стачечного движения без занятия определенной позиции и выдвижения конкретных требований рабочей молодежи. При этом нельзя ограничиваться выявлением своей позиции в печати, необходимо разворачивать энергичную деятельность в профорганизациях, побуждая их отстаивать интересы молодежи и выдвигая свои требования—в качестве лозунгов—в массах, затронутых движением рабочей молодежи. В случае стихийных стачечных движений рабочей молодежи и ученичества, коммунистические организации молодежи должны их поддерживать“.

55. Детские коммунистические группы.

Однажды вечером мы, иностранные делегаты, посетили детскую коммунистическую группу квартала Александрплатц в Берлине. Дети устроили художественный вечер в честь делегатов I интернациональной конференции детей, происходившей в сентябре 1922 г.

Вошли в зрительный зал (в Германии наши союзы молодежи и детские группы пользуются школьными помещениями; в школах происходят собрания, беседы, игры и т. д.)—и были встречены шумом и сердечной радостью детей; ярко сияли глазки на бледных болезненных лицах маленьких пролетариев.

Окружив нас, они с большим любопытством и живейшим интересом расспрашивали о чужих странах, далеко ли они, как работают там детские группы и т. д.

Большое впечатление произвело на нас множество знамен и красных флажков, которые держали в руках дети, у них были также и плакаты—небольшие куски картона, на которых детской рукой были написаны лозунги: „Требуем хлеба и молока для детей—и работы для наших отцов“,—„Мы—дети

продолжим борьбу, которую геройски начали наши родители“, — „Вон из школы наказания, портреты царей и религиозное обучение“, — „Дети пролетариев, идите в нашу детскую коммунистическую группу“ и т. д.

Программа вечера—короткая, но весьма разнообразная и живая—была исполнена великолепно, с пониманием и идейной коммунистической выдержкой; дети пели, декламировали, составляли хороводы и даже сыграли маленькую пьеску „Забаствок в школе“. В конце были произнесены речи. Голландский, шведский, русский, французский и болгарский делегаты приветствовали детей от лица детских групп своих стран. Ответил молодой немецкий товарищ—руководитель детской группы. Шведский делегат объявил, что дети стокгольмской группы просили его непременно спеть своим юным товарищам излюбленную в Швеции детскую коммунистическую песню, что он и сделал при бурных аплодисментах детей и всех присутствовавших.

К 8 часам вечера все кончилось. Дети гурьбой высыпали на улицу стройными рядами, с высоко поднятыми плакатами, с маршем Красной армии. Маленькое шествие двинулось по многолюдной улице Берлина, привлекая любопытство и внимание прохожих.

* * *

Я обещал навестить детскую коммунистическую группу квартала Вединг II. После продолжительной езды по улицам Берлина нашел группу уже в сборе в школьных комнатах. Руководитель—тринадцатилетний Вилли Макленбург—полный, живой и очень сообразительный мальчик—отрекомендовал меня. Я просил детей не прерывать своей работы (раз в неделю у них была беседа и 2 раза игры), и т. Макленбург продолжал говорить с ними на тему, „почему мы называемся спартаковцами“. Он рассказывал о подвигах Спартака из римской империи.

Беседа кончилась, на все вопросы было отвечено; начались игры, песни и декламация. Дети развеселились. В них было столько живости, энергии, столько духовной красоты и творческого подема! Вы позавидовали бы им, сытые, довольные дети капиталистического ада! Коллективная декламация „Воззвание к детям“, исполненная всей группой под руководством т. Макленбурга, произвела на меня неизгладимое впечатление.

На мои вопросы, как ведется работа и как построена их группа, дети ответили следующее: во главе стоит председатель (в данном случае т. Макленбург), помощником является его заместитель, который и становится на место председателя, как только последнему исполнится 14 лет и он переходит в КСМ. На мою просьбу познакомиться меня с заместителем вышел 10-летний мальчик с умными глазами и толково объяснил мне обязан-

ности свои и председателя, место которого он готовился в скором времени занять. Кроме того, двое мальчиков—членов группы являются сотрудниками газеты „Der junge genosse“ (Юный товарищ); один—секретарь, у которого хранится список и протоколы постановлений группы, двое (мальчик и девочка)—руководят играми; двое детей заведуют пропагандой в школе; двое заведуют хозяйственной частью; заботятся о доставке всего необходимого для экскурсий и пр. и пр.

* * *

Я присутствовал на конференции представителей всех детских групп г. Берлина. Делегатов было около 25 от 18 детских групп, мальчиков и девочек. Их организационные способности прямо поразительны. Эти дети спокойно, как взрослые, установили порядок дня, сделали доклады о работе за последние две недели, разрешили целый ряд вопросов и т. д.

Я посетил также детскую группу в Ней-Кельне (чисто-пролетарский квартал Берлина). Эта группа, как и все детские группы, в которых я побывал, просила меня передать братский коммунистический привет и пожелание успеха нашим детям, движение среди которых только началось, и которому немецкие товарищи желают такого же успеха, как в Германии.

* * *

В прошлом году летом в городе Зуле состоялся первый конгресс детских коммунистических групп Германии. Делегатов было 800 чел., представлявших 300 детских коммунистических групп с 30.000 членов.

Конгресс показал, что детское движение имеет громадное значение в коммунистическом движении. Видя, с каким подъемом, серьезностью и сознанием важности своей роли пролетарские дети принимают участие в движении, самый несознательный рабочий убедится, что будущее принадлежит только коммунизму.

(Из сборника „Юная Гвардия“).

56. Антимилитаристское воззвание коммунистического союза молодежи Франции.

Преступление французского империализма.

Империализм нашей буржуазии не знает больше никаких границ. В Париже находится штаб-квартира мирового милитаризма.

Наш флот занимает третье место в мире. У нас 1,300 военных аэропланов, назначение которых не трудно угадать, и могущественная действующая армия в 736,000 человек.

Для того, чтобы „улучшить финансы страны“, 9-го утром французские солдаты заняли Рурскую область.

Что повлечет за собой этот поступок?

Он дает:

Стране — ничего! Стоимость оккупации поглотит сумму контрибуции.

Рабочим — ухудшение их положения! Французский капитализм использует валюту и свою власть победителя для того, чтобы заставить немецкий пролетариат работать за более низкую плату, чем получает французский рабочий. Таким образом, благодаря закону конкуренции, это станет угрозой и для трудящихся Франции.

Милитаристам — окончательный разрыв с союзниками кризис, возможно, — войну!

Т о в а р и щ и!

Чтобы заставить нас замолчать в вынужденном бессилии, наши повелители преследуют коммунистов и арестовывают их. Этим они показывают, до какой степени они напуганы. С нами вы должны восстать против этой низости!

Поймите, что дело идет не только о борьбе с войной, но и с создающим ее капитализмом.

Армия, которую заставляют служить торговым интересам, должна стать на нашу сторону: наши интересы являются в то же время и ее интересами.

Будьте готовы последовать зову вашей организации! Для того, чтобы быть способными оказать сопротивление, вы должны объединить свои силы и образовать единый фронт. Если ваши вожди этого не делают, то заставьте их, а в случае надобности осуществите это и без их помощи.

Соединяйтесь против преступления!

Долой покушение на франко-германских рабочих!

Долой империализм! долой капиталистическую войну!

Долой буржуазный милитаризм!

Да здравствует революционное освобождение трудящихся!

Коммунистический Союз Молодежи Франции.

55. В подпольи.

1. На границе.

В пасмурный и дождливый ноябрьский день я получил приказание переправить через границу румынского товарища, нелегальным путем направляющегося в Москву на 4-й конгресс Коминтерна.

Вполне сознавая всю ответственность порученного мне дела, я со своим „протезе“ сел в вагон трамвая. С конечной остановки мы пешком направились к горам. Опасность быть задержанными пограничной стражей была очень велика, так как охрана была весьма многочисленна. Мы шли стороной от большой дороги, пробираясь через сухой кустарник и по колёно увязая в снегу. Через каменистые ложбины и отвесные скалы мы приблизились к границе. Когда мы достигли перевала, было уже темно, и мы были встречены страшной снеговой мятежью. Мы промерзли до костей, а между тем нам предстояло еще не менее получаса пути — и самой опасной его части! Наконец, счастливо преодолев несколько снежных препятствий, мы очутились на дороге, ведущей к первой саксонской железнодорожной станции.

После того, как мой румынский товарищ очутился в полной безопасности, я направился в обратный путь.

Несмотря на то, что я страшно промерз, я, весело напевая, шел домой. Но вдруг я был жестоко пробужден от моих мечтаний. Передо мной выросли два пограничника, после любезного приветствия пожелавшие узнать, куда я направляюсь. На этот вопрос я ответил, что иду домой. При этом произошел следующий разговор:

— Где вы живете?

— Я живу в Теплице.

— Где ваши бумаги?

— А на что мне бумаги?—и с этими словами я вытаскиваю из кармана несколько смятых газет.

— Но ведь при переходе границы вы должны иметь документы; а, кроме того, куда вы ходили и что вы здесь делаете?

— Я здесь собирал милостыню и думал, что весь этот округ принадлежит к Чехо-Словакии.

— В каком доме вы последний раз просили милостыню?

— Ну, теперь, впопыхах, я не сумею этого сказать,—спокойно отвечаю я.

— Но ведь в Чехо-Словакии вы могли гораздо больше заработать нищенством, чем здесь, в Саксонии; ведь и сами саксонцы ходят собирать милостыню в Чехию.

После того, как я заверил их, что я и сам не пришел бы сюда за милостыней, если бы знал, что тут так много снегу, мне велели идти с ними; к моему носу приставили револьвер. Я заявил пограничникам, что и не думаю бежать, а, напротив, очень рад возможности попасть в теплую комнату. После этого револьвер был спрятан. Так как я больше не мог идти по снегу, то я взял за один конец палку пограничника и заставил его тащить меня за собой...

После недолгого пути мы пришли в освещенный электричеством барак. Перед покрытым документами столом сидел лейтенант и грыз конец ручки. Эта строгая личность немедленно занялась моей особой. При обыске у меня была обнаружена монета в двадцать крон и половина черствой булки.

При виде денег лейтенант заявил, что я намеревался заняться контрабандой. Когда я его спросил: „А разве много вещей можно купить на двадцать крон?“—он ответил, чтобы я ему зубы не заговаривал и что он никогда мне не поверит, будто я милостыней собрал такую сумму. Ничего больше не оставалось, как сказать ему, что я в трактире обменял собранную мною мелочь на эту монету. В то же время я попросил у лейтенанта позволения просушить у печки свою насквозь промокшую обувь и чулки. Он мне это разрешил и ушел со своим помощником в соседнюю комнату, чтобы посоветоваться. Мне удалось уловить только несколько отдельных слов: „Нищенство... недозволенный переход через границу... 50 чешских крон“...

Когда они вернулись, я им заявил, что пусть они меня лучше арестуют, потому что я ни за что сегодня не пойду домой через границу...

Лейтенант дико заревел на меня и велел немедленно одеться. Кроме того, он предложил мне на выбор: или уплатить 50 крон, или быть задержанным. Я ответил, что, во-первых, у меня всего только 20 крон и что, во-вторых, мне очень не хочется возвращаться в Чехию. „А если вы меня арестуете, то мне по крайней мере не придется мерзнуть и просить милостыню“.

Моя уловка удалась. Если бы они меня задержали за нищенство и переправили в А—ский суд, их бы здорово высмеяли, потому что там хорошо знали и меня, и мои политические убеждения. Я целый месяц просидел там, как политический арестованный.

В конце-концов лейтенант заявил, что я свободен и могу идти, а что 20 крон останутся у него. Я еще немножко поиздевался над этими господами, отказываясь в такую тьму переходить границу. Я просил позволения переночевать в бараке. Все они принялись смеяться и в один голос сказали, что я „душа-парень“, что такого днем с огнем не сыскать,

но что все-таки у них мне оставаться нельзя... Пришлось уйти. Меня проводили до границы, посоветовали больше в этих местах не показываться—и я был свободен.

Весело рассмеявшись, я бодро зашагал впотьмах.

Наша работа на границах трудна, опасна и не всегда приятна, но иногда она бывает интересна и забавна. Главное—хладнокровие и осторожность.

Работа на границе... Юноша-коммунист одиноко бредет в горах, в чаще леса, в дождь и бурю. А иные спят на мягких подушках или веселятся на какой-нибудь вечеринке...

2. Как мы выпускали нелегальную газету.

Уже почти два года прошло с того момента, как французский союз молодежи предпринял свое первое антимилитаристическое выступление, наделавшее немало шума. Вспоминая то время, мне приходит на ум очень забавное происшествие, которым мне хочется с вами поделиться.

Мы решили издавать антимилитаристическую газету—„Рекрут“. Все было разработано до мелочей—печатание, расылка, распространение.

И вот мы все стояли в типографии и смотрели, как беспрерывным потоком катились из огромной ротационной машины печатные листы.

„Рекрут“! С каким облегчением вздыхали мы утром, когда холод покрывал трещинами наши измазанные типографской краской пальцы! Наконец-то он появился, лежал перед нашими глазами! Завтра же ему было суждено нести нашу пропаганду во все концы страны. В казармах и на постоях—всюду будет услышан боевой клич коммунистической молодежи.

С ревливой заботливостью складывали мы номера „Рекрута“. Не было никаких недостатков, никаких промахов, все было предусмотрено. Лучшие партийные литераторы прислали свои статьи. Рядом со скромными статейками рядовых работников были статьи Анри Барбюса и Суварина*). А виньетка, изображавшая поднимающуюся над полем битвы гиену, увенчанную лаврами,—какой успех она будет иметь!...

Так мы болтали в то время, как создавался „Рекрут“.

...14.800, 14.900, 15.000—половина листов была уже готова.

Пять часов утра. Через час мы кончим и, нагруженные газетами, можем смениться и уйти. Как хорошо нам удастся обойти полицейскую бдительность!

*) Анри Барбюс—известный французский писатель—коммунист; Суварин—один из вождей коммунистической партии Франции.

Но последующие события показали, что не годится слишком уповать на будущее.

Внезапно ввалился к нам, как снег на голову, запыхавшийся Вильям, ответственный редактор „Рекрута“.

— Слишком поздно! Полиция следит за мной по пятам! Шесть не внушающих доверия теней крались за мной, начиная от моей квартиры. Ничего не мог сделать, чтобы избавиться от них! Пробовал делать один крюк за другим—но все напрасно, они не отступали от меня, не смотря на все мои уловки. На минуту мне показалось, что я победил—казалось, что больше никого нет, что эти ночные птицы исчезли. Но—увы! у самых этих дверей шестеро полицейских размножились, как манна в пустыне..

— Чорт бы их подрал! А сколько их всего?

— Трудно сказать... Может быть, около двух дюжин.

— Проклятие! Это недурно! И все-таки—нам необходимо вывести отсюда „Рекрут“!

...18.200, 18.300, 18.400...

Ротационная машина работала, не взирая на наше смущение.

— Простите, вы господин главный редактор „Рекрута“.

При слове „господин“, не предвещавшем ничего доброго, мы все разом оглянулись. Перед нами стоял неизвестно откуда появившийся небольшого роста человек. Робкий взор, бесформенный нос, длинная борода, шляпа с широкими полями—все это за версту пахло „шпиком“. Во всяком случае, у этого человека было немало нахальства, он не подходил издали, а сразу приступил к делу.

Смелость города берет—может быть, удастся провести блюстителя государственной власти?..

— А зачем тебе нужен редактор, товарищ? Хочешь узнать тираж „Рекрута“? По крайней мере, 200.000 экземпляров! Что мы думаем с ними делать? Да уж, во всяком случае, не распространять их среди тебе подобных, а там, где мы сами этого пожелаем.

— Еще один вопрос, откуда вы взяли деньги?

— Очевидно, из Германии; пойдя и сообщи об этом твоему начальству. Понимаешь—нас оплачивают за то, чтобы мы потрясли общественное мнение и вызвали панику! Надеюсь, понятно? А теперь—направо кругом и убирайся к чорту, если не хочешь...

Товарищ Солэр уже готов был пустить в него туфлей.

Можете поверить, что он не заставил нас повторять наше приказание. Одно, во всяком случае, было ясно: положение ухудшалось с минуты на минуту. Мог быть дан приказ произвестить обывск. С другой стороны, выйти на улицу с номерами нашего „Рекрута“ было слишком рискованным предприя-

гием. Четверо против двух дюжин—это была весьма неравная игра.

...29.800, 29.900, 30.000... Где-то медленно пробили часы—шесть! Утренний свет начинал проникать сквозь цветные стекла типографии; постепенно стали приходить рабочие второй смены и занимать свои обычные места. Ночная смена, немного умывшись, готовилась уйти из типографии, где всего несколько часов тому назад были отпечатаны сотни тысяч буржуазных листов, которые должны с наступлением дня разнести по всему свету свою ежедневную ложь.

В минуты, когда всеми силами ума приходится разрешать какую-нибудь трудную задачу, воображение часто работает таким образом, что простая и все разрешающая мысль мелькает как-то внезапно, вызванная каким-нибудь незначительным обстоятельством.

Кому первому из нас пришла та мысль, которая должна была выпутать нас из беды? Я затрудняюсь сказать. Может быть,—кто знает—она явилась у всех нас сразу. Во всяком случае, один из наших товарищей так формулировал программу наших ближайших действий.

— Возмите эти стопки „Справедливости“*), заверните в них нашего „Рекрута“, и пусть те печатники, которым хочется немножко позабавиться, вынесут эти свертки из типографии. Я уверен, что они пройдут назло всякой полиции!

Какое приключение! Сказано—сделано! Печатники взяли тюки и несли их в наемный автомобиль, из предосторожности позванный кем то из нас.

Полиция?

— Чорт побери, представьте себе, что, увидя бросающийся в глаза заголовок органа Клемансо, полицейские готовы были стать перед ним во фронт!

Мы корчились от смеха, наблюдая за происходящим из окна.

Но закончена была только первая часть предприятия. Теперь мы должны были выбраться сами, чтобы пристроить автомобиль в надежное место. Нельзя было и думать о том, чтобы снова воспользоваться помощью печатников. Поэтому мы решили выйти как можно быстрее и проскользнуть с нашими ношами, использовав растерянность наших противников при столь неожиданном маневре.

Сначала все шло так, как мы предполагали. Раньше, чем полиция сообразила, в чем дело, мы взобрались на автомобиль. И в эту минуту произошло самое смешное. В тот момент,

*) „Справедливосъ“—орган Клемансо, одна из наиболее реакционных газет во Франции. Эта газета печаталась в одной типографии с „Рекрутом“.

когда наш автомобиль двинулся, целая толпа полицейских уперлась в него, стараясь остановить нас. Но машина рванулась, и все полицейские, которые продолжали упираться изо всех сил, оказались отброшенными на расстояние не менее пятидесяти метров к огромному удовольствию многочисленных зрителей, отправлявшихся в этот час на работу.

Чтобы не сознаться в своем поражении, полиция сделала попытку погнаться за нами в случайно подвернувшемся автомобиле, несмотря на энергичные протесты сидевших в нем лиц; но догнать нас они не смогли. Не прошло и нескольких минут, как мы уже были за городом, в безопасности. На следующий день мы с номерами „Рекрута“ вернулись в Париж и сложили его в специально для этого нанятые помещения, откуда товарищи постепенно брали его для распространения.

Полиции удалось узнать местонахождение одного из таких помещений. Проникнуть внутрь она не решилась, но перед самыми дверями ею были задержаны четыре товарища, беззаботно выходившие оттуда с номерами „Рекрута“.

Все остальное хорошо известно. В продолжение целых двух недель все личности, призванные защищать устои общества, находились в полной боевой готовности. Было произведено более ста обысков. Штаб-квартира союза была разгромлена и, кроме того, в Париже и в провинции было задержано сто сорок молодых товарищей, обвиняемых в антимилиитаристической пропаганде и в образовании общества для свержения существующего строя...

Но все эти меры не удержали нас от дальнейшей работы. Не прошло и двух месяцев после охоты на „Рекрута“, как появился „Красный Рекрут“. И в этом случае полиция не особенно отличилась в смысле чутья...

Но об этом как-нибудь в другой раз.

3. В венгерском подпольи.

1 августа 1919 года советское правительство отказалось от власти, не имея сил противостоять внешним врагам и внутренней контр-революции.

Уже на следующий день на улицах появились первые трехцветные флаги; засновали толпы молодых франтов с национальными значками и украшенные цветами дамы. Эти молодые франты впоследствии стали офицерами карательных отрядов, массовыми убийцами рабочих.

Это было переходное время, период социал-предательских сумерек.

Небольшая кучка молодых храбрецов, которая с последней демонстрацией под звуки «Интернационала» старалась пробиться сквозь торжествующую толпу, встречалась всеми с изумлением, смешанным с ужасом. Контр-революция еще не была вполне уверена в своей победе. Горячо поджидаемая победоносная румынская армия еще не вступила в город для того, чтобы окончательно растоптать и без того подавленный пролетариат.

3 августа все представители будапештских групп КСМ были созваны на заседание.

Собравшиеся чувствовали, что перед движением венгерской молодежи открывается какая-то новая эра, что оно стоит перед новыми задачами, новыми обязанностями. Тогда они сознавали это только смутно; они еще не знали, что в той нелегальной революционной работе, которая требует от своих борцов столько отваги, готовности жертвовать собой и воодушевления, что в этой борьбе львиная доля труда выпадет на их долю.

Создание нелегальных организаций молодежи—вот под каким лозунгом протекло это собрание.

Белогвардейцы, которые, как и следовало ожидать, не преминули явиться, рассеяли всех, принимавших участие в этом заседании. Многие из них были арестованы в ближайшие дни, многие, во избежание арестов, скрылись за границу, но многим пришлось и совсем проститься с жизнью под пытками белогвардейцев или в волнах Дуная. Но оставшиеся в живых не забыли своих обещаний, и среди темной ночи реакции они ярким пламенем зажгли светоч революции.

Прошло уже четыре года с этого дня, а белый террор все еще свирепствует в Венгрии; и во все это мрачное время подпольная коммунистическая работа и проводилась, большею частью, молодежью. Рождением этой эпохи мы считаем днем 3 августа.

Когда мы покидали зал нашего собрания, по улицам уже слышались ликующие возгласы белогвардейцев: в одном из предместий был расстрелян первый молодой рабочий.

* * *

За непродолжительный период времени венгерская эмиграция в Вене созывает второе собрание, посвященное памяти погибших борцов.

Один из вождей подавленной революции выступает с речью. Его глаза еще горят от слез, но его голос звучит, как металл:

Товарищи!

Скоро наступит весна, вторая весна среди мрачной, холодной зимы, сменившей в Венгрии нашу славную революционную весну. Все униженные, все растоптанные, все обитатели тюрем и рабочих бараков горят огнем новой надежды... Весна идет, и она даст новую жизнь могильным склепам Венгрии!

...Весна! Революция!.. Как удары молота, падают в наши души эти слова. Да, мы должны действовать... Пожертвовать всем... Это наш долг... Там, на нашей родине, офицерские банды бродят в крови рабочих! И если бы даже мы только могли поднять для проклятия наши руки, если бы мы только могли крикнуть в мрак слово „убийцы“, если мы, окруженные прикладами и штыками врагов, можем сделать только это, так давайте совершим хоть только это одно! В жутком мраке не замрет без ответа ни единый звук нашего голоса; от звука его загорятся взоры, сожмутся кулаки, и к нам примкнут тысячи вдохновенных юных борцов... Мы должны вернуться.

Волшебной силой связывают всех нас сотни раз слышанные звуки «Интернационала». И в наших душах растет и крепнет решение: мы вернемся в белую Венгрию! Мы принесем ей красную весну!

*
*
*

Вечер. Собрание группы молодежи одного из производств. Тесная, грязная комната. Бледная, усталая, изнуренная молодежь. Кто-то говорит им, что они должны учиться и бороться, что они не должны позволять эксплуатировать себя. Все внимательно слушают, так странно, что здесь кто-то говорит такие слова! Из профсоюза, где сухой бюрократ с двух до пяти часов распоряжается „движением молодежи“, таких ораторов не присылают; там только ворчат, что эта молодежь так нахальна, так упряма, и никого к нам не присылают! Взоры молодежи устремлены на оратора. Когда он кончает, подымается один из присутствующих; усталым тихим голосом он говорит: „Да, мы должны учиться, чтобы стать умнее наших отцов“...

После того, как собрание кончилось, то здесь, то там беседуют по несколько человек.

— Я из тюрьмы,—говорит товарищ с усталым голосом.

— Мы знаем тебя по имени,—отвечают ему товарищи.

Вмешиваются и еще рабочие. „На той фабрике, где мы работаем, уже начинается забастовка; рабочие больше не в силах терпеть“. Товарищи, приехавшие из Вены, рассказывают, что всюду намечается революционное движение; мир движется вперед; есть, несомненно, движение и в Венгрии, хотя она и кажется всецело подавленной белым террором.

Только бы нам встряхнуть рабочую массу!

* * *

Мы спешим в предместья. Улицы имеют обычный вид, и только наши сердца дрожат в радостном под'еме. Мы подходим к одной из самых больших фабрик; мертвые буквы на стенах громко кричат: „Долго ли еще ждать? Она идет—идет революция“. Вот наглядный результат нашей ночной работы.

Старательно избегая встреч с полицейскими патрулями, мы переходим от одной фабрики к другой. Двое из нас работают; третий, или большею частью—третья, сторожит или вступает в разговоры с полицейскими.

Мы идем дальше. Из одной фабрики выходят рабочие. На одной из стен, где был наклеен наш плакат, мы видим следы разрушения. Мы смешиваемся с толпой рабочих. Они показывают друг другу на сломанную часть стены и говорят, что когда они шли на работу, там было написано то и то. К нам присоединяется пожилая работница.

— Кто бы это мог сделать?—спрашивает она,—знаете, здесь утром было написано: да здравствует Советская республика! И еще висел большой коммунистический плакат! Наверное, все делают вот такие мальчишки—и она показывает на нескольких идущих впереди нас молодых рабочих.

— А за это их арестуют, мучают... и они умирают в тюрьме... как жаль их!.. И в ее дрожащем голосе слышатся все страдания недавнего прошлого, преследования домовладельца, полицейские обыски, долгие стоянки с узелком еды перед тюрьмой (может быть, и она получила несколько ударов кулаком?..), вся ее приниженность и какая-то неясная, затаенная радость.

Эта бедная работница и вся толпа обсуждающих надписи пролетариев свидетельствуют о впечатлении, произведенном нашей ночной работой на массы. В их среде мы с неописуемым восторгом сознавали, что мы, молодые рабочие, являемся живым сердцем этих пролетариев, что нам дано воодушевить их,

зажечь революционным пламенем их мысль и душу... да, нам, рабочей молодежи!..

* * *

Один из товарищей экстренно отправился в Вену, чтобы привезти коммунистическую литературу: наши организации нуждались в материале для агитации. Он согласился попробовать переправить через границу столько литературы, сколько он только сможет донести. Если он попадетсЯ, его убьют, но если проскочит невредимым, то организация будет снабжена материалом—ради такой цели стоит поставить на карту свою жизнь!

Была весна—и в Вене она была иной, чем в Венгрии. Дома мы и среди радостного солнечного дня чувствовали нависший над нами мрак; виселица бросала свою тень на каждый наш шаг, горячечны были наши дни, беспокойны наши ночи. В Вене было радостно, светло и спокойно—в Вене была хоть некоторая свобода.

И наш товарищ чувствовал, что рука смерти, тяготевшая над ним, теперь потеряла свою силу. В Вене была его невеста, были его друзья; товарищ был молод, горячее дыхание жизни коснулось его, и ему было трудно уйти из-под этого очарования...

Но вот кто-то пришел к нему и сказал: „Как? Ты все еще здесь? А там давно ждут литературы—и тебя! Тебя ждет дело“...

Быстрым и решительным жестом стряхнул с себя товарищ все чары, околдовавшие его на короткое время; на следующий же день он, ни с кем не простившись, отправился к границе. Его арестовали, он бежал и с целым ранцем коммунистической литературы появился в Будапеште.

* * *

Так поступали и другие, не только он один. Если минутах их охватывала могучим порывом жажда жизни,—веселой, обеспеченной и беззаботной жизни,—или когда ими овладевали сомнения—достаточно было только звука голоса, только едва заметного жеста, чтобы снова вернуть их к работе. Стиснув зубы, они принимались за свой труд.

* * *

Из тюремного коридора слышится шум; все мы, рассеянные по разным камерам, затаив дыхание, прислушиваемся у дверей. Молча мы всматриваемся в небольшую освещенную часть коридора. Где-то открывается дверь... Кого это опять ведут вниз? И в наших мыслях проносятся картины пыток; мелькают красные животные физиономии, хлыст, ругань, муки... Мы уже видим бледное лицо нашего товарища, мы злобно стучим в двери... Но как будто сегодня что-то не так? Приносят носилки. Кто из нас свалился на полпути?—Ничего не видно! Но вот звенят ключи; открывают дверь женской камеры. Теперь мы знаем, в чем дело. „Мерзавцы, убийцы—вы ее убили“,—проносится в нашем мозгу. Носилки медленно и осторожно уносят: она не должна умереть в здании тюрьмы. Мы не слышим ни звука, и только сердца наши летят следом за ней.

На следующий день газеты сообщают, что одна из молодых коммунисток, распространявших летучки, 18-летняя девушка, умерла от давнишней легочной болезни в тюремной больнице.

* * *

Вчера уже покончили с обвинительным актом и речами защитников.

— Мы не должны быть сентиментальными,—сказал представитель обвинения.—Они еще очень молоды? Тем хуже... Нам нужен устрашающий пример, нам нужна смерть!...

Между прокурором и защитниками шел постыдный торг о жизни и смерти. Это было уже третье заседание суда, сегодня должен быть произнесен приговор.

В коридоре появляется длинный ряд молодых обвиняемых. Около каждого из них солдат с примкнутым штыком; впереди идет офицер, чтобы удалять всех из коридора на время этой жуткой процессии. В зале суда волнуется публика—почти сплошь молодежь. Судья уже на месте и сквозь золотые очки пристально всматривается в лица обвиняемых. Сзади нас один из защитников успокоительно шепчет: „Даже если и смертный приговор—ведь может быть и помилование“.

Весь состав суда входит в залу: пять холодных, безжалостных лиц.

Председатель начинает читать приговор: „Общество, задавшееся целью ниспровергнуть господствующий строй... Организованное восстание... Суд не хочет применять смертную казнь... Пятнадцать лет каторги...“

Дальше он не может читать. Публика зашумела, как один человек. „Да здравствует революция!“ — слышатся голоса подсудимых, и сотни голосов из публики подхватывают безумно-смелый возглас. Минута безмолвной растерянности, потом смятение, штыки упираются в молодые груди. „Задержать! Задержать! Очистить зал!“ — раздаются крикливые голоса побледневших представителей власти.

(Из сборника „Юная Гвардия“).

НАШИ ПРОТИВНИКИ

Второй Интернационал Молодежи.
Буржуазные противники.

Документы и материалы.

58. Состав „Интернационала рабочей молодежи“.
59. Из жизни соц.-дем. молодежи Германии.
60. Буржуазные юношеские организации в Германии.
61. Самостоятельная буржуазная юношеская организация („Младо-Германский союз“).
62. Опекаемая буржуазная юношеская организация („Молодая Германия“).
63. „Христианский союз молодых людей“.

Противники КИМ'а могут быть подразделены на две основные группы: на противников социалистических (точнее, считающих себя социалистами) и на противников буржуазных. Что касается первых, то до 1923 г. они разделялись на две группы, объединенные в два отдельных Интернационала молодежи; первую группу („Интернационал рабочей молодежи“ или II Интернационал) составляли явные соглашатели и социал-патриоты; вторую группу („Интернациональное товарищество организаций рабочей молодежи“ или 2¹/₂-ный Интернационал Мол.) составляли скрытые, замаскированные соглашатели, заигрывавшие одновременно с II Интернационалом и с КИМ'ом, щеголявшие революционными фразами, но проводившие по существу чистоменьшевистскую политику. В начале 1923 г. оба соглашательских Интернационала Молодежи слились, образовав „единый фронт“ против КИМ'а, действующий в тесной связи с взрослыми социал-предателями.

Второй Интернационал Молодежи.

Первое совещание представителей социал-патриотических союзов молодежи Дании, Швеции и Германии, на котором было решено основать Интернационал рабочей молодежи, происходило 2—3 августа 1920 г. в Киле.

**Возникновение
Второго Интернационала Молодежи**

Последующая конференция была созвана в Гамбурге (18 и 19 января 1921 года); там уже были представлены бельгийская и французская „молодые гвардии“ *); был выработан временный устав, установлены основные принципы программы и фиксирован срок созыва учредительного конгресса.

Учредительная конференция Интернационала рабочей молодежи состоялась 12 и 13 мая в Амстердаме; последний был выбран потому, что там же пребывает желтый Интернационал профсоюзов. Эта конференция выпустила воззвание к рабочей молодежи всех стран; она формулировала принципы, выработала программу воспитания и охраны молодежи, приняла резолюцию

*) Социал-патриотические союзы раб. мол.

по вопросу о милитаризме и устав. На ней было избрано бюро в составе председателя — голландского деятеля по охране молодежи П. Фоогда, секретаря — Эрика Оленгауэра и кассира — Августа Альбрехта (оба последние — вожди германского социал-патриотического „Союза рабочей молодежи“). Местопребывание бюро было перенесено в Берлин, благодаря чему весь социал-патриотический Интернационал Молодежи попал под влияние своих германских организаций и усвоил их методы работы.

Его состав. „Инт. Раб. Мол.“ охватывает довольно значительное количество юных пролетариев, еще не утративших веру в своих соглашательских вождей. Вне Европы этот Инт. Мол. никаких связей не имеет. Важнейшая его организация (по численности и по идейному значению) — германская (Мат. и док. № 58).

Его программа. Амстердамская конференция выдвинула широковещательную программу экономических требований молодежи, содержащую в себе 6-часовой рабочий день, 4-недельный отпуск и проч. Что же касается пути, которым можно добиться выполнения этих требований, то в программе Интернационала рабочей молодежи речь идет лишь о „надежде“ на то, что взрослые рабочие при заключении договоров и их представители при обсуждении этого вопроса в парламенте обратят внимание на положение молодежи... Что это фактически означает, достаточно показала предыдущая деятельность социал-патриотических организаций молодежи. Это означает предательство самых насущных интересов рабочей молодежи, полную пассивность пред лицом усиливающейся капиталистической эксплуатации.

Та же пассивность характеризует и всю прочую „деятельность“ желтого Интернационала. Ни единого слова о пролетарской освободительной борьбе и ее методах, ничего, кроме пустых фраз! В то же время мы находим в программе отказ от марксистского понимания сущности преобразования общества и подмену принципа революционной классовой борьбы принципом мирной воспитательной работы по созданию „социалистически-мыслящей личности“...

Насколько „серьезное“ значение имеет выдвинутый в программе Интернационала рабочей молодежи лозунг „Долой навсегда войну“, достаточно показало поведение его организаций в периоды войны и после нее. Французская „молодая гвардия“ поддерживала Версальский мирный договор. Другие союзы также поддерживали националистическую политику своих правительств. Бросая нам грязные упреки в связи с нашим выступлением в пользу пролетарской Красной армии и вооруже-

ния рабочего класса, они еще и ныне занимают (где тайно, а где и явно) позицию „обороны страны“.

Итак, их антимилитаризм, с одной стороны, является лицемерием, а, с другой, может лишь обезоружить пролетариат пред лицом вооруженной буржуазии. (Док. и мат. № 59).

Буржуазные противники.

Среди буржуазных юношеских организаций, существующих почти во всех капиталистических странах и насчитывающих зачастую весьма значительное число членов, нужно различать две основные группы. Некоторые из них представляют собою организации, созданные правящими классами специально для проведения своего влияния в среду молодежи; эти организации лишены всякой самостоятельности; ими руководят взрослые вожди, заглушающие самостоятельность молодежи и воспитывающие ее в духе рабского подчинения принципам христианской морали и капиталистических добродетелей. Эти организации представляют собой не что иное, как один из элементов в системе буржуазного воспитания молодежи; они выполняют те же задачи, что буржуазная школа, буржуазная юношеская литература, кинематограф, церковь и т. д. Вторую группу образуют самостоятельные юношеские организации с более или менее оппозиционной (по отношению к капитализму) физиономией; эти организации объединяют передовую мелко-буржуазно-интеллигентскую молодежь, разочаровавшуюся в творческих силах капитализма, но не способную еще усвоить классовые идеалы пролетариата.

Два типа буржуазных организаций молодежи.

Первая группа организаций, находящаяся в полной организационной и идейной зависимости от взрослых представителей правящих классов, является плодом буржуазной системы „опеки“ над молодежью. В качестве „опекунов“ выступают различные организации командующих классов: церковь, военные организации, политические партии и т. д. Все „опекаемые“ юношеские организации носят ярко-реакционный характер; их цель — подготовить будущих белогвардейцев, штрейкбрехеров и прочих ценных собак капитализма. В этих организациях царит железная дисциплина и преклонение перед „авторитетом“ старших; единственная задача молодежи — повиноваться без рассуждений.

Буржуазная „опека“ над молодежью.

Свободные, неопекаемые организации мелко-буржуазной молодежи отличаются крайней пестротой, разнообразием своих программ

Буржуазное юношеское движение.

и задач. Некоторые из них увлекаются экскурсиями, другие — искусством, литературой и философией, третьи — политикой, четвертые — религиозными исканиями; есть и такие, которые занимаются всем этим одновременно... Некоторые из них носят довольно ясно выраженный революционный отпечаток; другие, напротив, являются по существу фашистскими организациями. Во всех этих союзах и „союзниках“ очень силен дух мещанского индивидуализма и анархического недоверия к буржуазному государству. Наибольшего распространения подобные организации достигли в странах, где кризис капитализма ощущается с особой силой (напр., в Германии).

КИМ и буржуазные организации молодежи.

Многие буржуазные организации молодежи (особенно, из разряда „опекаемых“) охватывают значительное количество юных трудящихся. Так, например, „Объединение католических обществ молодежи“ в Германии насчитывает около 400.000 членов (мужского пола); „Католический союз молодых девушек“ — около 500.000 членов; подавляющая масса членов обоих союзов — ремесленная и фабричная молодежь, мелкие крестьяне, разоряющиеся полу-пролетарии. Все они, как указывалось выше, получают воспитание в духе рабского преклонения перед капитализмом и ненависти к пролетарской революции. Перед КИМ'ом стоит задача высвобождения классово-несознательной пролетарской и полу-пролетарской молодежи, идеологически-плененной буржуазией, от гнета религиозных и реакционных предрассудков. А для этого надо, прежде всего, приблизиться к рабочей молодежи, усилить экономическую и массовую просветительную работу. По этому пути наши организации и идут. (Док. и мат. №№ 60, 61, 62 и 63).

Документы и материалы.

58. Состав „Интернационала рабочей молодежи“.

Все 27 организаций, примыкающих к меньшевистскому Интернационалу молодежи, можно разделить на три группы. К первой принадлежат те шесть организаций, которые действительно существуют, как активные союзы молодежи, и которые по своей численности имеют значение для рабочей молодежи своей страны. Ко второй группе принадлежат 16 организаций, частью ведущих настолько незаметное существование, что их приходится разыскивать едва ли не с помощью микроскопа, частью же весьма подозрительных по своему характеру. И, наконец, третью группу составляют пять организаций, фактически существующих только на бумаге.

Рассматривая первую из упомянутых трех групп, мы приходим к заключению, что входящие в состав ее организации целиком падают на среднюю Европу. Самая крупная из этих организаций—Германский Союз Социалистической Рабочей Молодежи—по своим последним официальным статистическим данным насчитывает 105 тысяч членов, из которых, впрочем, смело можно скинуть одну треть. Значение этой организации для дела борьбы рабочей молодежи Германии не только равно нулю, но даже и того меньше: это значение может по справедливости быть названо отрицательным, и если эта организация и проявляет в чем-нибудь свою деятельность, то разве только в том, что удерживает рабочую молодежь от классовой борьбы, а в последнее время даже пытается толкнуть ее в объятия фашизма.

Вторая по величине организация—Социалистическая рабочая молодежь Австрии. Этот союз самый значительный, наиболее сознательный и наиболее пролетарский во всем составе Интернационала молодежи. Численный состав его—36.000—по отношению к количеству населения Австрии следует признать весьма значительным. За ним следует Социалистическое Об'единение Молодежи Чехо-Словакии, имеющее приблизительно 17—18 тысяч членов. К этой организации едва ли приложимо название союза моло-

дежи в том смысле, как мы его обычно понимаем; здесь молодежь объединена в секции при партии и не имеет самостоятельного управляющего органа, как это раньше наблюдалось во всех пролетарских организациях молодежи в Чехо-Словакии. Что касается политического положения этой организации, то оно всего лучше характеризуется спором, возникшим на Гамбургском конгрессе по поводу этой партии, к которой эта организация принадлежит. Не менее характерна для выяснения этого положения и речь в Гамбурге одного из представителей означенной организации по вопросу о национальной обороне. Оба эти выступления как нельзя лучше говорят нам о том, что этот союз, одобренный законом об охране Чехо-Словацкой республики, может быть назван чем угодно, только не интернациональной организацией. *

Довольно значительна по своему численному составу и Бельгийская Молодая Гвардия. Она, как по своей идеологии, так и по структуре, является выродившимся потомком и преемником когда-то революционной Молодой Гвардии. Члены ее, число которых доходит до 16—18 тысяч, рекрутируются из самых разнообразных групп, в первую очередь интересующихся гимнастикой и спортом.

К числу последних союзов, имеющих хотя бы некоторое значение, принадлежит Социал-Демократический Союз Молодежи Дании с 10 тысячами членов и группы голландской молодежи, присоединившиеся к центральной организации рабочей молодежи; обе последние организации на всех парусах несутся навстречу культурно-реформистскому течению, тому самому, которое было изобретено Германской Рабочей Молодежью и затем стало руководящим в среде Интернационала Рабочей Молодежи.

Довольно пестра по своему составу вторая группа. Там мы, например, встречаем Союз Болгарской Социалистической Молодежи. Наши болгарские товарищи уверяют нас, что им еще ни разу не приходилось встретиться с живым представителем этой организации, уже не говоря о каком бы то ни было влиянии этого союза на болгарскую молодежь. Возможно, что в настоящее время обстоятельства несколько изменятся. Социал-демократическая партия Болгарии принимает участие в фашистском правительстве, требует усиленных репрессивных мер против коммунистов и, новидимому, постарается открыть для своей молодежи более широкие пути, причем дело, конечно, не обойдется без содействия фашистов.

Социал-демократическая организация Финляндской Молодежи состоит из нескольких группок (преимущественно в окрестностях Таммерфорса); о численном составе этой организации ничего неизвестно. Благодаря тому, что террор против коммунистов проводится в Финляндии при

благосклонном участии социал-демократов, надо надеяться, что сознательная часть молодежи останется вне влияния этой группы.

Обе организации, подписавшиеся от лица рабочей молодежи Франции, ведут между собой спор относительно того, которая из них имеет сто и которая двести членов. Диссиденты неоднократно делали отчаянные попытки для того, чтобы приобрести влияние на интеллигенцию и учащуюся молодежь, чтобы в недрах своей организации готовить будущих кандидатов на депутатские и министерские кресла; но все эти попытки ни к чему не привели, и организация ни на шаг не сдвинулась с места. Точно так же и Национальная Федерация Социалистической Молодежи Гвардии Франции делала тщетные попытки приобрести себе друзей среди молодежи среднего класса путем поддержки политики Пуанкаре при занятии им Рурского бассейна; организация эта осталась такою же малочисленной, какою была и раньше, но зато едва не навлекла на себя выговора со стороны Гамбурга за свою политику в рурском вопросе.

В Латвии, несмотря на то, что правительственный террор против коммунистов, поддерживаемый социал-демократами, совершенно лишает коммунистов возможности открытых выступлений, эта организация сыщиков и доносчиков вместе с примкнувшими к ней учениками средних школ и студенческими группами, все же не смогла сколько-нибудь значительно увеличить число своих членов, которых в настоящее время едва ли насчитывается и 400 человек—да и то по их собственным данным. Несколько многочисленнее социал-демократические союзы молодежи Швеции и Норвегии. Возникли они всего только два года тому назад, когда основание Интернационала Рабочей Молодежи сильно взволновало более старых социал-демократов; успокоились они только тогда, когда им удалось из некоторых исключенных нами членов наших организаций, из студентов и учащихся средних школ создать нечто вроде союза молодежи. В настоящее время эти организации влачат самое жалкое существование, имея от 2 до 5 тысяч членов и не пользуясь никаким влиянием среди трудящейся молодежи обеих стран.

Что касается Союза молодых социалистов Польши, то, несмотря на все старания, не удалось получить какие бы то ни было сведения об этом союзе. Еврейская социал-демократическая рабочая молодежь Польши есть остаток тех польских еврейских организаций, которые в 1920—21 г.г. присоединились к КИМ'у, и насчитывает не более 2—3 тысяч членов. Швейцарский Союз Социал-Демократической Молодежи состоит из нескольких группок (преимущественно в средней Швейцарии),

существующих милостью социал-демократической партии и имеющих в общей сложности не более ста членов. Почти также обстоит дело и с Союзом Молодых Социалистов Испании, образовавшимся из остатков прежней социалистической молодежи, которая в свое время с развевающимся знаменем почти полностью перешла к КИМ'у, и теперь существует, как Коммунистический Союз Молодежи. Чехо-словацкий Союз Социалистической Молодежи представляет собой только совершенно несамостоятельный придаток чехо-словацкой социал-демократической партии и имеет приблизительно 3—4 тысячи членов. Этот Союз был одним из первых противников лозунга коммунистической партии по вопросу о ежегодном 4 недельном отпуске трудящейся молодежи. В этой своей деятельности означенный Союз встречает энергичную поддержку со стороны Социалистического Союза Молодежи в германских областях Чехо-Словацкой республики, союзе, представляющем из себя остатки прежнего Социал-Демократического Союза, в 1920 году перешедшего к КИМ'у. После некоторого временного расцвета в настоящее время число его членов систематически падает и едва ли достигает 4 тысяч человек. Что касается польского Социалистического Просветительного Союза Рабочей Молодежи Чехо-Словакии, то никаких известий о нем получить не удалось. Быть может, единственным членом его является какой-нибудь польский профессор, которому внезапно пришла в голову мысль заняться вопросом о „культуре“ среди трудящейся молодежи.

Что касается третьей группы, то она вся целиком состоит из организаций выдуманных. И здесь на первом месте мы должны поставить Америку, которая по словам социалистической партии имеет группу молодежи; но сама трудящаяся молодежь—к счастью—о существовании таких групп ничего не слыхала. Затем следует Италия; здесь когда-то маленькие осколки коммунистической молодежи образовали Союз Социалистической Молодежи.

Основанный ярым противником Москвы, неким Ненни, параллельная организация Социалистической Молодежи уже проявляет стремление оторваться от унитаристской социал-демократической партии и присоединиться к КИМ'у, а о более правых организациях пока что нет ни слуху, ни духу.

Мы затрудняемся угадать, что именно старый Модильяно в Гамбурге мог сказать социал-демократическим молодым героям, чтобы добиться разрешения на подпись таких организаций под манифестом.

В заключение три жемчужины: появляется „иностранное представительство“ Социал-Демократической Молодежи Грузии. К счастью, эта организация достаточно скро-

мна для того, чтобы назвать себя именно только „иностранным представительством“. Так ей легче сознаться, что она не знает, кого, собственно говоря, она представляет. Социал-Демократическая Молодежь России и Социал-Революционная Организация Молодежи, гордо поместившие под манифестом свои подписи, поступили бы благоразумнее, если бы тоже назвались „иностранным представительством“. Русская рабочая молодежь встретит эти подписи только смехом.

Таков краткий обзор полчищ „Интернационала Социал-Демократической Рабочей Молодежи“. Как видно, этот Интернационал есть организация, главным образом, средне-европейская, при чем руководящую роль в ней играют две побежденные страны — Германия и Австрия, имея в своей свите несколько союзов из нейтральных государств вместе с игрушечной и политически совершенно незначительной организацией Бельгии, единственной из стран Антанты. Даже такого краткого обзора внутреннего состава этого „Интернационала“ вполне достаточно для того, чтобы понять все его значение для международного рабочего движения. Если мы взглянем в его политический характер и прежде всего обратим внимание на его усиленное подчеркивание „культурных“ задач, то мы получим полную и как нельзя более ясную картину контр-революционного объединения средне-европейских союзов.

(Из статьи Б. Курелля).

59. Из жизни соц.-дем. молодежи Германии.

I. Пир во время чумы.

11—12 августа 1923 г. в Нюрнберге (в Баварии) состоялись „юношеские дни“, организованные Союзом Социалистической Рабочей Молодежи Германии. Это были празднества, в которых приняло участие 20.000 представителей всех организаций ССРМГ. „Юношеские дни“ шейдемановской молодежи лишний раз выявили социал-соглашательскую и социал-патриотическую сущность ее организации.

Уже внешняя, декоративная часть „юношеских дней“ была чрезвычайно показательна в указанном смысле. На значках, которыми украсили себя участники празднества, были выбиты буквы „D. A. J.“ („Deutsche Arbeiter Jugend“ — „Германская Рабочая Молодежь“) в трехцветной (черно-красно-желтой) рамке. Эти цвета составляют национальный германский флаг... Юные шейдемановцы, повидимому, чувствовали себя не столько рабочих, сколько германской молодежью...

Эти „черно-красно-желтые“ тенденции целиком характеризуют шейдемановские „юношеские дни“.

Помещения, в которых происходили торжественные заседания, а равно и ораторские трибуны, были также убраны знаменами национальных цветов. Красных, революционных флагов было очень немного. И если все же многие провинциальные делегации приехали в Нюрнберг с красными знаменами и знаками, то это, во всяком случае, не приходится вменить в вину Центральному Комитету Союза!

Весьма знаменательно еще и то, что празднества как раз совпали с тем днем, когда германская буржуазная демократия празднует юбилей германской конституции *), — той самой конституции, что является таким великолепным прикрытием для крупно-капиталистических шакалов, для Стиннеса и К^о, для обрызганных рабочей кровью фашистов...

Вся программа „юношеского дня“ вполне соответствовала соглашательскому духу Союза Соц. Раб. Молодежи, — этой организации, пуше огня боящейся всего, что косвенно напоминает о классовой борьбе... Празднества социал-демократической молодежи должны были вылиться в одну сплошную „танцульку“... И это в момент, когда германская рабочая молодежь стоит перед серьезными, решающими боями! В момент, когда на весах истории колеблются судьбы германской революции, — больше того, революции всемирной!

Вот она — эта программа празднеств 11—12 августа:

Суббота, 11 августа.

Утром: открытие празднеств и приветствия. — 3 часа пополудни: республиканские (!?) демонстрации и празднество в честь конституции. — 6 часов: праздник в городском театре. — 8 часов: концерты в храме св. Лоренца и в храме Мейстерзингеров. — 6, 7^{1/2}, и 8^{1/2} часов: демонстрирование кино-фильмы: „Через высокие горы“.

Воскресенье, 12 августа.

Утром: экскурсия на Шмаузенбук. — 10—12^{1/2} часов: празднества в театре Фрейлихта и вольные игры за городом. — 12^{1/2}: выступления иностранных гостей. — 4—6 часов: публичные игры юношей и детей в 12 различных пунктах города. — 8 часов: процессия с факелами и заключительный праздник.

*) Нынешняя германская конституция была принята Национальным Собранием 11 августа 1919 г.

Игры, экскурсии, концерты,—и все это под „демократическим“ и „конституционным“ соусом, под сенью трехцветных знамен,—вот программа социал-демократических „юношеских дней!“ Можно подумать, что Германия Стиннеса и других капиталистических шакалов,—это какая-то идиллическая страна, где рабочей молодежи только и остается, что плясать, бегать по кинематографам и торжественно выступать с факелами в пышных процессиях!

Перейдем теперь к речам социал-демократических юношеских ораторов во время „увеселений“.

Первым выступал Вестфаль. Можно было бы полагать, что в дни решающих политических событий он коснется боевых задач и требований рабочей молодежи,—осветит их хотя бы на социал-демократический лад. Ничего подобного! Правда, он обронил пару-другую пустых фраз о „нынешнем тяжелом положении“ и о „серьезности момента“, но по вопросу о хозяйственных и политических требованиях молодежи—ни слова, о положении юных пролетариев—ни слова, обо всем, что интересует рабочую молодежь в связи с надвигающимися событиями—ни слова! Привет молодежи оккупированных областей и несколько сентиментальных фраз о французском милитаризме; восторженные реплики по поводу предстоящих празднеств; несколько не менее восторженных слов о молодежи, которая, вопреки „нынешнему тяжелому положению“, настроена радостно, поет и танцует,—вот и все „содержание“ его речи...

Выступал и небезызвестный Генрих Шульц, член ЦК Союза Раб. Мол. и одновременно один из наиболее ответственных руководителей германского министерства внутренних дел. Его типично-соглашательская речь была посвящена, главным образом, закону об обеспечении молодежи—одному из тех половинчатых и компромиссных законов, которые в помрачительном количестве пекутся в буржуазно-республиканской Германии. Разумеется, такой матерой соглашатель, как господин Шульц, мог лишь рассыпаться в восторженных восклицаниях по поводу этого закона...

В духе Вестфалья и Шульца высказывались и другие ораторы—вождь желтого Интермола Пит Фюогд, представитель ЦК Об'един. Соц.-Дем. Партии Бартельс и др.

Следует отметить, что официальная программа празднеств, их внешняя сторона и выступления руководящих ораторов далеко не целиком соответствовали действительным настроениям собравшейся в Нюрнберге рабочей молодежи. В момент, когда повсеместно растет обнищание пролетариата и крепнет волна недовольства, не так-то легко заставить 20,000 юных пролетариев (именно столько собралось в Нюрнберге) думать только о танцах, только о радостных песнях...

В противоположность прошлогодним „юношеским дням“ в Веймаре и Билефельде, на этот раз молодежь пела преимущественно не „увеселительные“ песни, а песни борьбы; она предпочитала группироваться не под трехцветными, а под красными знаменами; она покрыла восторженными аплодисментами речь австрийца Каница, заявившего, что „оружие в руках рабочего класса должно быть противопоставлено оружию в руках реакционеров“... Представители саксонских организаций ССРМ вышли на демонстрацию с пением коммунистических песен и привосторженных восклицаниях: „Да здравствует Советская власть в Саксонии“... Многие участники празднеств отказывались украшать себя окрашенными в национальные цвета значками, щедро раздававшимися организаторами „юношеских дней“... Очень многие из них охотно покупали в киосках литературу германского Комсомола...

Баварские фашисты, со своей стороны, позаботились о том, чтобы усилить боевые настроения в среде соц.-дем. молодежи. Во время уличных шествий участникам празднеств то и дело приходилось ввязываться в уличные скандалы и даже „кулачные бои“ с фашистами... В виду этого организаторам празднеств пришлось даже сократить маршрут процессии с факелами и отменить некоторые уличные выступления.

Таким образом, Нюрнбергские „юношеские дни“ временно выявили соглашательские настроения вождей и крепкую волю к борьбе рядовых членов Союза Социалистической Рабочей Молодежи. Прошли уже времена, когда можно было одурманивать широкие слои рабочей молодежи песнями, танцами и кино-фильмами. Недалек день, когда рядовые члены ССРМ швырнут в мусорные ящики свои трехцветные знамена и выступят на борьбу под кроваво-красным стягом пролетарской революции.

II. Фашизм под маской социализма.

Не превращается ли на наших глазах социал-демократическое юношеское движение в школу фашистских новобранцев?

Такой вопрос приходится поставить по окончании съезда „Юных Социалистов“ в Гофгейсмаре, в котором принимали участие представители „Свободной Германии“*), „Немецкой Народной Молодежи“**) и других полу-фашистских организаций.

*) „Свободная Германия“ — буржуазная юношеская организация. Ее левое крыло настроено довольно радикально и близко к социал-демократам; правое крыло в последнее время все более тяготеет к крайним буржуазным националистам.

**) „Немецкая Народная Молодежь“ — реакционная буржуазная организация молодежи.

Перед нами—июньский номер „Младо-социалистического листа“, содержащий подробный отчет об этом с'езде.

Основная отличительная черта этого журнала—национализм. Номер открывается стихотворением „Германия“, принадлежащим перу самого редактора—Карла Брегера. Далее следуют: „Немецкий человек и немецкий дух“ К. Брегера; „Народ и человечество“ проф. Наторпа; „Немецкий народ и немецкая культура“ д-ра Вальтера Коха; „Народ и государство“ Альмы де-Легль (Alma de l'Aigles); „Народ и государство“ проф. Г. Радбруха; „Государство и хозяйство“ д-ра Хеймана; „Социалистическая политика в новой Германии“ проф. Зинцгеймера. Уже этот перечень статей с полной ясностью свидетельствует, что основные тенденции журнала заключаются в „утверждении немецкого духа“, в тяготении к национализму и, наконец, в тяготении к государству,—разумеется, не к пролетарскому государству, но к государству вообще, т.-е. к существующему буржуазному государству.

Авторы всех этих статей—идейные руководители и основные ораторы Гофгейсмарского с'езда „Юных социалистов“. Что же это за „публика“?

Вот на первом плане патриотический поэт Карл Брегер. В августе 1914 года он стал социал-шовинистом; таким он остался и по сей день. Вот профессор Наторп—без сомнения, наиболее приличный среди всей прочей компании, но совершенно чуждый всякого понимания великой социальной борьбы наших дней. Далее следуют Вальтер Кох, один из вождей „Свободной Германии“, и Альма де-Легль, руководительница правого крыла „Свободной Германии“, тесно примыкающего к зловонному лагерю самых отъявленных германских националистов. Как Кох, так и почтеннейшая Альма де-Легль за последнее время ничуть не отрешились от своих „свободно-германских“ убеждений; они только подтвергли их некоторой „социалистической“ окраске. Профессор Радбрух—бывший германский министр юстиции, санкционировавший расстрелы десятков рабочих и бросивший в тюрьмы многие сотни их. Наконец, Эдуард Хейман—бывший секретарь покойного Вальтера Ратенау, германского министра иностранных дел. В общем,—небольшая, но теплая компания...

О „духе“ Гофгейсмарского с'езда дает ясное представление следующая выдержка из речи Брегера о „Немецком человеке в немецком духе“:

„...Каждый из нас обычно воспринимает нашу историю, как историю Пруссии, Саксонии, Баварии и т. д.; в качестве же истории всего германского народа она воспринимается нами лишь в чрезвычайные моменты. Такого человека, который заставлял нас воспринимать

свою историю, как историю обще-национальных судеб, я усматриваю в..."

Вся эта националистическая галиматья вылилась из уст социалиста. Хорош же „социализм“ в „младо-социалистическом лагере“!..

Но дальше всех пошла почтеннейшая Альма де-Легль. Ее речь—не больше, не меньше, как апология фашизма... Все, что болтала она о „Народе и государстве“, звучало совершенно на фашистский лад.

Занятно и поучительно ее „обхождение“ с принципом демократии, столь „дорогим“ всем социал-демократическим сердцам.—„Ну, конечно, демократия весьма даже хороша и всем нам желательна; мы, конечно, целиком за демократию; но она, к величайшему сожалению, совершенно не осуществима“,—вот к чему сводились все ее разглагольствования...

„Народ нуждается для осуществления своих государственных задач в группе лиц, которым он передоверяет власть.

...Эти лица являются представителями народа, поскольку они носят в себе народный дух. Они—власть волею бога и волею народа“.

Недурно, неправда ли? А вот и еще:

„Народ лишь неясно чувствует свой собственный дух; подлинные же носители государственной власти отчетливо сознают этот дух. Народный представитель должен быть полон горячей любви к своей нации, а равно и пламенной страсти политика. Он должен знать, где уместно народное самоуправление и где нужно применять насилие и попечение... Он должен знать, где иссякает сила воспитания и где нужно полагаться только на принуждение; лишь зная это, он сможет охранить добро от подавления злом. Он должен уметь настаивать на своем. Трагедия германского народа как раз и заключается в противоречиях между политикой уговаривания и политикой принуждения“...

Все это от начала до конца—проповедь фашистской диктатуры! Ибо чем иным считают себя фашисты, как не „меньшинством, призванным воплотить в жизнь национальную идею, хотя бы вопреки воле народного большинства“...

Далее, Альма де-Легль обрушивается на современный парламентаризм; по убеждению этой новоявленной „младо-социалистки“ следует желать, чтобы нашлись „государственные люди, которые сумеют взять на себя личную ответственность

за свою политику и не станут делить эту ответственность с сочленами по коллегиальным правительственным учреждениям "... короче говоря,—да здравствует диктатура!

Сильное государство, сильный государственный человек, „политика дела“, кастрированный парламентаризм, совещательная роль народного представительства и т. д.—вот основные идеи этого фашизма в социалистической маске.

В связи с Гофгейсмарским с'ездом, на котором—как видит читатель—велась откровенная пропаганда фашизма, не безынтересно вспомнить следующее обстоятельство. Последний конгресс шейдеммановского Союза Социалистической Рабочей Молодежи решил установить возможно более тесный контакт с „младо-социалистами“. Этот контакт, несомненно, приведет к тому, что „младо-социалисты“ возьмут в свои руки руководство Союзом. Само собою разумеется, что они превратятся и в идейных руководителей шейдеммановской молодежи. К чему сведется их идейное руководство—показывает Гофгейсмарский с'езд.

При благосклонной помощи „младо-социалистов“, вожди СССРМ вскоре превратят свою организацию в один из опорных пунктов германского фашизма.

60. Буржуазные юношеские организации в Германии.

I.

Если буржуазные организации молодежи играли и играют весьма значительную роль в социальной жизни Германии (достаточно вспомнить хотя бы о фашистских союзах молодежи, образующих основные боевые силы воинствующей реакции!), то и деятельность всех этих организаций в свою очередь всецело определяется той объективной обстановкой, в которой пребывает буржуазная молодежь. Ознакомиться в общих чертах с этой обстановкой необходимо всякому, кто хочет что-либо понять в пестрой, многоцветной картине буржуазного движения молодежи в Германии.

В первую очередь наше внимание должно остановиться на положении подрастающего поколения буржуазной интеллигенции,—учащейся молодежи, составляющей главную базу буржуазного юношеского движения. Именно из этой среды произрастают почти все руководящие идеи, лежащие в основе деятельности различных буржуазных юношеских организаций. Именно в этой среде возникли те юношеские союзы, которые обладают наибольшим культурно-историческим значением.

Какова же роль подрастающего интеллигентского поколения в общественной жизни Германии? Каковы общие условия его существования?

Мощное развитие капитализма, выдвинувшее Германию на положение страны с огромным мировым значением, на первых порах вызывало острую потребность в „воспроизводстве интеллигенции“. Для руководства промышленными предприятиями нужны были инженеры; от рабочих требовалась повышенная квалификация, и для их воспитания нужны были учителя; непомерно-разросшаяся и крайне запутанная система буржуазных правовых отношений выдвигала потребность в огромном кадре адвокатов и юридических консультантов (советников); связанное с развитием капитализма разбухание бюрократического аппарата предполагало наличие колоссальной армии интеллигентных чиновников и т. д. Таким образом, ощущался чрезвычайный голод в разного рода „спецах“ с высокой квалификацией. Из какого же резервуара черпались все эти интеллигентные силы, в которых так нуждалось капиталистическое общество? Главным образом, из среды разоряющейся мелкой буржуазии, все более вытесняемой крупным капиталом. Мещанские семьи усматривали единственное спасение от надвинувшегося материального краха в том, чтобы обеспечить своему подрастающему поколению блестящую карьеру на поприще какой-либо из „свободных профессий“, т. е. в области практики врачебной, адвокатской, учительской и т. п. Они выбивались из сил, чтобы дать своим сыновьям и дочерям возможность получить гимназическое и университетское образование и „выйти в люди“... Все материальные затраты, которые требовались для этого, впоследствии покрывались сторицей: „сделавшие карьеру“ молодые люди не только сами благоденствовали, но зачастую еще оказывали поддержку своим семьям...

Таким образом, как крупный капитал, нуждавшийся в „умственных рабочих“ и хорошо их оплачивавший, так и интеллигенция, искавшая применения своим силам, были взаимно удовлетворены; никаких оснований для обоюдного недовольства не было; интеллигенция чувствовала себя в привилегированном положении по сравнению с прочими наемными рабами капитала и сохраняла непоколебимую верность заветам буржуазной общественности.

Так обстояло до тех пор, пока не обозначились первые признаки загнивания капитализма. Затем привилегированное положение интеллигенции, казавшееся ей таким незыблемым и естественным, стало медленно, но неуклонно превращаться в свою противоположность. Интеллигенция все еще продолжала искать применения своим силам, но сплошь и рядом она уже не находила его. Появились „безработные“ педагоги, врачи, юристы, и с каждым годом их становилось все больше. Обнаружилось „перепроизводство интеллигенции“. Начался разлад между интеллигенцией и капитализмом.

Этот разлад должен был вызвать среди известной части интеллигенции, и прежде всего среди ее „излишка“, расцвет оппозиционных (по отношению к капитализму) настроений. Конечно, интеллигентская оппозиция должна была иметь чрезвычайно неглубокий, поверхностный характер, — особенно на первых порах. Самая роль интеллигенции в капиталистическом обществе, ее промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом мешают ей вести непримиримую и последовательную борьбу против капитала. Она не понимает, что без коренного преобразования общественных форм для нее нет спасения. Она боится социализма, как чорт боится ладана. Она добивается только частичных, поверхностных изменений капиталистического общества, не посягая на его „священные“ устои.

Но как бы поверхностен ни был разлад между интеллигенцией и капитализмом, это все же был разлад... И как таковой, он вызвал в известной части интеллигенции некоторые идейные сдвиги. С наибольшей определенностью эти сдвиги должны были обнаружиться среди подрастающего поколения интеллигенции, среди учащейся молодежи. В самом деле, ведь взрослые интеллигенты успели уже в прошлом занять определенное общественное положение и „закрепиться“ более или менее прочно в этом положении; напротив, молодежи только еще предстояло „делать карьеру“ и завоевывать себе материальное благосостояние. Между тем, настоятельной нужды в свежих интеллигентных силах уже не чувствовалось, все „теплые места“ были уже захвачены старшим поколением, отнюдь не располагавшим уступать их молодежи... Этой последней предстояло либо довольствоваться гораздо более скромным общественным положением, либо даже переходить на роль „безработных“ и „лишних“ людей. Не слишком утешительная перспектива! И передовая учащаяся молодежь чрезвычайно остро ощутила это. Она почувствовала неприязнь и к буржуазной общественности, как таковой, и к старшему поколению, с которым ей по окончании образования предстояло начать борьбу за существование. Так к разладу между интеллигенцией и капитализмом присоединился еще более острый разлад между „отцами“ и „детьми“, между взрослыми и молодежью. Создалась почва для оппозиционного движения интеллигентской молодежи, направленного против буржуазных бытовых отношений. В конце 90-х годов, когда „перепроизводство интеллигенции“ впервые принимает характер крупного общественного бедствия, возникают первые крупные „оппозиционные“ союзы учащейся молодежи („Перелетная птица“ и др.). В дальнейшем, по мере ухудшения социального положения интеллигенции, движение разрастается; возникают еще более радикальные организации (например, незадолго до миро-

вой войны — „Союз свободных немцев“); в них вовлекаются все более широкие круги юной интеллигенции.

Интеллигентское юношеское движение возникло и развивалось на первых порах, как движение протеста против буржуазного быта, против старой семьи и против школы. Почему семья („отцы“) стала возбуждать неприязнь подрастающего поколения, мы уже говорили. Что касается школы, то и у нее имелось более, чем достаточно, таких особенностей, которые делали ее ненавистной молодежи. Буржуазная школа, все окна которой наглухо законопачены, чтобы не пропускать новых и свежих веяний, вызывала у передовой оппозиционной молодежи глухую вражду, граничившую с непримиримой ненавистью. Начиналось дело с рисования карикатур на педагога-чиновника, чуждого и непонятного молодежи, а кончалось созданием оппозиционных союзов, мечтавших о разрушении старой школы...

II.

Мы выяснили основные причины зарождения интеллигентского юношеского движения. Мы видели, что оно стремилось к разрушению „авторитета старших“ и отчасти даже к борьбе против отдельных сторон буржуазной общественности. В этом движении не было ничего подлинно-революционного, и его участники вовсе не мечтали о „потрясении основ“. Но все же они были оппозиционерами и — на буржуазно-полицейский взгляд — почти крамольниками. Те общественные слои, на которых зиждется здание капиталистического строя, увидели себя вынужденными бороться с распространением новых веяний в среде интеллигентской молодежи. Но как бороться? Путем репрессий? Что ж, и этот способ недурен, но только он не достаточен. К нему нужно было присовокупить еще какие-либо особые, чрезвычайные формы борьбы; нужно было придумать нечто новое и своеобразное...

Вот здесь-то на помощь правящим классам и пришел их богатейший опыт в борьбе с пролетарским юношеским движением, с явно-крамольными и революционными веяниями в среде трудящейся молодежи... В этой области они не скупились на жесточайшие репрессии, но, наряду с репрессиями, применялись и другие методы воздействия на юных трудящихся. Методы эти были не слишком хитроумны, но они достигали своей цели... Они заключались в том, что трудящаяся молодежь при помощи различных приманок завлекалась в организации, созданные правящими классами, и здесь подвергалась соответствующей воспитательной обработке. Каждый шаг молодежи в таких организациях подвергается контролю со стороны

приставленных к ней взрослых „опекунов“; молодежь читает только те книги, которые ей подсовывают руководители, и слушает только те лекции и доклады, которые они для нее устраивают; молодежь воспитывают в духе непоколебимой преданности религии, властям и „отечеству“, из нее вытравливают недоверие к „авторитету старших“ и наставляют в духе „спасительной дисциплины“. Таким образом, ее как бы застраховывают от увлечения революционными теориями. Церковь, высшее офицерство и буржуазные политические партии с одинаковым усердием тратят свои силы на это дело, совершенно правильно учитывая его колоссальное значение для сохранения капиталистического строя. Созданные и „опекаемые“ ими союзы молодежи являются в сущности своего рода „обществами страхования от революции“. И они—эти „общества“—не слишком скверно выполняют свое назначение...

Церковь первая приступила к „опеке“ над молодежью. Это и понятно: упадок веры и „христианской морали“ сказался значительно раньше, чем пробудились революционные стремления. В последнее время церковь получила поддержку со стороны близких к германскому правительству элементов—высшей военщины и буржуазных политиков. Все они идут разными путями, но основная цель у них общая: воспитать молодежь в духе смирения и угодливости...

Принцип „опеки над молодежью“ правящие классы первоначально применяли, главным образом, по отношению к трудящейся молодежи. Но с пробуждением оппозиционного духа среди подрастающего поколения интеллигенции они приспособили его и к этому последнему. Опять-таки церковь оказалась впереди; была оживлена деятельность старых клерикальных союзов учащихся и основаны новые союзы. Вслед за этим возник целый ряд „милитарных“ (основанных военщиной) организаций и „юношеских групп“ при буржуазных политических партиях.

„Опека“—это противовес „движению“. „Опека“ всегда носит реакционный характер; „движение“ всегда скрывает в себе зародыши оппозиции и протеста.

Об этом различии между самостоятельными и несамостоятельными юношескими организациями, между „юношеским движением“ и „опекой над молодежью“ читатель не должен забывать ни на минуту.

III.

Мы рассмотрели основные линии развития буржуазных юношеских организаций в период, когда начинается загнивание капитализма и связанное с ним „перепроизводство интеллигенции“. Мы должны теперь остановиться на влиянии

мировой войны и последовавшей за нею германской революции на буржуазные организации молодежи. Для этого нам нужно ознакомиться с объективным общественным положением молодежи в этот период.

Что представляет собою „поколение войны и революции“? В каких живет оно условиях?

Начнем наш обзор с молодой интеллигенции.

Последние годы ознаменовались небывалым ухудшением экономического положения лиц, подвизающихся в „свободных профессиях“. Обнищание средних слоев и, прежде всего, интеллигенции достигло неслыханных пределов.

Каждый день приносит средним слоям одни только новые тяготы... „Худшие дни для рабочих еще впереди, для среднего класса они уже наступили... Рабочие еще отстаивают с напряжением сил свой скудный прожиточный минимум, но фронт среднего класса безнадежно прорван... Средний класс умирает у нас на глазах, чудовищная мельница мировой истории перемалывает его между своими жерновами... Служащие и интеллигенция не зарабатывают физиологического прожиточного минимума. Профессор зарабатывает меньше чернорабочего, врач меньше маляра. В классической стране наук, которая кичилась и кичится своей ученостью, своими университетами, академиями и профессорами, ординарный профессор получал, напр., в ноябре 1922 года 12—15 тысяч марок. Это меньше половины прожиточного минимума. „Представьте себе такие цены: фунт масла или маргарина 1.200—1.500 марок, ботинки 15—20 тысяч, книга (небольшая) — 2.000, и вы будете иметь представление о том, как в Берлине живут или, если хотите, умирают профессора“, — писал в начале 1923 года такой превосходный наблюдатель, как тов. С. Членов (статья „Современный Берлин“ в „Красной Нови“ за 1923 г., № 1).

В области идеологической процесс обнищания германской интеллигенции вызвал новые и значительные сдвиги. Современная германская интеллигенция и, прежде всего, ее молодое поколение чувствуют с необыкновенной остротой, что существующие общественные отношения глубоко неудовлетворительны. Они понимают, что их надо изменить. Но как изменить их? Какими средствами? И какой противопоставить им общественный идеал? Вот тут-то и начинается шумливая разноголосица и полнейший разброд. Одни говорят: нужно перешагнуть через капитализм и воздвигнуть новый общественный строй на основе всеобщего братства и коммунизма. Но тех, кто так говорит, очень еще немного.

Гораздо большая часть интеллигенции смотрит на вещи совсем иначе: во всех бедствиях виноваты военный разгром и

революция; ведь раньше, „при кайзере“ жилось. значительно лучше; нужно, следовательно, восстановить мощную, победоносную Германию и разгромить революционный пролетариат; после этого начнется новая счастливая жизнь... Эта часть интеллигенции, когда-то „демократичная“ и вольнодумная, ударилась в наши дни в крайний великогерманский национализм и занимается пособничеством реакции. Нашлись и такие, которые узрели „спасение“... в церкви. Когда-то они были „нейтральны“ в вопросах религии или даже тяготели к воинствующему материализму; сейчас, когда нужда и голод скрутили их, они зовут своих сограждан „под благостную сень креста“... Религия — утеха слабых и беспомощных, и на эту-то „утеху“ накинулись многие из интеллигентов.

Все эти идейные сдвиги наиболее четко означились в среде интеллигентской молодежи. Старые организации этой молодежи усвоили новую ориентацию; возник также целый ряд новых союзов.

Все эти „последыши“ буржуазного юношеского движения можно разбить на три группы: на организации националистические, религиозные и на организации, тяготеющие к коммунизму.

IV.

Как отразились послевоенные общественные потрясения на союзах, опекаемых взрослыми?

В эпоху „мирного“ развития капитализма эти союзы нужны были правящим классам, как организации, политически „нейтрализующие“ молодежь, обезвреживающие ее, предохраняющие от увлечения „крайними“ теориями. После войны, в эпоху революционных потрясений, правящие классы стали выводить опекаемые ими союзы из состояния политической летаргии и превращать их в оружие против революции. Целый ряд старых „опекаемых союзов“ получает фашистскую окраску; организуются специально для борьбы с революционным пролетариатом десятки новых союзов — крупных и мелких... После войны получает широкое распространение как раз тот вид „опеки“, который раньше был развит довольно слабо: опека со стороны правых политических партий. Это последнее обстоятельство особенно выразительно подчеркивает происшедшую „смену курса“: переход „опекунов“ от поощрения среди „опекаемых“ политической апатии к культивированию политической активности.

В фашистских союзах молодежи главный контингент членов образуют учащиеся; но встречаются здесь и юные проле-

тарии, в некоторых союзах в весьма большом количестве. Не так давно на одном собрании в Берлине произвело сенсацию сообщение юноши-комсомольца, работающего на крупном металло-обрабатывающем предприятии и заявившего, что из 120 работающих на этом предприятии юных пролетариев 20 входят в соц.-дем. союз молодежи, 14 в Комсомол, а все остальные—в фашистский „Союз Бисмарка“... После этого было произведено расследование, имевшее целью выяснить действительное число входящих в „Союз Бисмарка“ молодых рабочих, и оказалось, что в некоторых районах организации этого союза почти сплошь состоят из пролетарских элементов. В общем, рабочая молодежь, конечно, не составляет большинства, но все же весьма значительный процент...

Почему же рабочая молодежь позволяет вовлекать себя в организации, явно враждебные всему рабочему классу?

Чтобы понять, в чем тут дело, нужно вспомнить, что пролетарская молодежь в современной Германии является не только „поколением революции“, но и „поколением неудавшейся революции“... Она живет в эпоху не оправдавших себя ожиданий и несбывшихся надежд. Пролетариат начал революцию во имя своего раскрепощения, но оказалось, что он только променял „кайзера“ Вильгельма на „кайзера“ Эберта... После революции рабочему классу живется несравненно хуже, чем до нее; никогда еще реальная заработная плата не была так низка; никогда еще тюрьмы не были так набиты рабочими.

Разочарование—вот что переживают сейчас многие и многие тысячи пролетариев. Разочарование в революции. Разочарование в социал-соглашательских вождях, предавших свой класс в годы ожесточенных социальных битв. Разочарование в „демократии“, которую так рекламировали вожди-соглашатели и которая на деле оказалась только ширмой для диктатуры спекулянтов и золотопогонников. Разочарование в „демократических“ законах, с которыми никто не считается и которые не стоят той бумаги, на которой они написаны.

К разочарованию примешивается еще настороженность, подозрительность—часто тупая, злобная и нездоровая... Старые вожди предали нас,—рассуждают некоторые рабочие,—с какой же стати станем мы верить новым вождям-коммунистам! Все вожди сделаны из одного материала, все только и думают, как бы по нашим спинам пролезть к высокому постам! Рабочим, которые так рассуждают, в равной мере ненавистны и желтые соглашатели, и красные коммунисты; разочарование в революции и болезненная подозрительность мешают им отличать предателей от честных революционеров.

„Долой демократов и коммунистов“—вот лозунг усталых, разочарованных рабочих. Но ведь это лозунг фашистов! Ведь именно фашисты кричат на всех митингах, что

нужно вздернуть на фонарные столбы и Эберта, и Клару Цеткин!

Так наметились точки соприкосновения между отсталой, малосознательной частью рабочего класса и злейшими врагами революции—фашистами. И фашисты учли это. Они стали приспосабливаться к рабочим: был выдвинут лозунг борьбы против капитала (правда, только „еврейского“!), была разработана демагогическая программа экономических требований... Фашисты стали организовывать собственные профсоюзы и даже проводить „своих людей“ в фабзавкомы; их организации стали расписываться в своей преданности пролетариату; фашистская организация Адольфа Гитлера даже и называется, ни больше ни меньше, как „национально-социалистической рабочей партией“...

Таковы условия, которые сделали возможным союз известной части пролетариата с воинствующей реакцией. Разобравшись в этих условиях, мы поймем, каким образом буржуазии, попам и золотопогонникам удалось превратить опекаемые ими союзы молодежи, в составе которых чрезвычайно много юных трудящихся, в опорные пункты контрреволюции.

Но „опекуны“ не учли одного весьма важного обстоятельства. Они не сообразили, что, пробуждая опекаемую ими молодежь от политической спячки, они тем самым делают ее уязвимой для революционной пропаганды. Молодой рабочий, который никогда не задумывается над политическими вопросами, гораздо опаснее для революции, чем юноша-пролетарий, который проявляет политическую активность. Сегодня этот последний—фашист, завтра он будет коммунистом. Время и события покажут ему, где его подлинные друзья и где враги. Раньше или позднее среди трудящейся молодежи, обманутой и одураченной своими „опекунами“, должно начаться отрезвление. И тогда—горе опекунам! Горе капитализму!

Первые признаки наступающего отрезвления уже сказываются. Случаи перехода молодых трудящихся из фашистского лагеря под знамена революции все учащаются.

Это—знамение близящегося краха всей системы буржуазной опеки над молодежью.

(Мирошевский, „Бурж. юнош. орг. в Германии“).

61. Самостоятельная буржуазная юношеская организация.

„Младо-германский союз“.

Эта организация возникла в 1919 году. Ее предшественниками были группы молодых фронтовиков-интеллигентов во главе с Отгером Грефом, которые еще в 1916—1917 г.г. направляли в тыл „воззвания“ с пламенным призывом к молодежи отрешиться от „старых, косных воззрений“, забыть все прежние идейные распри и единодушно встать под национальные знамена для защиты „отечества“. Чтобы понять настроение этих молодых фронтовиков, часто вполне искренних и убежденных людей, нужно вспомнить, что объявление войны для многих германских передовых интеллигентов явилось неожиданным сигналом, знаменовавшим крах старого опустыленного мира. Часть германской интеллигенции—в то время еще не большинство ее, а именно передовая, наиболее чуткая и наиболее недовольная, будирующая часть ее,—восприняла войну, как ломку старого, как переход к чему-то новому, неизведанному, сулящему раскрепощение творческих сил личности, скованных мертвыми путами буржуазной общественности... Они—эти недовольные, будирующие интеллигенты—из гнилой трясины мещанства, засасывавшего их и пожиравшего, спаслись под сень национальных знамен: они мечтали о подвижнической жизни в траншеях, о мученической смерти под неприятельскими залпами; война была для них духовным воскрешением, зарницей светлого будущего, порывом из царства будничной действительности в царство идеального, в мир мечты. И они приветствовали войну. Они передвинулись со своих прежних идейных позиций на позиции новые—националистические. Они радостно окунулись в пряную, острую атмосферу патриотической романтики, националистического идеализма. Они не понимали, что эта романтика была только одним из орудий империалистической политики, только ширмой, за которой крылись голохищнические и прозаичные интересы банковско-промышленно-милитаристической клики... На то они и были мелкобуржуазными, оторванными от реальной действительности, вышибленными из старого мира и не соприкоснувшимися с новым, пролетарским миром интеллигентами, чтобы не понимать этого. Проклятие мещанской духовной ограниченности довело над ними.

После объявления войны протекли месяцы и годы. Многие из тех, кто с энтузиазмом „принял“ войну, успели разочароваться и извериться в ней. Многие поняли, что война несла с собою не раскрепощение, а растление культурных ценностей,

которые так близки были интеллигентному сердцу. Когда из-под романтической маски древне-германского героя выглянула скотская, заплывшая жиром рожа хищника-банкира; когда светлые дали, которые примерещились фантазерам-интеллигентам в начале войны, оказались при ближайшем рассмотрении просто бездонной и бескрайней мусорной ямой капитализма,— тогда некоторые из тех, кто в 1914 году был пленен патристической романтикой, бестрепетно шагнули в лагерь злейших недугов национализма, в лагерь социальной революции. Но не все, далеко не все... Нашлись и такие, кто до конца сохранил непоколебимую верность обретенным в 1914 году знаменам. Эти говорили: „Мы уверовали в войну, потому что мы верили в победу. Но война не принесла с собою победы, она принесла только разгром и национальный позор. Не война виновата в этом позоре, а поражение. Так будем же бороться под старыми знаменами за новую Германию, которая смое с себя позорное клеймо поражения; будем строить новую победоносную Германию“.

И они остались националистами. „Младогерманский союз“—одна из их организаций. Дух мелкобуржуазно-интеллигентской ограниченности живет в этой организации.

Вот, что пишет Франк Глядель, крупнейший из „младогерманских“ вождей: „Мы—продолжатели дряхлеющей уже целые столетия борьбы за единство, свободу и права Германии. Штейн и Фихте *)—вот кто наши предтечи... Мы—их наследники, мы довершаем начатую ими стройку. Наша эмблема—три золотых кольца на зеленом поле. Зеленая окраска знаменует собою расцвет жизни. Золотой цвет это цвет истины и идеальных стремлений. Мы боремся за идеалы, за истину, за самую жизнь. Три смыкающихся кольца знаменуют собою всенародное единство. Германская нация тяготеет сейчас к трем идеалам: к христианству, к национализму и к социализму. Мы полагаем, что эти три идеала единосущны. Они противостоят друг другу только в плоскости же доктринерства и площадной агитации. В плоскости же идейной они целиком сливаются... Поэтому в нашем союзе не существует религиозных противочий: ведь и католики, и протестанты в равной мере являются христианами! Нас не разделяют также и классовые противоречия: ведь есть единый организм, все части которого жизненно необходимы для целого! Не раз'единяют нас и противоречия партийные: ведь партии—это только многообразное выражение настроений единой национальной массы в парламентском кон-

*) Штейн — выдающийся прусский государственный деятель начала XIX ст., ратовавший за национальное освобождение Германии. Фихте—германский философ-националист.

церте!.. В борьбе классов мы не чувствуем себя ни „буржуа“, ни „пролетариями“... *).

Весь этот отрывок—от первого до последнего слова—может служить превосходным образчиком интеллигентской тупости, прикрываемой пышной словесной мишурой... Да, „младогерманцы не чувствуют себя ни буржуа, ни пролетариями,—но от этого их национализм не теряет ни малейшей доли своей объективно-буржуазной сущности! Да, они не видят противоречий, разрывающих якобы единую германскую нацию на части, но от этого классовая борьба не становится менее острой, и пролетарии не смыкают своих боевых рядов с противостоящими им рядами капиталистов! Да, „младогерманцы“ считают национализм и социализм „единосущными“, но ведь националисты Зект и Кар не отказались еще ни от одного случая, когда можно было вздернуть или пристрелить пролетария-коммуниста!...

Мелкобуржуазная интеллигенция видит мир не таким, как он есть, а таким, как она хочет его видеть. „Сущее“ она подменяет „желаемым“. В одной духовной слепоте—Каиново проклятие интеллигенции.

Каковы же цели—конкретные общественные цели—„младогерманцев“? Гляцель определяет их следующим образом: „От отрицательного идеализма, основывающегося на голой критике существующих социальных и государственных форм, мы стремимся перешагнуть к положительному идеализму: мы хотим практически участвовать в строительстве будущего общества и государства. Мы хотим действительно продвигаться вперед, а не стоять неподвижно на почве утопий“... Хорошая цель, хорошие мысли! Но, увы!—только на первый взгляд... Присмотримся поближе к „общественному идеалу“ младогерманцев—и мы опять вспомним о довлеющем над интеллигенцией проклятии... Перед нами—недавно вышедший в свет сборник „Neue Front“, в котором помещена статья нашего старого знакомого Гляцеля; из этой-то статьи мы и узнаем досконально, что представляет собой „общественный идеал“ младогерманцев. Гляцель рассматривает младогерманское движение, как часть „нового фронта“, борющегося за новую же Германию. Это движение имеет своей исходной точкой „мобилизацию естественных чувств нации против разрушения общества“. Но каковы же те силы, которые „разрушают“ общество и против которых борются младогерманцы? „Германское общество, — отвечает Гляцель,—разложено материализмом и рационализмом. Эти два смертных греха являются причиной развала морали, права,

*) См. Гляцель в сборнике Siemering'a („Die deutschen Jugendverbände“), стр. 185.

веры и, наконец, государства... Итак, чтобы создать „Новую Германию“, нужно преодолеть материализм и рационализм. В этом и заключается „общественный идеал“ младо-германских мракобесов. Но ведь Гляцель, как помнит читатель, обещал построить „идеал“, который основан не на „отрицательном идеализме“, не на голой критике, а на „идеализме положительном“, — иными словами, он взял на себя обязанность не только раскритиковать и ошельмовать существующие формы общественной жизни, но и выдвинуть на смену им нечто положительное, нечто новое! Где же это новое? Ведь оплеванным Гляцелем материализму и рационализму могут быть противопоставлены только мистицизм, только мракобесие. Но ведь первенство религии над наукой, веры над знанием — не ново! Возврат к средневековью — вот что проповедают младо-германцы. „Новая“ Германия в духе Гляцеля — это Германия попов и феодалов, суеверий и эксплуатации, духовной тьмы и социального гнета! Младо-германцы тяготеют и тяготеют вполне искренне к новому, но на деле они — дайте только им волю! — увлекли бы Германию на несколько столетий назад...

Вот оно — Каиново проклятие интеллигентного мещанства! Под пышными словами — грязное, отвратительное дело. С искренним, нелицемерным энтузиазмом философствующий мещанин зовет народные массы в п е р е д; на деле он увлекает их н а з а д к давным-давно изжитому прошлому.

(Мирошевский, „Бурж. юнош. орг. в Германии“).

62. Опекаемая буржуазная юношеская организация.

„Молодая Германия“.

13 ноября 1911 года на частном совещании группы высших офицеров, созванном по инициативе генерал-фельдмаршала фон-дер-Гольца, было решено создать юношескую организацию под названием „Молодая Германия“. Задача нового союза была определена в том смысле, что он стремится „к укреплению национальной мощи и, тем самым, к укреплению вооруженных сил“. По намеченному плану, союз должен был заниматься устройством прогулок, спортивных и, главное, воинских упражнений. Тот факт, что деятельность новой организации не была ограничена одними лишь воинскими упражнениями, — чрезвычайно показателен. Спорт и экскурсии нужны были организаторам „Молодой Германии“ не только, как приманка для тех юношей, которые иначе вступили бы в радикально-буржуазные союзы вроде

„Перелетной птицы“, основывавшие всю свою деятельность именно на загородных прогулках и спорте... Опекуны в генеральских мундирах остались верны принципу всех юношеских опекунов: они заимствовали внешние формы деятельности опекаемого ими союза у самостоятельного юношеского движения...

Организационная структура „Молодой Германии“ характеризуется крайним централизмом. Во главе всех местных групп союза—офицеры. В 1918 г. союз охватывал около полумиллиона членов. Само собою разумеется, что „Молодая Германия“ щедро субсидировалась правительством Вильгельма II.

Союз насаждал среди молодежи самый беспардонный шовинизм и милитаристическую романтику. „Никакие упражнения, никакие игры,—писал фон-дер-Гольц,—не обладают такой притягательной силой, как воинские игры, особенно, когда ими руководят офицеры в форме“... Культ „человека в мундире“—вот основа, вот сущность „Молодой Германии“.

О войне один из этих „людей в мундирах“ пишет в 1913 г. в союзном органе следующее: „И для нас когда-нибудь наступит радостный и великий час, о котором в настоящее время мы можем мечтать только втихомолку. Тоска по войне зачастую превращается в пустое бахвальство и смешное бряцание оружием. Но в сокровенной глубине немецкого сердца живут подлинная любовь к войне и подлинная тоска по ней. Ибо у нас достаточно врагов, а победа достается лишь тому народу, который идет на войну с радостью и ликованием“... Эти слова великолепно характеризуют идеологию „Молодой Германии“. Они не нуждаются в комментариях. Война 1914—18 гг. весьма неблагоприятно отразилась на организационных силах союза. Огромное большинство членов и руководителей ушло в окопы. В некоторых областях правительство официально поручило союзу проведение допризывной подготовки молодежи, установленной в то время законодательным путем.

К 1918—19 гг. союз почти распался, многие местные группы перестали существовать. 5 сентября 1920 г. ЦК союза выдвинул предложение о ликвидации союза, но союзная конференция в Потсдаме отвергла это предложение. Чтобы понять причины пережитого в это время „Молодой Германией“ кризиса, нужно вспомнить, что в первый период своего существования (1911—1918 г.г.) эта организация являлась орудием милитаристической политики правительства Вильгельма II; правительство субсидировало ее и давало ей различные задания. Ноябрьская революция 1918 г., изменив взаимоотношения между правительством и высшей военщиной, тем самым превратила „Молодую Германию“ из полуправительственной организации в самый заурядный спортив-

ный союз. Это, конечно, больно ударило по „Молодой Германии“.

Однако, союзу пришли на помощь различные реакционные и националистические круги, предоставившие ему финансовую и идейную поддержку. С 1921 г. начинается медленный подъем союзной работы. В настоящее время „Молодая Германия“ представляет собою обширную организацию, охватывающую свыше 150.000 членов. Руководитель союза—крайний националист Вулленвебер. Печатный орган—„Jungdeutschland-post“ („Младогерманская почта“).

„Молодая Германия“ в настоящее время является типичным фашистским союзом молодежи, ориентирующимся на свержение демократической республики, подавление рабочего класса и восстановление монархической и милитаристической Германии. Некоторые организации союза находятся на нелегальном положении.

(Мирошевский, „Бурж. юнош. орг. в Германии“).

63. „Христианский Союз Молодых Людей“.

„Христианские“ мальчики и американские папашаи.

Большую роль в деле порабощения китайцев играют различные иностранные религиозные организации. Я говорю о миссионерах, попах, монахах и монахинях и, прежде всего, о „Христианском Союзе Молодых Людей“ *).

Все эти миссионеры связаны с контр-разведками своих стран. Так, во время восстания китайского народа против иностранного империализма в 1898—90 г.г., получившего название „боксерского восстания“, вся миссионерская „святая братия“, имея связи среди обращенных в христианство китайцев, исполняла прямые функции контр-разведчиков.

Миссионер—это понятие вполне равносильное агенту правительства.

Американский „демократический“ империализм небезуспешно пытается с помощью тех же средств обрабатывать общественное мнение Китая.

Для этой цели американцы создали в Китае организации „Христианского Союза Молодых Людей“, существующего на средства капиталистов, стоящих близко к американскому правительству.

*) Христ. Союз Молодых Людей—одна из крупнейших буржуазных организаций молодежи, имеющая свои группы почти во всех странах.

В основе проводимой этим Союзом политической пропаганды и агитации лежит, конечно: терпи и подчиняйся, переноси терпеливо обиду, за что получишь „блаженство на небеси“. Все это лозунги, имеющие определенный политический смысл...

Но для того, чтобы обратить на себя внимание китайцев и прослыть за „друзей китайского народа“, Христианский Союз Молодых Людей совместно с миссионерами открывает школы, госпитали, даже богадельни.

Этим путем они привлекают на свою сторону китайскую массу, в особенности молодежь, которая в дальнейшем политически обрабатывается в клубах „христианских мальчиков“.

Во время много шумевшего в 1919 г. не только в Китае, но и за пределами его бойкота китайцами японских товаров, который был поддержан американцами, что являлось попыткой американских капиталистов экономически вытеснить Японию из Китая,—Христианский Союз Молодых Людей являлся фактически штаб-квартирой бойкотистского движения.

Угроза японцев подавить этот бойкот вооруженной силой была угрозой больше по адресу американского правительства, чем по адресу китайцев. И американцы пошли на уступки. Они отказались от поддержки бойкота.

Проводил в жизнь это решение опять-таки Христианский Союз Молодых Людей, который предал боровшееся с японским империализмом китайское студенчество и свел на нет результаты бойкота.

Опять-таки „христианские мальчики“ оказались очень послушными ребятами своих папаш из американского посольства.

Прошло с тех пор три года. За это время Христианский Союз Молодых Людей успел несколько „полеветь“. Священное писание оказалось недостаточным для воздействия на китайскую молодежь.

Пришлось забросить терминологию вроде „небеси, чуда творящие“, „аки“ и прочие священные словеса и заговорить терминами земного характера:

— Всеобщее разоружение!

— Демократия!

— Мировой конгресс Христианского Союза Молодых Людей!

Совсем не шутят! Да и конгресс созывают не в небесах, а в Пекине.

А делегаты, как потом выяснилось, в „чинах и орденах“..

В чем же дело?

Ларчик просто открывался. Незадолго перед „полеванием“ закончилась Вашингтонская конференция, где Америка наговорила кучу слов о разоружении всех, кроме себя, разумеется.

Этими словечками: разоружение, демократия, равенство „христианские мальчики“ хотели одурачить массы.

Но не тут-то было. Социалистический Союз Молодежи провел стройную кампанию по разоблачению сущности Христианского Союза Молодых Людей. Сотни прокламаций, листовок, воззваний было брошено в массу.

В противовес Христианскому Союзу был создан Антихристианский Союз Молодежи.

Полетели телеграммы по всем университетам:

— Организуйтесь, протестуйте против новой провокации!

Секретарь одной из христианских организаций показывал мне целую кучу писем с выражением симпатии идеям новой организации и ее борьбы.

За один месяц движение охватило около двадцати тысяч молодежи. Не было города, где не было бы Антихристианского Союза Молодежи.

Всюду митинги, протесты, демонстрации против конгресса Христианского Союза Молодых Людей.

Завопили американские газеты:

— Большевицкая пропаганда; положение напоминает боксерское восстание! Введем войска, убьем заразу!

Зашныряли дипломаты, ноты, протесты...

А газеты-то, газеты! Посмотрите на „Пекин—Тьендзинское время“—американский орган. Выше заголовка жирным шрифтом: „Об антихристианском движении смотри страницу такую-то“.

Вооруженные угрозы возымели свое действие.

Английская полиция в Шанхае месяц спустя совершила налет на квартиру Антихристианского союза. Начались репрессии.

Я решил поехать ко времени открытия конгресса Х.С.М.Л. Пекин. Здесь легко было следить за его работой.

Остановился в отеле, где разместились делегаты конгресса.

Кого здесь только не было: худосочные англичанки, немцы, американцы, задававшие тон,—вплоть до представителей Христианского Союза Молодых Людей России, выкопанных, вероятно, из Харбина, далее—индусы, негры, китайцы.

Но молодежь-то все... с лысыми, бородами, седыми усами. Нечего и говорить—почтенная молодежь! А вот один из вождей—какой-то бывший министр вильгельмовского правительства. Ныне он не у дел—безработный. Но ничего, пристроился, нашел место у „христианских мальчиков“.

Молитв-то пели. Господи, благослови! Спать не давали. По всему отелю гудели. А ведь отель не малый, шестиэтажный.

Идешь по коридору—а только и слышно: „антихристиан муве-мент“—по нашему,—антихристианское движение.

— Здрово дрожат,—подумал я.

Помолившись, принялись за предварительную работу.

Работают они по-нашему. Комиссии, заседания, совещания, машинистки, стенографистки...

Вдруг—бац! Никого не стало в отеле. Помолчились... и уехали верст за двадцать от Пекина. Там открыли свой конгресс.

Подальше от „антихристиан муве-мент“.

Во время конгресса молодежь Китая продолжала демонстрировать свои „симпатии“ к Христианскому Союзу Молодых Людей.

После конгресса движение пошло на убыль. Но итоги движения были великолепные.

Во-первых, Христианский Союз Молодых Людей был разоблачен перед широкими массами китайской молодежи.

Во-вторых, окреп и вырос Социалистический Союз Молодежи как в качественном, так и в количественном отношениях.

В общем, результаты были не плохие.

(С. Далин, „В далеком Китае“).

ПРИЛОЖЕНИЯ

- I. Что читать
- II. Календарь событий.

ИРЯВОКЕНН

В. 100
И. 100

1. Что читать.

К главе I.

Ал. Леонтьев. „Пролетарское юношеское движение“ (ГИЗ, 1920 г.).—В небольшой популярно-написанной книжке т. Леонтьева читатель найдет ценный материал о причинах зарождения юношеского пролетарского движения и его первоначальных задачах.

Г. Чичерин. „Очерки из истории юношеского Интернационала“ („Мол. Гвардия“, 1923 г.).—Первые главы содержат интересные сведения о начальном периоде деятельности юношеских организаций и о Штуттгартском конгрессе 1907 г.

Сборник „Поколение войны и революции“ (изд. „Мол. Гвардия“, 1923 г.).—Дополнительный материал к указанным выше книгам

В. Мюнценберг. „Социалистические юношеские организации до и во время войны“ (изд. „Мол. Рабочий“, 1923 г.).—Первый раздел книги Мюнценберга содержит много документов, материалов, фактических сведений, относящихся к периоду до 1907 г. Книга полезна для желающих детально ознакомиться с историей международного юношеского движения.

К главе II.

Для ознакомления с периодом от 1907 г. до 1914 г. следует прочитать соответствующие главы в упомянутых выше книгах т.т. Чичерина, Мюнценберга и Леонтьева и в сборнике „Поколение войны и революции“. Кроме того, о роли Карла Либкнехта см.:

Сборник „Карл Либкнехт“ (изд. „Мол. Гвардия“, 1923 г.). Сборник содержит обстоятельную биографию Карла Либкнехта, ряд избранных отрывков из его статей, речей и писем и т. д.

Основы антимилитаристской тактики союзов молодежи в довоенный период изложены в книге:

К. Либкнехт. „Милитаризм и антимилитаризм“ (ГИЗ, 1921 г.).

К главе III.

Период с 1914—18 г.г. лучше всего освещен в упомянутой выше книге т. Мюнценберга; напротив, в книге т. Чичерина этот период почти не освещен. Полезно просмотреть также соответствующие главы в названной выше брошюре т. Леонтьева и в сборнике „Поколение войны и революции“.

К главе IV.

Сборник *„Молодежь в революции“* (изд. КИМ, 1923 г.). Несколько тяжеловесная книга, содержащая много документов, отчетов и т. д. Весьма полезна для подготовленных читателей, желающих детально изучить историю юношеского движения.

Сборник *„В стране виселиц“* (изд. „Мол. Гвардия“, 1923 г.). Небольшая, очень популярная, живо написанная книжка, посвященная участию рабочих молодежи в венгерской революции 1918—19 г.г.

Л. Шацкий. *„Берлинский конгресс КИМ“* (изд. ЦК РКСМ, 1920 г.).— Брошюра излагает основные решения Берлинского конгресса и освещает положение отдельных юношеских пролетарских организаций к 1919 г.

Л. Шацкий. *„Доклад о международном юношеском движении на III съезде РКСМ“* (ГИЗ, 1920 г.).

К главе V.

Сборник *„Юная Гвардия“* (изд. „Мол. Рабочий“, 1923 г.). Небольшой сборник, освещает текущую деятельность КИМ'а.

„Решения II конгресса КИМ“ (изд. КИМ, 1922 г.).

Доклады тов. Шацкого в „Бюллетенях IV и V всероссийских съездов РКСМ“ дают освещение деятельности Исполкома КИМ, работы II конгресса КИМ и подготовки к III конгрессу.

Журналы *„Интернационал Молодежи“* и *„Юный Коммунист“* за 1921—24 г.

К главе VI.

Вл. Мирошевский. *„Буржуазные юношеские организации в Германии“* (изд. „Мол. Гвардия“, 1924 г.).

II. Календарь событий.

- 1885 г.—возникновение первых пролетарских юношеских организаций в Голландии (в Антверпене, Громингене и др.).
- 1886 г.—возникновение первой пролетарской юношеской организации („Мол. Гвардия“) в Бельгии (в Генте).
- 1894 г.—возникновение первой пролетарской юношеской организации в Австрии (в Вене).
- Середина 90-х г.г.—возникновение первых пролетарских юношеских организаций в Швеции.
- 1896 г.—возникновение первых пролетарских юношеских организаций в Швейцарии (в Люцерне, Базеле, Берне).
- Конец 90-х г.г.—возникновение первых пролетарских юношеских организаций во Франции, в Чехии.
- 1901 г.—возникновение первых пролетарских юношеских организаций в Италии.
- 1902 г.—объединение отдельных норвежских организаций пролетарской молодежи в „Норвежский Социал-Демократический Союз Молодежи“.
- 1903 г.—возникновение первой пролетарской юношеской организации в Южной Германии (в Оффенбахе).
- 1903 г.—объединение отдельных шведских пролетарских юношеских организаций в „Социалистический Союз Молодежи Швеции“.
- 1903 г.—возникновение первой пролетарской юношеской организации в Испании (в Бильбао).
- 1904 г.—возникновение первой пролетарской юношеской организации в Северной Германии (в Берлине).
- Пасха 1904 г.—учредительная конференция „Союза Молодых Рабочих Австрии“.
- 1905 г.—возникновение „Союза Молодых Рабочих Венгрии“.
- 1906 г.—объединение отдельных испанских пролетарских юношеских организаций в „Социалистическую Федерацию Молодежи Испании“.
- 1906 г.—объединение отдельных германских пролетарских юношеских организаций в „Германский Союз Рабочей Молодежи“.
- 1907 г.—возникновение первых пролетарских юношеских организаций в Болгарии.
- 1907 г.—конгресс всех пролетарских юношеских организаций в Штуттгарте и основание юношеского Интернационала.
- 1908 г.—съезд германской соц.-дем. партии в Нюрнберге и съезд германских профсоюзов в Гамбурге высказываются против самостоятельности юнош. движения.
- 1910 г.—конгресс юношеского Интернационала в Копенгагене.
- 1912 г.—конгресс юношеского Интернационала в Базеле.
- 4—6 апреля 1915 г.—международная конференция революционных организаций рабочей молодежи в Берне.

Сентябрь 1915 г. — выход первого номера журнала „Интернационал Молодежи“.

1916 г. — пленум Междунар. Бюро соц. юнош. орг. в Цюрихе.

1916 г. — откол революционных групп от „Союза Раб. Мол. Германии“ и образование нового союза на нелегальной конференции в Иене.

1917 г. — пленум Международн. Бюро соц. юнош. орг. в Стокгольме.

29 окт.—4 ноября 1918 г. — I съезд РКСМ.

Ноябрь 1918 г. — основание Союза Ком. Пролет. Мол. Австрии.

Декабрь 1918 г. — междунар. конференция в Берлине (представлены революц. организации молодежи Германии, Швейцарии и Италии).

Пасха 1919 г. — переговоры между германским, швейцарским и скандинавским рев. организациями молодежи о созыве всемирного конгресса.

Август 1919 г. — предварительная конференция в Вене по вопросу о созыве всемирного конгресса юнош. пролет. организаций.

7 ноября 1919 г. — в Италии, Швейцарии, Австрии, частью в Германии и др. странах происходит демонстрации рабочей молодежи при пассивности взрослых рабочих.

20 ноября 1919 г. — *Первый конгресс КИМ в Берлине.*

Середина декабря 1919 г. — конференция шведского, норвежского, датского и финляндского союзов одобряет решения Берлинского конгресса.

16—17 мая 1920 г. — в Вене конференция социалистич. организаций молодежи Юго-восточной Европы (Австрия, Чехо-Словакия, Венгрия, Юго-Славия, Румыния и Италия) присоединяется к решениям Берлинского конгресса.

Конец мая 1920 г. — в Милане совещание делегатов соц. орг. молодежи Франции, Италии и Испании присоединяется к решениям Берлинского конгресса.

9—13 июня 1920 г. — первое пленарное заседание Исполкома КИМ (в Берлине).

Июль 1920 г. — в Москве конференция 15 коммунистич. организаций молодежи различных стран по вопросу о созыве II конгресса КИМ.

Июль 1920 г. — в Баку съезд революц. организаций молодежи Востока (в связи с первым конгрессом народов Востока).

27 ноября 1920 г. — в Люксембурге конференция западно-европ. организац. КИМ (Франция, Эльзас-Лотарингия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Рейнская область).

26 февраля 1921 г. — первая международная конференция центристского Интернац. Молодежи (в Вене).

12—13 мая 1921 г. — учредительная конференция желтого (2-го) Интерн. Мол. (в Амстердаме).

Июнь 1921 г. — первая международная „детская неделя“.

Июль 1921 г. — *Второй конгресс КИМ.*

1922 г. — *Третий конгресс КИМ.*

Август 1922 г. — совместное заседание исполкомов желтого (2-го), центристского (2^{1/2}-го) Интернационалов Молодежи в Зальцбурге отклоняет предложение КИМ о едином фронте.

Июль 1923 г. — расширенный пленум Исполкома КИМ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От издательства.

Глава I. У истоков. Возникновение юношеского пролетарского движения. Штуттгартский конгресс 1907 г. 1— 32

Документы и материалы: Карл Маркс о детском труде. — Значение детского и юношеского труда. — Разрушение семьи — предпосылка юношеского пролет. движения. — Положение малолетних рабочих в ремеслах и на фабриках. — Вытеснение взрослых рабочих из производства. — Австрийская рабочая молодежь в 1848 году. — Юношеская организация антимилитаристского типа (Бельгийская „Молодая гвардия“). — Воззвание бельгийской „Молодой гвардии“ против милитаризма. — Юношеские организации экономического и просветительного типа в Австрии. — Идейные расхождения между юношескими организациями и соц.-дем. партиями. — Влияние русской революции 1905 года на движение молодежи. — Резолюция Штуттгартского конгресса об экономической борьбе. ✓

Глава II. Накануне мировой бойни. Борьба против самостоятельности юношеских организаций. — Юношеские организации под бюрократической опекой. 33—66

Документы и материалы: Ликвидация самостоятельных союзов молодежи в Германии. — Резолюция Гамбургского съезда германских профсоюзов о работе среди молодежи. — Резолюция Нюрнбергского съезда германской с.-д. партии о работе среди молодежи. — Проект резолюции Карла Либкнехта о юношеском движении. — Речь Клары Цеткин в защиту самостоятельных юношеских организаций. — Германская рабочая молодежь после 1908 года. — Понижение самостоятельности молодежи и рост оппозиции. — Внешний расцвет юношеских организаций накануне войны. — Рабочая молодежь и полиция. — Леопольд Винарский. — Резолюция Копенгагенского конгресса о взаимоотношениях с профсоюзами и партий.

Глава III. Под грохот пушек. Юношеские организации и война. — Бернская конференция 1915 г. 67— 102

Документы и материалы: Отклики на войну молодых социал-патриотов. — Германская рабочая молодежь во время войны. — Революционные группы молодежи в Германии. — Революционная агитация и молодежь. — Роль Карла Либкнехта. — Макс Борсдорф. — Амедео Катанези. — Работа

тов. Ленина среди швейцарской молодежи во время войны.—Воззвание революционной группы молодежи в Австрии.—Рабочая молодежь и забастовочное движение.—Из статьи Ленина „О лозунге разоружения“.—Из статьи Ленина „Интернационал молодежи“.—Резолюция Бернской конференции о войне и задачах юношеских организаций.—Деятельность Международного Секретариата Интермола во время войны.

Глава IV. В полосе революционных потрясений.

Юношеские пролетарские организации после войны.—Берлинский конгресс 1919 г. . . . 103—132

Документы и материалы: Карл Либкнехт о роли пролетарской молодежи в германской революции.—Покушение т. Лекая на графа Тиссу.—Рабочая молодежь в Советской Венгрии.—Белый террор в Венгрии в 1919 году. Юношеский день в Берлине в 1919 г.—Забастовка учеников в Берлине в 1919 г.—Из воспоминаний тов. Шацкина о Берлинском конгрессе.

Глава V. Последние этапы. Второй конгресс КИМ

(1921 г.). Третий конгресс КИМ (1922 г.). . . 133—172

Документы и материал: Борьба швейцарского союза молодежи за присоединение к Коминтерну.—Возникновение и первые шаги Комсомола в Чехо-Словакии.—Возникновение австрийского Комсомола и его борьба с центристами.—Из резолюции II конгресса КИМ о взаимоотношениях между комсомолами и компартиями.—Из резолюции II конгресса КИМ об экономической борьбе.—Из резолюции II конгресса КИМ об организационном строительстве. Борьба за „единый фронт“.—Значение III конгресса КИМ.—Постановления III конгресса КИМ.—Детские коммунистические группы.—Антимилитаристическое воззвание Коммунистического Союза Молодежи Франции.—В подпольи.

Глава VI. Наши противники. Второй Интернационал

молодежи. Буржуазные противники . . . 173—206

Документы и материалы: Состав „Интернационала рабочей молодежи“.—Из жизни соц.-дем. молодежи Германии.—Буржуазные юношеские организации в Германии.—Самостоятельная буржуазная юношеская организация (Младо-Германский союз“).—Опекаемая буржуазная юношеская организация („Молодая Германия“).—„Христианский союз молодых людей“.

Приложения: I.—Что читать. II.—Календарь событий 207—212

**Нет лучшей книги
для детей и пионеров!**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ПИОНЕР“

НЕОБХОДИМ

**Каждой школе. — Каждому детскому дому.
Каждому отряду.**

В каждом доме, где имеются дети.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

С № 1 до конца года 3 р. 45 к.; 1/2 года 2 р.; 3 м. 1 р. 10 к.

Москва, Старая площадь, 10-4. Телефон 1-81-01.

Самое лучшее чтение

„БОРЬБА МИРОВ“

Ежемесячный журнал приключений.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ, КРАСНАЯ РОМАНТИКА,
ПУТЕШЕСТВИЯ, СПОРТ, КИНО, СМЕХ.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

с № 1 до конца года—3 р. 15 к.; полгода—1 р. 75 к.
3 мес.—95 к.

МОСКВА, Старая пл., 10-4. Торгов. Отдел Издательства.

„Молодая Гвардия“.

**КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
ИЗДАТЕЛЬСТВА ЦК РКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“**

Москва, Неглинный пр., д. 8.

Телефон 4-82-45.

ВСЕ книги ВСЕХ издательств

БОЛЬШОЙ ВЫБОР

всевозможной литературы

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЫ:

Комсомольской,
Пионерской,
Партийной,
литературы

ПОДБОР БИБЛИОТЕК:

комсомольских,
пионерских,
партийных,
профессиональных,
деревенских и др.

Их постоянное пополнение.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ

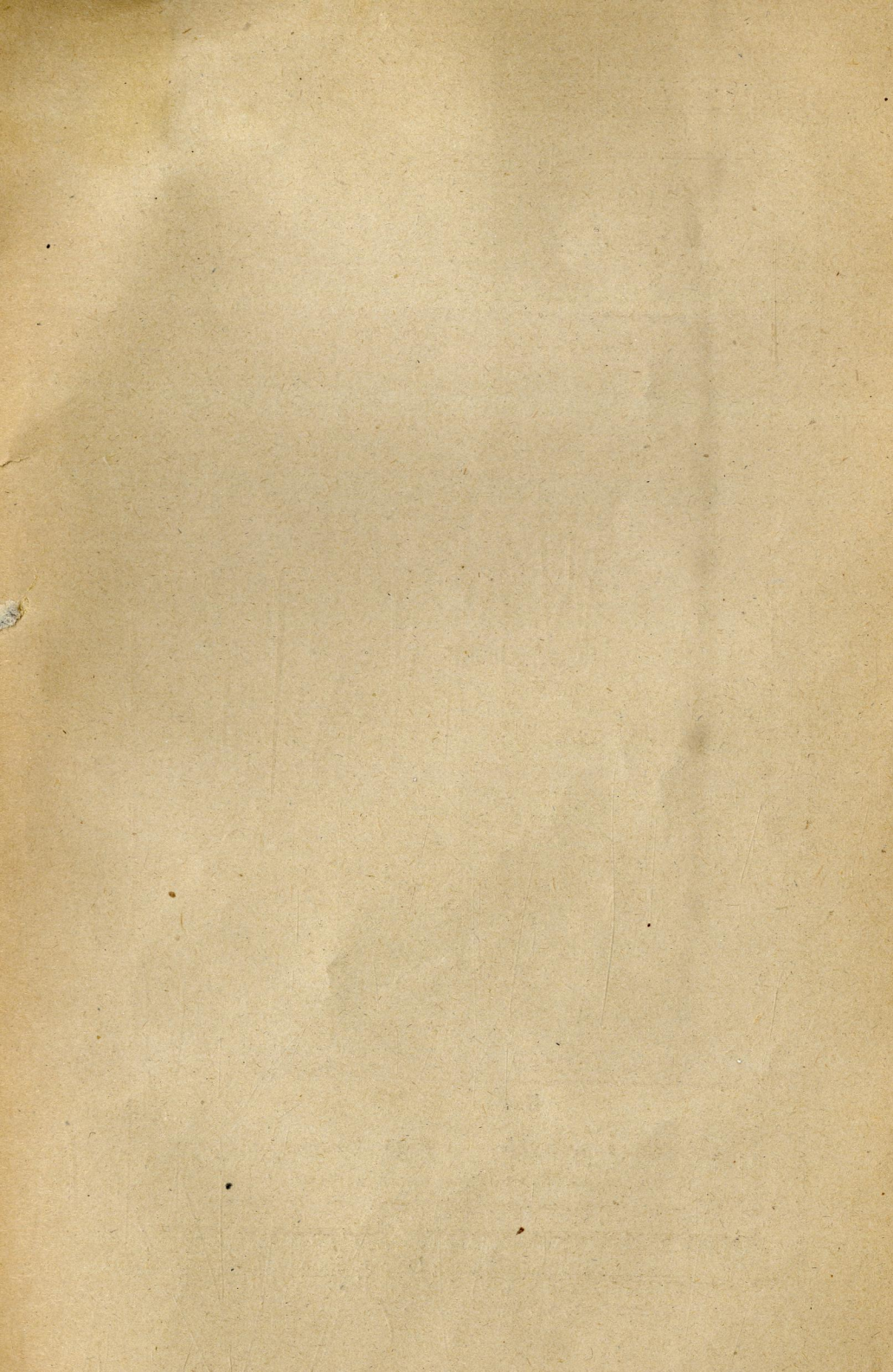
на все издания
МОЛОДОЙ ГВАРДИИ.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ КРЕДИТ **КОЛЛЕКТИВНЫЙ и
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ**

Скидка до 30%

Быстрое и аккуратное выполнение заказов

В провинцию литература высылается наложен-
ным платежом по получении 30% задатка.

42к (1986)

Цена 1 р. 10 к.

3939

Р
А

30702

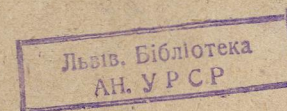
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Главный РСФСР

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЮНОШЕСКОГО
ПРОЛЕТАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Составил Вл. Мирошевский

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1924

С заказами обращаться в торговый сектор издательства
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Старая пл., д. 10/4.

и в Отделения Изд-ва „Молодая Гвардия“ по следующим адресам:

Ленинград, Васильевский Остров, 5-я линия, 28.

Ново-Николаевск, ул. Максима Горького, 63.

Ярославль, ул. Свободы, 36.